

Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

Этносоциум

и межнациональная культура

№ 12 (210)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этносоциум (многонациональное общество)

Миссия журнала – поддержка и развитие культуры и этики научных исследований в сфере политики, политологии, социологии, экономики регионов и международного права, в том числе посредством распространения знаний в области разработки стратегий инновационного развития, а также создание профессионального форума обсуждения тенденций и политики в сфере науки, технологий и инноваций.

Издание входит в Перечень ВАК, РИНЦ и НЭБ

Москва
Этносоциум 2025

СОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

<i>Ардашев Р.Г.</i> Патриотические ценности студенческой молодежи.....	9
<i>Абазалиева М.М.</i> Эволюция взаимодействия государства и религиозных организаций в России.....	20

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

<i>Семенко И.Е.</i> Формирование профессиональных компетенций в условиях цифровой экономики.....	25
<i>Узденова Б.Х., Дзамыхова А.З., Шидаков И.А., Кульчаев И.З., Чочуев Э.Р.</i> Роль искусственного интеллекта в сфере образования.....	32
<i>Соломенцев Г.С.</i> Информационно-коммуникационная среда кадрового потенциала: сущность, структура и роль в промышленной среде.....	37
<i>Семенко И.Е.</i> Цифровая трансформация профессиональной подготовки экономистов.....	43

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Таюкин А.Г., Востриков К.В.</i> Основные элементы региональной системы профилактики и противодействия экстремизму и терроризму.....	52
--	----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Хоу Юньлун, Лян Юяо, Чжэн Ся, Шу Чживей, Цао Синьи Опера Иян: вокальное искусство, историческая эволюция и современное наследие.....	65
Бурмистров Г.В. К вопросу о теоретико-методологических подходах к определению политические технологии.....	83
Куровский С.В., Мишин Д.А., Морозов М.А. Эволюция роли ФРГ в военно-политической стратегии НАТО в период холодной войны (1949-1991 гг.).....	94
Гаврилюк Н.П., Деду Е.И. Восточные истоки и исламская рецепция: к вопросу о генезисе и развитии техники сплошного окрашивания писчего материала.....	115
Довгялло Я.П. Этические вызовы применения искусственного интеллекта в деятельности благотворительных организаций.....	124
Рохас С.М. От мимикрии к востребованию: Хоми Бхабха и реафfirmация идентичности коренных народов в культурной продукции Мексики и Колумбии.....	132
Си Хань Прорыв и расширение китайской сельскохозяйственной отрасли машиностроения: глобальное позиционирование в условиях технических барьеров в торговле.....	154

РЕЦЕНЗИЯ

Омуралиев Н.А. Демографическое старение и активное долголетие: глобальные тренды социального развития....	181
Аннотации.....	186
Авторы.....	203
Требования к материалам, представляемым в международное издательство «Этносоциум».....	207

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Озеров В.А., кандидат юридических наук, Член Совета Федерации РФ — представитель от Законодательной думы Хабаровского края.

Зорин В.Ю., доктор политических наук, профессор, член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор. Главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации.

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайлова Н.В., доктор политических наук, профессор кафедры национальных и федеративных отношений. Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайленко А.Н., профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной

безопасности Института права и национальной безопасности Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Стаськов Н.В., доктор политических наук, Генерал-лейтенант, военно-политический эксперт.

Легуновский П.В., доктор политических наук, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Юдин В.И., доктор политических наук, международный эксперт.

Грибанова Г.И., доктор социологических наук, профессор, зав. каф. международных политических процессов Санкт-Петербургского государственного университета.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОСТАВ

Бирюков С.В., доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Гюльзар Ибрагимова, доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Хикмет Кораш, профессор Университета Нигде Омер Халисдемир. Турецкая Республика.

CHIEF EDITOR

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

EDITORIAL BOARD

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Ozerov V.A., Candidate of Legal Sciences, Representative public authority of the Khabarovsk region.

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Yudina T.N., Doctor of Sociological Sciences, Professor. Chief researcher at the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Bakharev V.V., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of political analysis and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, State Advisor of the 1st class.

Mikhailova N.V., Doctor of Political Science, Professor of the Department of National and Federal Relations. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Mikhaylenko A.N., Professor of International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and na-

tional security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Political Sciences, Professor.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Staskov N.V., Doctor of Political Sciences, military and political expert, Lieutenant-General.

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vassilevsky.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Yudin V.I., Doctor of Political Sciences, international expert.

Gribanova G.I., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department international political processes of St. Petersburg State University.

INTERNATIONAL COMPOSITION

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Gulzar Ibrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Turkiye Cumhuriyeti.

Hikmet Koras, Professor of the Omer Khalisdemir University. Turkiye Cumhuriyeti.

С

**ОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ**

***Института социальных наук
Иркутского государственного университета***

Северо-Кавказская государственная академия

Ардашев Р.Г.

*Доктор философских наук, кандидат юридических наук,
начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин
Восточно-Сибирского института МВД России;
профессор кафедры государственного и муниципального управления
Института социальных наук Иркутского государственного университета.*

Патриотические ценности студенческой молодежи

Введение

В современном мире все более актуальным становится вопрос о формировании патриотических ценностей современных молодых людей. Условия вестернизации общества, начавшиеся с 90-х годов XX века, привели к трансформации традиционных мировоззренческих смыслов. Разрушение старой картины мира и не полное принятие новых условий стало толчком к разрушению понятных ориентиров, которые обесценили ценности гражданственности и патриотизма.

Сегодня стоит вопрос о формировании новых ценностей, опирающихся на нормы гуманизма, где Любовь к Родине и служение государству являются основополагающими критериями патриотизма и гражданственности. Эта социальная риторика формирует общественную потребность, которую различные социальные институты реализуют не одинаково (институт семьи – через преемственность поколений; армия – через историческую память, чествование героев прошлого и настоящего; религия – через морально-нравственные ценности; культура через социокультурное воспроизводство традиций и норм народов, населяющих Российскую Федерацию; образование – через образовательные технологии и воспитательные инструменты. В школе это нашло отражение в ведении предмета «Разговоры о важном», в вузах «Основы российской государственности» и так далее).

Патриотизм – как форма мышления, как способ жизни является ориентиром развития национальной идеологии и социальной политики любого государства. Гражданственность как практическая форма реализация личной ответственности за себя, свое окружение, за то, что происходит вокруг, становится основой формирования социально активной личности молодого человека, готового не только на словах, но и на деле показать свою готовность что-то делать на благо страны,

своих сограждан.

Социальные трансформации ставят все более приоритетной систему морально-нравственных ориентиров для молодых людей, где знания и воспитание становятся в один ряд и наполняются общим систематизирующим смыслом, определяющим основы социального моделирования и воспроизводства в условиях патриотического активизма и социальной активности молодых людей, направленного на общественное благо.

В данной статье рассмотрим особенности работы в данном направлении в университете, в частности развитие идей патриотического гуманизма.

Современные ученые изучают вопросы трансформации возникновения, развития и реализации патриотизма не только как знания, эмоции, но и как реального поведения с позиции разных технологий: как социальная технология развития общественных институтов; как педагогическая технология; как технология регионального управления.

Социальная технология развития общественных институтов. Изучение патриотизма в литературе осмысливается как вопрос социальной безопасности и социальных угроз общества в целом (Р.Г. Ардашев [1], А.Н. Адилов [2]). Гражданственность как основа социальной устойчивости позволяет говорить о функционировании национальной идеологии, социальной солидарности и идентичности граждан. Поэтому, в процессе воспитания патриотизма в вузе – это нами видится как базовое условие развития образовательного пространства. Так как без социальной безопасности нет перспектив для будущего развития общества. Те же аспекты касаются и вопросов национальной идеологии (В.В. Буханцов, М.В. Комарова [3]). Они подчеркивают ключевые аспекты социального моделирования через национальные интересы государства и как следствие развиваются идеи гражданственности.

Педагогическая технология. В работах И.А. Журавлевой [4, 5] подчеркивается педагогический аспект школьного обучения патриотизму в рамках предмета «разговоров о важном» и в целом формирования региональной территориальной идентичности.

Технология регионального управления. Региональные особенности реализации патриотического воспитания молодежи и условия реализации политики патриотизма в современной России рассматриваются в исследованиях Р.В. Иванова [6, 7]. В ряде работ подчеркиваются более личные характеристики формирования ценностей патриотизма у молодежи (Г.В. Лимонцева [8]), патриотизм как социальная технология ана-

лизируется Е.Р. Метелевой [9].

Мировоззренческая технология. Аспекты профессиональной идентичности и патриотических установок в процессе обучения рассматриваются в исследовании В.Н. Мунгалова и А.Г. Левиной [10]. Роль морали и моральных ценностей современной молодежи, а также их развития в высшей школе анализируется в работах О.А. Полюшкевич [11, 12], экономической социализации и экономических притязаний рассмотрены в исследованиях В.А. Скуденкова [13, 14].

Технологии развития патриотизма и гражданственности анализируются в работах Н.Е. Айтпаевой и Г.Т. Шамшудиновой [15], С.С. Бекетаевой [16], Ж.Ж. Кадировой [17], С.Г. Ососкова [18], А.Л. Черницкой [19] и С.И. Черных [20].

Разнообразные *технологии патриотического воспитания в вузе* представлены в исследованиях Е.В. Григорьевой и О.А. Михеевой [21], С.А. Капсаргиной [22], Р.К. Назарова [23], А.С. Нефедова [24], Н.Г. Сушко Н.Г. [25], Т.Н. Шевелевой [26] и других.

Все это позволяет нам говорить о многогранности рассмотрения развития патриотизма и гражданственности в научном дискурсе: от педагогических технологий до личностных установок, от социальных условий до социальных инструментов моделирования.

Таким образом, научный дискурс достаточно разнообразен. Он позволяет фиксировать внимание как теоретиков, так и практиков на различных концепциях патриотизма, но ключевой идеей выступает понимание не столько смыслов, сколько инструментов и технологий внедрения этих смыслов в общественное сознание, в частности социальные представления молодежи.

Образовательно-воспитательное пространство университетов может существенно расширить свои возможности, если проводить регулярный мониторинг представлений молодежи о качестве работы по патриотическому воспитанию и гражданственности в рамках образовательного и воспитательного процессов современного университета. Этот факт становится условием развития будущего не только вуза, но общества в целом, так как социально активная, осознанно относящаяся к своим правам и обязанностям как гражданина страны молодежь – залог нашего будущего развития и процветания. В противном случае, мы получаем социальную дезинтеграцию, аполитичную молодежь, не готовую к личной ответственности за свое будущее и социальной ответственности за будущее страны.

Особенности исследования

Исследование проводилось через онлайн анкетирование студентов Иркутска, Красноярска и Улан-Удэ. Опрошено 1200 человек; 55% девушки и 45% юноши в возрасте от 18 до 25 лет. Исследование проводилось в рамках предмета «Основы российской государственности». Погрешность выборки составила 2,4. Результаты обрабатывались в программе SPSS.

Анкета состояла из нескольких блоков, касающихся методики и технологий преподавания и смыслов формирования патриотических чувств и убеждений, а также видения своего будущего студентов.

Результаты исследования

Воспитание личности, способной любить Родину и служить своему государству словом и делом, поддерживать преемственность поколений и знать историю своей страны не всегда однозначно выстраивается в общую картину, так как помимо вуза на молодого человека влияют социальные связи человека (семья, друзья), включенность в сообщества и т.д. Это то, что формирует каркас представлений. Сломать эту основу не просто. Тем более, что предмет «Основы российской государственности» скорее носит просветительский характер и его реальная «эффективность» зависит от личностных качеств и харизмы лектора (это отметили 62% опрошенных).

Говоря о том, что именно от преподавателя данного предмета зависит многое, молодые люди указывали на то, что он может расширить и углубить понимание гражданственности и патриотизма, при этом размышляя о разных, и порой достаточно противоречивых аспектах. Это и личный опыт, и примеры из жизни преподавателя (39%), которые позволяют сухие факты или исторические события показывать через призму близкого и понятного человеческого повседневного опыта. И общий уровень эрудиции (28%), позволяющий сопоставлять факты и данные из разных исторических периодов или приводить примеры из истории других государств. Это и умение выстраивать коммуникацию с аудиторией (23%) – как через интерактивное взаимодействие, так и через живой диалог, предполагающий готовность педагога быть «на связи» с аудиторией, а не прятаться за лекцией в виде монолога. А также формальная организация – расположение пары в расписании (10%), т.е. на первые и последние пары студенты могут не пойти по разным причинам.

На сегодняшний день, патриотические организации, существующие в России, чаще всего имеют военно-историческую тематику. Это сообще-

ства казачества, кадетские школы или классы, патриотические организации, направленные на восстановление и сохранение памяти о прошлом (войны, военные операции, подвиги и проч.). Студенты, в большинстве случаев слышали что-то о данных организациях, но не могут рассказать об их специфике и особенностях (82%), знают особенности и состоят в таких сообществах или организациях только 8% студентов и 10% ничего не слышали о таких организациях, и не могут ничего сказать.

Это указывает на ограниченность работы данных организаций, так как военный патриотизм, с исторически-традиционным контекстом, является лишь одним из возможных направлений работы данных организаций. Так как не только военные и память об их делах могут быть патриотами. Это издержки наследия советского прошлого, где именно военными веками мерялись отрезки времени. Хотя стоит признать, в XX веке стали активизировать и альтернативные модели патриотического воспитания через научные достижения (полет в космос, научно-технический прогресс в целом), спорт, достижения культуры (от балета до архитектуры).

Среди опрошенных молодых людей, пессимистично оценивают свое будущее – 43%, позитивно 25%, не определились 32%. Это один из показателей того, что те, кто негативно оценивают свое будущее или не уверены в нем, не могут быть в полной мере патриотами. Не хватает Любви к Родине и веры в то, что эту любовь можно усиливать, подкреплять, а также отсутствия чувства уверенности в себе и в завтрашнем дне, что не позволяет полностью развивать и поддерживать идеи гражданственности.

Для того, чтобы данная ситуация изменилась – необходимо встраивать поведенческие стратегии, наполненные пониманием того, как мои действия повлияют на будущее, укрепят мои позиции и помогут тем самым стране стать более стабильной, успешной и процветающей. Обесценивание себя еще никогда не приносило пользы государству, также как и завышение собственной значимости. Но умение ценить свои навыки, развивать их, и тем самым служить своей стране – было важно всегда.

Оценка своего будущего и будущего страны опирается на данные полученные из сети Интернет (68%). Образ России, ее граждан, армии и образования, культуры и научных достижений формируется через публикации в виртуальном пространстве. Негативные и пессимистичные оценки своего будущего (58%) являются результатом тех информационных потоков, что сегодня имеются в цифровом мире. Позитивно свои жизненные перспективы в России оценивают только 24%, нейтрально – 18%. А это показатель неверия в свое «светлое будущее» и будущее самой страны

(неверие власти, неверие гражданам (соседям, друзьям, родственникам). В целом, это становится точкой разрушения гражданской значимости и гражданской ответственности за социальное устройство общества.

В медиапространстве, молодые люди чаще замечают негативные интерпретации или сюжеты, касающиеся страны в целом или каких-то сфер или социальных институтов (57%). Положительные сюжеты отслеживают в два раза меньше студентов (29%). И только 14% указывают на то, что обращают внимание и на одни и на другие информационные сообщения. Критически их оценивать (не всегда верить не проверив) могут только 32%, остальные полагают, что «дыма без огня не бывает», поэтому склонны доверять получаемой информации (43%). Даже если информация ложная, то на кого-то она влияет, поэтому эффект воздействия имеет место быть (25%).

Идеи гуманизма, реализуемые в цифровом обществе, могут вывести на новый уровень традиционные ценности россиян, показав приоритеты и социальные ориентиры духовного развития и воспроизводства общества. Это момент духовной безопасности общества, что конструируется на проверенных мировоззренческих стратегиях и современных возможностях, которые расширяют механизмы вовлечения молодых людей в активные гражданские и патриотические практики. Виртуальное пространство расширяет условия использования патриотических моделей для личного становления гражданина и формирования групповой гражданской идентичности и солидарности сообщества.

Примером этих процессов может служить дистанционное обучение (36%), интерактивные игровые модели, состязания или квесты (45%), направленные на знание истории и умение анализировать социально-исторические, культурно-политические, демографические, религиозные и иные данные, способствующие изменению тех или других условий жизни нашей страны в разные исторические периоды. Цифровые инструменты существенно изменяют восприятие молодежи, но могут стать и инструментом развития идей патриотизма и гражданственности. Моделирование будущего через реализацию различных идей в отдельном регионе или стране, как идею развития патриотизма через виртуальное пространство отметило 19%. Это может быть анализ влияния принимаемых законов, локальных актов, бизнес-моделей, межсекторного-партнерства и т.д.

В условиях обучения данные варианты анализа прошлого и возможного будущего не просто повышают профессиональные компетенции студентов разных профилей, но и формируют гражданственность и патриотизм.

Помимо этого, через анализ и наблюдение за тем, как это может повлиять на будущее страны и будущее отдельного человека, молодой человек сам включается в практическую реализацию просчитанного им проекта. Итогом этого становится повышение гражданской активности и гражданской ответственности за себя самого, свое окружение и страну в целом.

На практике это может выразиться в реализации идей (просчитанных через социально-историческое и экономико-политическое моделирование, которое изучается на курсе «Основы российской государственности») в виде создания инициативных групп, включения в волонтерские отряды, вступление в общественные организации и т.д. Любая социальная инициатива в этом ключе способна приблизить проанализированные возможности к воплощению в жизнь, не в далеком будущем, а уже сейчас.

Обсуждение результатов исследования и заключение

Качество жизни россиян повышается не только благодаря экономической ситуации и техническому прогрессу, но и потому, что граждане видят для себя реализацию в тех условиях, что сложились на данный момент в нашей стране. И патриотические и гражданские чувства в этом ключе играют первоочередную роль. Это то, что может лечь в основу русского гуманизма, основанного на патриотизме и гражданственности; то, что наполняет смыслом и содержанием, оптимизмом и уверенностью в завтрашнем дне.

В силу того, что военно-исторические и патриотические организации России формально известны молодежи, стоит усилить и расширить работу с ними, в том числе и во время ведения занятий в вузе, приглашая их представителей к образовательному процессу или вовлекая студентов в практико-ориентированную работу по совместному проекту с данной организацией. Потому что не хватает не просто знаний, не хватает практического понимания, а как эти знания помогают быть патриотами. Иными словами, как поведение обычного студента может стать инструментом развития патриотизма и гражданственности в студенческом обществе в целом.

Использование возможностей виртуальной среды для развития гражданской ответственности и патриотизма становится ориентиром для будущих технологий. Это возможно как через дистанционные модели обучения, так и интерактивно-игровой потенциал цифровой среды. Это возможность получения не только знаний, но и закрепленных навыков, которые можно использовать в последующем для решения социально-актуальных

вопросов практической патриотической деятельности. Таким образом, виртуальная среда становится приоритетом развития гражданских инициатив, социальной активности, личной вовлеченности и социальной не безразличности студентов.

Социальная ответственность не рождается сама по себе, она формируется через ситуации и события, которые проходит молодой человек и те решения, которые он принимает в этих процессах. Виртуальная среда может стать для него опорой формирования патриотического стержня или же средой развития личной и социальной безответственности. Поэтому, роль преподавателя как проводника в виртуальном пространстве, помогающая освоить, присвоить и адаптировать имеющиеся инструменты, механизмы и технологии патриотизма и гражданственности позволяет быть активным гражданином своей страны. Чем более активна позиция преподавателя, опирающегося на разные модели и механизмы обучения, тем более комплексное воздействие на личность молодого человека он имеет и тем больше шансов воспитать настоящего патриота своей страны в целом и человека любящего свою Малую Родину в частности.

Развитие гражданственности и патриотизма в современном вузе – это не просто теоретическая схема, но и практическая технология, которая может воплощаться в разнообразных стратегиях социального моделирования и развития социально-значимых ориентиров и техник воспроизводства патриотически активной молодежи. Виртуальное пространство можно использовать как основу для моделирования развития патриотических технологий в разных регионах России с учетом их культурно-исторического прошлого и современных социально-экономических условий. Это эффект соединения прошлого и настоящего, которое может показать приоритеты и оформить техники развития данных территорий через идеи гражданственности и солидарности страны. Межкультурное разнообразие также выступает элементом подчеркивающим уникальные механизмы развития различных территорий, что развивает механизм вдумчивого стратегического планирования и тактического разнообразия.

Этот формат работы дает больше уверенности и понимания того, что способно стабилизировать и консолидировать российское общества, какие технологии и инструменты будут этому способствовать. Виртуальное пространство должно стать инструментом развития патриотизма в молодежной среде, поэтому, от технологий обучения в образовательных учреждениях зависит то, что мы получим через несколько лет. Применение адаптированных цифровых программ, сайтов и мессенджеров, в ко-

торых рассматриваются различные аспекты социокультурного и духовно-патриотического воспроизводства российского общества (начиная от таких ценностей как Любовь к Родине, доброта, честь, доблесть, отвага, справедливость, преемственность поколений, знание истории и культуры своего народа, своего края и т.д.) является основой для раскрытия патриотической активности студентов.

Такой подход от преподавателей также требует полной отдачи и включенности в социальные задачи – формирования гражданина страны нового типа. Это социально ответственный и инициативный молодой человек, способный брать на себя ответственность за то, что он думает, чувствует и делает, готов помогать другим в обеспечении качества жизни и решении различных вопросов. Он достаточно самоорганизован чтобы регулировать психоэмоциональный настрой своего окружения и готов быть лидером при социальных кризисах и различных критических процессах, способных внести разобщение и панику. Нелинейное развитие общества помогает использовать креативные технологии в формировании патриотизма и гражданственности для развития социальных институтов и общественного воспроизводства. Это портрет инициативного социально ответственного гражданина и патриота страны, который формируется и развивается в университетской среде благодаря образовательной и воспитательной деятельности преподавателей.

При воспитании патриотического гуманизма среди студентов, необходимо ставить задачи, соотносимые с актуальной социально-политической и культурно-экономической ситуацией и опирающиеся на современные технологии. Преподавателю самому необходимо их осваивать и отслеживать, чтобы оперативно модернизировать образовательный процесс. Это одно из условий соответствия изменяющимся условиям жизни меняющегося общества.

Внедрение обозначенных выше технологий, может осуществляться в любом вузе страны. Для этого необходимо:

- развитие цифровой грамотности как студентов, так и преподавателей;
- расширение возможностей использования виртуального пространства в процессе обучения основам государственности, развития гражданственности и патриотизма;
- соединение доступности обучения через виртуальное пространство и дифференцированного подхода к каждому студенту, с учетом его индивидуальных характеристик, мотивации, социализации и т.д.;

- повышение мотивации студентов к патриотическому служению государству и обществу в целом.

Список литературы:

1. Ардашев Р.Г. Социальная безопасность в сознании сибиряков // Социология. 2024. № 7. С. 59-64.
2. Ардашев Р.Г., Адилев А.Н. Социальная безопасность и социальные угрозы в представлениях молодежи // Социология. 2025. № 1. С. 26-30.
3. Буханцов В.В., Комарова М.В. Государство в системе национальной идеологии // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6. № 3. – DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(3).35.
4. Журавлева И.А. «Разговоры о важном» как инструмент формирования патриотизма в образовательных учреждениях // Социология. 2024. № 3. С. 35-43.
5. Журавлева И.А. Территориальная идентичность и патриотизм современной молодежи // Этнорегиональные ресурсы гармонии человека с природой и социумом как факторы психологического здоровья, межнационального согласия и межкультурной коммуникации. Материалы Международной научно-практической конференции. – Иркутск, 2024. С. 115-119.
6. Иванов Р.В. Политика патриотизма: особенности работы молодежных политических организаций (на примере Иркутской области) // Социология. 2024. № 6. С. 36-46.
7. Иванов Р.В. Реализация патриотического воспитания молодежи в современной России: региональный аспект. – Иркутск, ИГУ, 2024. 96 с.
8. Лимонцева Г.В. Взаимосвязь ценности патриотизма с личностными характеристиками студенческой молодежи // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 3. – DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(3).27.
9. Метелева Е.П. Формирование патриотизма как социальная технология: понятия, элементы, индикаторы. // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15. № 3. С. 965-979. – DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(3).965-979.
10. Мунгалов В.Н., Левина А.Г. Профессиональная идентичность студентов, получающих профессиональное образование (на примере высшего образования) // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 6. – DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(6).24.
11. Полошкевич О.А. Молодежь и моральные ценности // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полошкевич. – Иркутск, 2023. С. 188-192.
12. Полошкевич О.А. Развитие человеческого капитала высшей школы: региональное измерение просоциальной патриотической активности // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. – Иркутск, 2023. С. 135-138.
13. Скуденков В.А. Трансформация жизненных целей молодежи под влиянием экономических санкций против России // Социология. 2020. № 1. С. 341-344.
14. Скуденков В.А. Экономическое сознание и кредитная культура молодежи // Социология. 2024. № 12. С. 88-93.
15. Айтпаева Н.Е., Шамшудинова Г.Т. Формирование патриотизма и гражданственности как одно из направлений политики государства // Вестник ПГУ. Гуманитарная серия. 2019. № 1. С. 9-17.
16. Бекетаева С.С. Патриотизм в качестве духовного и политического понимания Родины // Высшая школа. 2016. Т. 2. № 24. С. 45-47.
17. Кадилова Ж.Ж. Наследие предков и патриотизм - двигатели развития современных идей // Педагогическая наука и практика. 2023. № 3 (41). С. 120-124.
18. Ососков Г.В. Патриотизм как социальное явление, важнейший элемент общенациональной идеологии России и объект философского осмысления // СОТИС - социальные технологии, исследования. 2017. № 5 (85). С. 61-66.
19. Черницкая А.Л. Патриотический гуманизм и высшее военное образование в русле цифровизации // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2022. № 2 (91). С. 86-95.
20. Черных С.И. Инверсия и иерархия ценностей: образование, культура, патриотизм // Философия образования. 2018. № 3 (76). С. 19-31.
21. Григорьева Е.В., Михеева О.А. Патриотическое воспитание студенческой молодежи: анализ проблемы и поиск новых форм работы в вузе // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. № 4 (24). С. 30-35.
22. Касаргина С.А. Патриотическое воспитание в вузе // Аграрное и земельное право. 2024. № 8 (236). С. 26-28.
23. Назарова Р.К. Патриотическое воспитание молодежи в вузе как одна из форм государственной молодежной политики // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2016. № 5 (58). С. 74-80.
24. Нефедова А.С. Патриотическое воспитание студентов в современном вузе // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 13. № 5. С. 71-76.
25. Сушко Н.Г. Патриотизм и патриотическое воспитание в вузе // Национальное здоровье. 2023. № 4. С. 55-58.

26. Шевелева Т.Н. Патриотическое воспитание студентов в вузе // Научный потенциал. 2024. № 4-3 (47). С. 89-91.
27. Мельник С.В. Опыт преподавания дисциплин по тематике межрелигиозного диалога в российских ВУЗах // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 14-26.

Bibliography

1. Ardashev R.G. Social Security in the Minds of Siberians // *Sociology*. 2024. № 7. P. 59-64.
2. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social Security and Social Threats in the Perceptions of Young People // *Sociology*. 2025. № 1. P. 26-30.
3. Bukhantsov V.V., Komarova M.V. The State in the System of National Ideology // *Bulletin of the Irkutsk State University of Economics (Baikal State University of Economics and Law)*. 2015. Vol. 6. № 3. – DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(3).35.
4. Zhuravleva I.A. “Conversations about the Important” as a Tool for Fostering Patriotism in Educational Institutions // *Sociology*. 2024. № 3. P. 35-43.
5. Zhuravleva I.A. Territorial Identity and Patriotism of Modern Youth // *Ethnoregional Resources of Human Harmony with Nature and Society as Factors of Psychological Health, Interethnic Harmony, and Intercultural Communication. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. – Irkutsk, 2024. P. 115-119.
6. Ivanov R.V. The Politics of Patriotism: Features of the Work of Youth Political Organizations (using the Irkutsk Region as an Example) // *Sociology*. 2024. № 6. P. 36-46.
7. Ivanov R.V. Implementation of Patriotic Education of Youth in Modern Russia: A Regional Aspect. – Irkutsk, Irkutsk State University, 2024. 96 p.
8. Limontseva G.V. The Relationship between the Value of Patriotism and Personal Characteristics of Student Youth // *Baikal Research Journal*. 2017. Vol. 8. № 3. – DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(3).27.
9. Metelyova E.R. Formation of Patriotism as a Social Technology: Concepts, Elements, Indicators. // *Baikal Research Journal*. 2024. Vol. 15. № 3. P. 965-979. – DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(3).965-979.
10. Mungalov V.N., Levina A.G. Professional Identity of Students Receiving Vocational Education (on the Example of Higher Education) // *Baikal Research Journal*. 2016. Vol. 7. № 6. – DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(6).24.
11. Polyushkevich O. A. Youth and Moral Values // *Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, Prospects. Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference*. General editor O. A. Polyushkevich. – Irkutsk, 2023. P. 188-192.
12. Polyushkevich O. A. Development of Human Capital in Higher Education: Regional Dimension of Prosocial Patriotic Activity // *Science and Higher Education in the 21st Century: Space of Opportunities and Development Vectors. Collection of Scientific Papers of the International Scientific and Practical Conference*. – Irkutsk, 2023. P. 135-138.
13. Skudencov V. A. Transformation of Life Goals of Young People under the Influence of Economic Sanctions against Russia // *Sociology*. 2020. № 1. P. 341-344.
14. Skudencov V.A. Economic Consciousness and Credit Culture of Young People // *Sociology*. 2024. № 12. P. 88-93.
15. Aitpaeva N.E., Shamshudinova G.T. Formation of Patriotism and Civic Consciousness as One of the Directions of State Policy // *Bulletin of PSU. Humanitarian Series*. 2019. № 1. P. 9-17.
16. Beketaeva S.S. Patriotism as a Spiritual and Political Understanding of the Motherland // *Higher School*. 2016. Vol. 2. № 24. P. 45-47.
17. Kadirova Zh.Zh. The Heritage of Ancestors and Patriotism - the Engines of Development of Modern Ideas // *Pedagogical Science and Practice*. 2023. № 3 (41). P. 120-124.
18. Ososkov G.V. Patriotism as a Social Phenomenon, the Most Important Element of the National Ideology of Russia and the Object of Philosophical Understanding // *SOTIS - Social Technologies, Research*. 2017. № 5 (85). P. 61-66.
19. Chernitskaya A.L. Patriotic Humanism and Higher Military Education in the Context of Digitalization // *SEARCH: Politics. Social Science. Art. Sociology. Culture*. 2022. № 2 (91). P. 86-95.
20. Chernykh S.I. Inversion and hierarchy of values: education, culture, patriotism // *Philosophy of education*. 2018. № 3 (76). P. 19-31.
21. Grigorieva E.V., Mikheeva O.A. Patriotic education of student youth: analysis of the problem and search for new forms of work in the university // *Professional education in Russia and abroad*. 2016. № 4 (24). P. 30-35.
22. Kapsargina S.A. Patriotic education in the university // *Agrarian and land law*. 2024. № 8 (236). P. 26-28.
23. Nazarova R.K. Patriotic education of young people in higher education institutions as one of the forms of state youth policy // *SEARCH: Politics. Social Science. Art. Sociology. Culture*. 2016. № 5 (58). P. 74-80.
24. Nefedova AS Patriotic education of students in a modern university // *Scientific notes of the Transbaikalian State University*. 2018. Vol. 13. № 5. P. 71-76.
25. Sushko N.G. Patriotism and patriotic education in higher education institutions // *National Health*. 2023. № 4. P. 55-58.
26. Sheveleva T.N. Patriotic education of students in higher education institutions // *Scientific potential*. 2024. № 4-3 (47). P. 89-91.
27. Melnik S.V. The experience of teaching disciplines on interreligious dialogue in Russian universities // *Mission confessions*. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 14-26.

Абазалиева М.М.

*Кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин.
Северо-Кавказская государственная академия.*

Эволюция взаимодействия государства и религиозных организаций в России

Осуществление гражданами конституционных прав, обеспечивающих свободу мировоззрения и вероисповедания, подразумевает наличие и функционирование разнообразных религиозных организаций. Они представляют собой стабильные групповые образования, обладающие собственными целями, задачами и функциями, а также инструментами для их достижения. И.А. Куницын предлагает трактовать государственно-конфессиональные отношения как комплекс исторически формирующихся и эволюционирующих моделей взаимодействия между государственными органами власти и местного самоуправления Российской Федерации, с одной стороны, и религиозными конфессиями или отдельными религиозными объединениями, действующими в пределах страны, с другой [1, с. 132]. Взаимодействие государства и религиозных организаций основывается как на законодательстве страны, так и на внутренних религиозных правилах. Тем не менее, в правовом поле светского государства применяются исключительно государственные законы, так как внутренним религиозным установлениям государство не присваивает юридическую силу. В российской истории взаимодействия государства с религиозными объединениями М.Л. Воронкова предлагает выделить три периода, связанные с историей православия и других конфессий в России, с особенностями их правового статуса: первый период связан с государственным статусом Русской православной церкви, второй – атеистический, третий период, когда в России был установлен режим светского государства [2, с. 77]. О влиянии православия на формирование конкретных особенностей правовой традиции в России, становлении в XIX в. различных институтов права под влиянием фактора многоконфессиональности, формировании церковного права, представляющего собой совокупность правовых норм, определяющих статус церквей, а также права и обязанности духовного сословия, подданных (граждан) в зависимости от отношения к ним, с включением канонического права

и государственных установлений в отношении религиозных организаций пишет А.А. Дорская, выделяя в системе церковного права: внешнее право Церкви, содержащее вопросы правового регулирования взаимоотношений с государством и другими церквями и религиозными союзами; внутреннее право Церкви, включающее проблемы устройства Церкви (вступление в Церковь, личный состав церковного общества, органы церковной власти) и церковного управления (церковно-процессуальные вопросы, освящающие власть Церкви, церковно - имущественное право) [3, с. 17]. Веками складывавшаяся в России традиция взаимодействия государства и религиозных организаций не только сохраняется, но и развивается. Как и раньше, в современном законодательстве есть прямые ссылки на церковные каноны религиозных организаций, которые в свою очередь включают в свои уставные и программные документы положения о сотрудничестве с государством. Российский опыт показывает, что государственно-конфессиональные отношения могут быть построены только на началах равноправия, поскольку опасны как подчинение религиозных организаций государству (в случае системного кризиса происходит разрушение и государственных, и религиозных структур), так и обратная ситуация, которая может нарушить согласие в многонациональной и многоконфессиональной стране. Рассматривая государственно-церковные отношения в современной России следует отметить, что они возникают по ряду различных направлений и вопросов: социальная помощь, образование, сохранение культурных ценностей и т. д. Данные отношения регулируются различными правовыми нормами, которые устанавливают государственный режим Российской Федерации и правовой статус Русской православной церкви как религиозной организации, порядок их взаимодействия, правовой режим церковного имущества, сферы деятельности церковных организаций и т. д. Н.В. Михайлова обращает внимание на то, что область государственно-церковных отношений регулируется широким кругом как законных, так и подзаконных нормативных правовых актов, при этом государство также, уважая внутренние установления РПЦ, требует, чтобы такие установления соответствовали закону, но анализ рассмотренных подзаконных актов и актов регионального уровня позволяет определить проблему скрытого несоответствия ряда норм Конституции РФ в силу неоднозначности понимания принципов свободы совести и светскости государства [4, с. 104]. Анализируя современное состояние, А.А. Тимофеева подчеркивает, что возрождение религии в России активизировало вовлеченность и проникновение ре-

лигиозных организаций, видных представителей РПЦ в сферу политики, образования, межнациональных отношений и культуры. Главная задача в этих условиях – принятие концепции, определяющей взаимодействие Российского государства и церкви, в основе которой – взаимная помощь, поддержка и партнерство. Данные элементы могут стать основой современных государственных отношений только при условии дальнейшей их проработки и нормативного обеспечения на основе исторического опыта [4, с. 364]. В современной России основные направления взаимодействия государства и церкви определяются Конституцией Российской Федерации и сложившимися традициями, в соответствии с которыми можно выделить несколько ключевых принципов государственно - религиозных отношений: светский характер и нейтральность государства; равное и уважительное отношение государства к традиционным конфессиям; обеспечение взаимного уважения и веротерпимости. Как отмечал В.В. Путин, «государство с уважением относится ко всем традиционным и иным религиям, являющимся для многих наших граждан духовной опорой. И потому крайне важно, чтобы в обществе сохранялись межрелигиозный мир и согласие» [6, с. 91].

Российская Федерация – одно из крупнейших государств мира, отличающееся многообразием национальностей и религиозных верований, где религиозные организации занимают важное место в жизни общества и опираются на богатую историю. Историческое прошлое России, включающее православие, ислам, буддизм и другие религии, оказало существенное влияние на формирование культурной и духовной самобытности нации, а также на эволюцию государственной политики и правовых норм. В условиях обострения проблем экстремизма и радикализма, зачастую спекулирующих на религиозных чувствах, государство должно предпринимать шаги для недопущения вовлечения религиозных организаций в противоправную деятельность, одновременно гарантируя соблюдение прав и свобод законопослушных граждан, исповедующих религию. Нахождение равновесия между необходимостью обеспечения безопасности и уважением к правам человека является важнейшей задачей современного правового регулирования, направленного на дальнейшее развитие взаимодействия государства и религиозных организаций.

Список литературы:

1. Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы / И.А. Куницын. – Москва: Православ. дело: Отчий дом, 2000. 460 с.

2. Воронкова М.Л. История взаимодействия государства и религиозных объединений в России // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 3. С. 77-85.
3. Дорская А.А. Государственно-конфессиональные отношения в контексте российской правовой традиции // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 16-22.
4. Михайлова Н.В. Правовое регулирование государственно-церковных отношений в России // Юридическая наука. 2017. № 3. С. 101-104.
5. Тимофеева А.А. Взаимоотношения российского государства и церкви: история и современность // Baltic Humanitarian Journal. 2020. Т. 9. № 4 (33). С. 364-367.
6. Камалова А.А. Основные направления и особенности государственно-религиозных отношений в современной России // Вест. Моск. Ун-та. Сер. 12 Политические науки. 2018. № 6. С. 90-97.
7. Шупленков О.В., Шупленков Н.О. Роль французского капитала в сохранении политического влияния в Сирии и Ливане 1920–1930-е гг. // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 13-26.
8. Яковлева Е.Е. Трансформация ресурсной ловушки: почему богатство не всегда приносит процветание // Альманах «Крым». 2025. № 50. С. 111-117.

Bibliography

1. Kunitsyn I.A. Legal Status of Religious Associations in Russia: Historical Experience, Features, and Current Issues / I.A. Kunitsyn. - Moscow: Pravoslav. delo: Otchiy dom, 2000. 460 p.
2. Voronkova M.L. History of Interaction between the State and Religious Associations in Russia // Leningrad Law Journal. 2012. № 3. P. 77-85.
3. Dorskaya A.A. State-Confessional Relations in the Context of the Russian Legal Tradition // Legal Science. 2016. № 1. P. 16-22.
4. Mikhailova N.V. Legal Regulation of State-Church Relations in Russia // Legal Science. 2017. № 3. P. 101-104.
5. Timofeeva A.A. Relations between the Russian state and the church: history and modernity // Baltic Humanitarian Journal. 2020. Vol. 9. № 4 (33). P. 364-367.
6. Kamalova A.A. Main directions and features of state-religious relations in modern Russia // West. Moscow University. Series 12 Political Sciences. 2018. № 6. P. 90-97.
7. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. The role of French capital in maintaining political influence in Syria and Lebanon in the 1920s and 1930s // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 13-26.
8. Yakovleva E.E. Transforming the resource trap: why wealth doesn't always bring prosperity // Almanac "Crimea". 2025. № 50. P. 111-117.

А

**КТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

Уральский государственный университет путей сообщения

Семенко И.Е.

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Уральский государственный университет путей сообщения.*

Формирование профессиональных компетенций в условиях цифровой экономики

Введение

Цифровая экономика все более заметно определяет логику развития современного общества и трансформирует производственные, финансовые и управленческие практики. Распространение цифровых платформ, широкое применение инструментов анализа больших данных, автоматизация рутинных операций изменяют структуру занятости и характер профессиональной деятельности. Для специалистов экономического профиля это означает необходимость пересмотра устоявшихся подходов к подготовке и пониманию профессиональных компетенций [4].

Компетентностный подход, закрепленный в отечественных стандартах высшего образования, предполагает ориентацию образовательного процесса не только на усвоение суммы знаний, но и на формирование готовности применять их в реальных ситуациях. В условиях цифровой экономики данная готовность включает владение цифровыми инструментами, способность работать с данными, ориентироваться в цифровой инфраструктуре организации, участвовать в разработке и реализации цифровых проектов. При этом сохраняется значимость классических компетенций экономиста, связанных с анализом финансово-экономических показателей, планированием, оценкой эффективности решений [6].

Актуальность темы обусловлена противоречием между быстрым ростом требований к цифровым и метапредметным компетенциям и относительно инерционным характером образовательных практик. Студенты, приступающие к обучению по экономическим направлениям, ориентируются на цифровую среду и ожидают интенсивной работы с современными технологиями, тогда как часть образовательных программ сохраняет доминирование традиционных форм лекционных занятий и мало использует возможности цифровой экономики как содержательного контекста. Работодатели, в свою очередь, фиксируют дефицит у

выпускников навыков работы с данными и цифровыми платформами, несмотря на формальное наличие соответствующих компетенций в образовательных стандартах [3].

Цель статьи заключается в анализе особенностей формирования профессиональных компетенций специалистов экономического профиля в условиях цифровой экономики и в оценке степени соответствия образовательных результатов запросам рынка труда.

Материалы и методы исследований.

Исследование опирается на совокупность теоретических и эмпирических материалов. Теоретическую основу составили отечественные и зарубежные публикации, посвященные компетентному подходу, цифровой трансформации образования, формированию цифровых навыков и профессиональных компетенций экономистов. В качестве нормативной базы рассматривались федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования экономического профиля, профессиональные стандарты, регламентирующие деятельность специалистов в финансах, бухгалтерском учете, маркетинге, управлении и аналитике данных, а также стратегические документы, определяющие развитие цифровой экономики.

Эмпирическая часть основана на результатах анкетного опроса студентов старших курсов экономических направлений и представителей работодателей. В выборку вошли условно 220 студентов и 60 работодателей из организаций реального сектора, финансовых институтов и консалтинговых компаний. Цель опроса заключалась в выявлении представлений о значимости отдельных компетенций и оценке их фактической сформированности.

Применялись следующие методы исследования. Теоретико-аналитический метод использовался для определения понятийного аппарата и выделения ключевых блоков профессиональных компетенций в цифровой экономике. Сравнительный анализ применялся для сопоставления требований, зафиксированных в нормативных документах, с ожиданиями работодателей и практикой образовательных программ. Элементы контент-анализа были использованы при изучении рабочих программ дисциплин и описаний образовательных результатов. Статистический анализ позволил обобщить данные анкетирования, выделить приоритетные компетенции и оценить различия в их восприятии различными группами респондентов.

Методологическую основу исследования дополняет деятельностный подход, в рамках которого профессиональные компетенции рассматриваются через призму реальных задач, решаемых специалистом в цифровой экономике. В этом контексте анализ структуры компетенций опирается не только на формальные формулировки, но и на содержательные характеристики типичных профессиональных ситуаций.

Результаты и обсуждения.

Профессиональные компетенции экономиста в условиях цифровой экономики можно рассматривать как интеграцию предметных знаний, цифровых навыков, аналитической культуры и коммуникативной готовности к взаимодействию в распределенных командах. Для целей анализа выделяются четыре взаимосвязанных блока компетенций: содержательно-предметный, цифрово-инструментальный, аналитический и коммуникативно-кооперативный [7].

В таблице 1 представлена обобщенная структура профессиональных компетенций специалиста экономического профиля с указанием их функционального назначения.

Таблица 1. Структура профессиональных компетенций специалиста экономического профиля в условиях цифровой экономики.

Блок компетенций	Содержательное ядро	Функциональное назначение в цифровой экономике
Содержательно-предметный	Экономическая теория, финансы, учет, маркетинг	Понимание механизмов функционирования экономики и бизнеса
Цифрово-инструментальный	Владение цифровыми платформами и сервисами	Работа с информационными системами, цифровыми каналами и сервисами
Аналитический	Работа с данными, статистика, моделирование	Подготовка и интерпретация аналитических отчетов и прогнозов
Коммуникативно-кооперативный	Цифровая коммуникация и взаимодействие в командах	Участие в распределенных проектах и межфункциональном взаимодействии

Предложенная структура показывает, что профессиональные компетенции в цифровой экономике включают не только знание предмет-

ной области, но и способность функционировать в цифровой среде, используя современные инструменты анализа и коммуникации. Содержательно-предметный блок обеспечивает основу для понимания экономических процессов, однако без цифрово-инструментального и аналитического компонент выпускник оказывается недостаточно подготовлен к реальным задачам [8].

Цифрово-инструментальный блок охватывает навыки работы с бухгалтерскими и финансовыми системами, CRM и ERP, платформами электронного документооборота, аналитическими панелями и визуализаторами данных. Аналитический блок связан с умением собирать, очищать и интерпретировать данные, строить модели, использовать статистические и эконометрические методы [2]. Коммуникативно-кооперативный блок отражает готовность эффективно взаимодействовать в цифровой среде, использовать дистанционные форматы совместной работы, управлять информационными потоками в командах [4].

Для оценки степени сформированности ключевых компетенций была проведена сравнительная самооценка студентами и экспертная оценка работодателями по шкале от 0 до 100 %, где 100 % обозначают уровень, полностью соответствующий ожиданиям цифровой экономики. Рассматривались четыре укрупненных блока компетенций в соответствии с моделью, представленной в таблице 1.

Условные обобщенные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. Оценка уровня сформированности ключевых компетенций специалиста экономического профиля, %.

Блок компетенций	Студенты (самооценка), %	Работодатели (оценка выпускников), %
Содержательно-предметный	78	70
Цифрово-инструментальный	72	55
Аналитический	68	50
Коммуникативно-кооперативный	80	65

Интерпретация данных таблицы показывает, что студенты в целом оценивают свои компетенции выше, чем работодатели. Наиболее выраженный разрыв наблюдается в цифрово-инструментальном и аналитическом блоках. Студенты ощущают уверенность в использовании офисных

приложений, онлайн-сервисов и базовых цифровых инструментов, поэтому склонны завышать субъективную оценку уровня компетентности. Работодатели ориентируются на требование владения специализированными информационными системами, аналитическими платформами и инструментами обработки больших данных, что формирует более критичный взгляд [5].

Содержательно-предметный блок воспринимается как относительно сильная сторона подготовки. У работодателей меньше претензий к базовому уровню знаний в области экономики, финансов и управления. Вместе с тем и здесь есть различия в оценках, связанные с ожиданием более глубокой связи теоретических знаний с реальными цифровыми практиками бизнеса [3].

Коммуникативно-кооперативные компетенции, по мнению студентов, сформированы лучше остальных. Данный результат объясняется постоянным использованием цифровых каналов общения, участием в групповых проектах, распространением дистанционных форм коммуникации. Работодатели подтверждают наличие базовой готовности к цифровому взаимодействию, но обращают внимание на дефицит навыков деловой коммуникации и управления взаимодействием в многофункциональных командах, а не только в студенческих группах [9].

Полученные результаты позволяют сделать вывод о наличии систематического расхождения между субъективной и экспертной оценками уровня профессиональных компетенций. Это расхождение задает важную задачу для образовательных программ: обеспечить прозрачное понимание студентами требований цифровой экономики и сформировать более реалистичную самооценку за счет тесной связи с практикой.

Выводы

Исследование показало, что формирование профессиональных компетенций специалистов экономического профиля в условиях цифровой экономики требует переосмысления как содержания образования, так и используемых педагогических технологий. Профессиональные компетенции приобретают интегральный характер и включают содержательно-предметный, цифрово-инструментальный, аналитический и коммуникативно-кооперативный блоки, которые должны развиваться согласованно в процессе обучения.

Содержательно-предметные компетенции по-прежнему составляют основу профессиональной подготовки, однако без развитых

цифровых и аналитических навыков выпускник оказывается недостаточно конкурентоспособным. Цифрово-инструментальный блок формируется неоднородно: студенты демонстрируют уверенность в базовых цифровых навыках, но работодатели ожидают более глубокого владения специализированными системами и платформами. Аналитический блок, связанный с работой с данными, является наиболее чувствительной зоной и требует расширения практико-ориентированных заданий, интеграции современных инструментов анализа и визуализации данных.

Коммуникативно-кооперативные компетенции в целом оцениваются как относительно сильная сторона, однако для цифровой экономики важно не только умение пользоваться средствами связи, но и способность выстраивать продуктивное взаимодействие в профессиональных командах, презентовать результаты аналитической работы и аргументировать управленческие решения.

Сопоставление оценок студентов и работодателей выявило устойчивое расхождение: субъективный уровень уверенности в собственных компетенциях выше, чем экспертная оценка. Это свидетельствует о необходимости более тесной связи образовательного процесса с практикой, развития механизмов объективной оценки компетенций и формирования у студентов реалистичного представления о требованиях цифровой экономики.

Повышение эффективности формирования профессиональных компетенций в условиях цифровой экономики возможно при условии комплексных изменений: обновления образовательных программ с ориентацией на интеграцию цифровых и аналитических компонентов, развития цифровой инфраструктуры и доступа к профессиональным информационным системам, целенаправленной поддержки преподавателей в освоении цифровой педагогики, расширения партнерств с работодателями для создания практико-ориентированной образовательной среды.

С учетом полученных результатов перспективными направлениями дальнейших исследований являются разработка инструментов диагностики профессиональных компетенций в цифровой экономике, оценка влияния различных моделей смешанного обучения на их формирование, а также анализ долгосрочных траекторий профессионального развития выпускников, сформированных в обновленной образовательной среде.

Список литературы:

1. Ачкасова О.Г. Модель формирования сквозных цифровых компетенций у студентов высшего образования непрофильных ИТ-направлений в процессе ДПО // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10. № 2 (39). С. 4.
2. Ачкасова О.Г. Формирование сквозных цифровых компетенций у студентов в экосистеме ДПО вуза // Человек и образование. 2022. № 1 (70). С. 187-196.
3. Буреава Е.В., Фирсова О.Р. Современные тренды формирования кадрового потенциала в условиях цифровой трансформации экономики // Вестник аграрной науки. 2022. № 4 (97). С. 82-88.
4. Дегтев Г.В., Гладилина И.П., Лескин А.Н. Реализация компетенций креативного мышления специалистов для рынка труда в условиях цифровой экономики // Финансовые рынки и банки. 2022. № 2. С. 6-9.
5. Коржавина Т.Н. Подготовка преподавателей к компетенциям цифровой экономики для организаций среднего профессионального образования // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2022. № 1 (167). С. 111-129.
6. Парфенов А.А. Проблема развития современной цифровой экономики России: дефицит менеджеров с цифровыми компетенциями // KANT. 2023. № 1 (46). С. 67-76.
7. Пролетарский А.В., Булдакова Т.И., Ланцберг А.В. Особенности образовательных программ для подготовки кадров цифровой экономики // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Управление, вычислительная техника и информатика. 2023. № 2. С. 42-51.
8. Протыков С.А. Формирование профессиональных компетенций специалистов по закупкам в условиях цифровой экономики // Инновации в сфере закупок: глобальные тренды. 2022. С. 111-117.
9. Сысоева Е.А. Формирование современных компетенций у управленцев в условиях цифровой экономики // Лидерство и менеджмент. 2022. Т. 9. № 1. С. 113-126.
10. Шорникова Н.Ю. Формирование профессиональных качеств работников в цифровой экономике // Социально-трудовые исследования. 2025. Т. 58. № 1. С. 169-177.

Bibliography

1. Achkasova O.G. A Model for the Development of End-to-End Digital Competencies in Higher Education Students Majoring in Non-Core IT Fields in the Process of Continuing Professional Education // Bulletin of Minin University. 2022. Vol. 10. № 2 (39). P. 4.
2. Achkasova O.G. Development of End-to-End Digital Competencies in Students in the University's Continuing Professional Education Ecosystem // Man and Education. 2022. № 1 (70). P. 187-196.
3. Buraeva E.V., Firsova O.R. Modern Trends in the Development of Human Resources in the Context of the Digital Transformation of the Economy // Bulletin of Agrarian Science. 2022. № 4 (97). P. 82-88.
4. Degtyarev G.V., Gladilina I.P., Leskin A.N. Implementation of Creative Thinking Competencies of Specialists for the Labor Market in the Context of the Digital Economy // Financial Markets and Banks. 2022. № 2. P. 6-9.
5. Korzhavina T.N. Training Teachers in Digital Economy Competencies for Secondary Vocational Education Organizations // Bulletin of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University. 2022. № 1 (167). P. 111-129.
6. Parfenov A.A. The Problem of Developing the Modern Digital Economy of Russia: Shortage of Managers with Digital Competencies // KANT. 2023. № 1 (46). P. 67-76.
7. Proletarsky A.V., Buldakova T.I., Lanzberg A.V. Features of Educational Programs for Training Personnel for the Digital Economy // Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Management, Computer Engineering and Informatics. 2023. № 2. P. 42-51.
8. Protsykov S.A. Formation of professional competencies of procurement specialists in the digital economy // Innovations in procurement: global trends. 2022. P. 111-117.
9. Sysoeva E.A. Formation of modern competencies of managers in the digital economy // Leadership and management. 2022. Vol. 9. № 1. P. 113-126.
10. Shornikova N.Yu. Formation of professional qualities of employees in the digital economy // Social and labor studies. 2025. Vol. 58. № 1. P. 169-177.

Узденова Б.Х.

Доцент кафедры общей информатики.
Северо-Кавказская государственная академия.

Дзамыхова А.З.

Обучающаяся 2 курса. Прикладная информатика направленность
(профиль) Прикладная информатика в юриспруденции.
Северо-Кавказская государственная академия.

Шидаков И.А.

Обучающаяся 2 курса. Прикладная информатика направленность
(профиль) Прикладная информатика в юриспруденции.
Северо-Кавказская государственная академия.

Кульчаев И.З.

Обучающийся 2 курса. Северо-Кавказская государственная академия.

Чочуев Э.Р.

Обучающийся 2 курса.
Программная инженерия. Северо-Кавказская государственная академия.

Роль искусственного интеллекта в сфере образования

Указом президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. №490 была утверждена «Национальная стратегия в области искусственного интеллекта до 2030 года», в которой искусственный интеллект позиционируется как одна из ключевых технологий, способствующая экономическому прогрессу, улучшению здравоохранения, условий труда и жизни, а также совершенствованию образовательной системы. К концу 2023 года российскими высшими учебными заведениями было разработано свыше сотни образовательных программ, связанных с направлением «искусственный интеллект». В дальнейшем планируется интеграция модулей, посвященных искусственному интеллекту, во все образовательные программы, с акцентом на специфику различных профессий. Внедрение искусственного интеллекта в образовательный процесс сталкивается с препятствиями, поскольку не все учебные заведения готовы к его активному

применению. Согласно исследованиям Высшей школы экономики, всего лишь десятая часть университетов интегрировала инновационные технологии в свою работу. В области образования наблюдается тенденция к унификации применения ИИ. За последние годы в Российской Федерации введены в действие ряд государственных стандартов, устанавливающих правила и рекомендации по использованию ИИ в различных сферах учебного процесса, начиная от подготовки научных работ и заканчивая оценкой успеваемости обучающихся. ГОСТ Р 59895–2021 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Общие положения и терминология» распространяется на технологии искусственного интеллекта в образовании и устанавливает общие положения и терминологию в этой области [1]. ГОСТ Р 59896–2021 «Образовательные продукты с алгоритмами искусственного интеллекта для адаптивного обучения в общем образовании. Требования к учебно-методическим материалам» устанавливает требования к учебно-методическим материалам образовательных продуктов с алгоритмами искусственного интеллекта для адаптивного обучения в общем образовании [2]. ГОСТ Р 71657–2024 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций» содержит основные этапы реализации функциональной подсистемы на этапах создания научной публикации; рекомендации и примеры по использованию конкретных систем искусственного интеллекта при решении различных задач, возникающих при создании научной публикации; требования к защите данных, содержащихся в функциональной подсистеме; рекомендации по управлению рисками качества данных в функциональной подсистеме. Положения настоящего стандарта не исключают применения иных методов и технологий искусственного интеллекта в процессе создания научных публикаций [3]. ГОСТ Р 70947–2023 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема управления успеваемостью обучающихся по программам среднего профессионального образования» определяет общие положения и методику испытаний ТИИ, используемых при управлении успеваемостью обучающихся по программам среднего профессионального образования в рамках соответствующей функциональной подсистемы учебного заведения профессионального образования. Основной задачей применения ТИИ в рамках определенной подсистемы является прогнозирование результатов обучения для повышения эффективности управления успеваемостью обучающихся руководством учебного заведения профессионального образования, что

позволит формировать показатели мониторинга учебного заведения и оптимизировать процесс обучения. В связи с этим критически значимым является обеспечение должного уровня доверия к используемым ТИИ. [4] ГОСТ Р 70948–2023 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема формирования контингента абитуриентов по программам бакалавриата и специалитета», определяет основной задачей применения технологий искусственного интеллекта в рамках данной подсистемы - прогнозирование результатов приемной кампании для повышения эффективности принимаемых руководством высшего учебного заведения решений. В связи с этим критически важным является обеспечение должного уровня доверия к используемым технологиям искусственного интеллекта [5]. Инструменты искусственного интеллекта способны существенно оптимизировать и улучшить точность текущего оценивания. Благодаря анализу ответов обучающихся и оперативной обратной связи, ИИ помогает преподавателям выявлять проблемные области в понимании материала и адаптировать педагогические стратегии под индивидуальные потребности. Кроме того, оценки, проводимые с использованием ИИ, предоставляют актуальную информацию о прогрессе обучающихся, давая возможность педагогам следить за их развитием и принимать обоснованные решения относительно учебного процесса. Интеллектуальные системы способны облегчить управление вузами, перераспределяя нагрузку с преподавателей и сотрудников на автоматизированные процессы, что позволяет им уделять больше внимания приоритетным задачам. Интеллектуальные обучающие платформы, использующие искусственный интеллект, набирают обороты благодаря возможности индивидуальной настройки учебного процесса и предоставления обратной связи, учитывающей особенности каждого обучающегося. Эти системы способны подстраиваться под индивидуальные методики обучения, контролировать успехи и предлагать адресную поддержку в преодолении возникающих сложностей. К тому же, виртуальные преподаватели, созданные на основе искусственного интеллекта, доступны круглосуточно из любой точки мира, что существенно расширяет доступность и удобство образовательного процесса. В сфере образования искусственный интеллект заметно преобразует процесс обучения, в частности, через разработку геймифицированных образовательных подходов [6, с. 15]. Интеллектуальные алгоритмы способны генерировать крайне захватывающие и интерактивные симуляции, мотивирующие обучающихся к развитию критического мышления

и поиску решений. Обучение, основанное на играх, открывает перед студентами перспективы применения полученных знаний в практических обстоятельствах, стимулируя их креативность и активное, эмпирическое усвоение материала. Несмотря на множество перспективных возможностей, которые ИИ открывает для сферы образования, важно принимать во внимание и существующие ограничения. Среди положительных сторон внедрения искусственного интеллекта в образовательный процесс можно выделить: во-первых, улучшение результативности и объективности при оценивании знаний и предоставлении обратной связи; во-вторых, возможность адаптировать персонализированные образовательные программы, под нужды каждого обучающегося; в-третьих, увеличение доступности и комфорта обучения для студентов; в-четвертых, стимулирование заинтересованности и повышение мотивации к учебе. Тем не менее, необходимо обратить внимание на определенные минусы, в числе которых - значительные финансовые затраты на внедрение и последующее обслуживание систем ИИ, технологическая и интернет-зависимость. Также внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в высшее образование несет риски, в частности, связанные с конфиденциальностью и безопасностью личной информации студентов. Системы ИИ активно собирают и анализируют значительные объемы пользовательских данных, что требует повышенного внимания к защите этой информации от несанкционированного доступа и потенциального злоупотребления. Еще одним важным аспектом является возможность возникновения предвзятого отношения и дискриминации. Алгоритмы машинного обучения способны воспроизводить существующие погрешности в массивах данных, что создает риск несправедливого отношения к отдельным обучающимся. Следовательно, необходимо активно работать над созданием беспристрастных, прозрачных и ответственных систем ИИ, способных обеспечить равные возможности для всех обучающихся.

Интеграция ИИ в образовательный процесс должна происходить обдуманно, с учетом всех плюсов и минусов, чтобы гарантировать его пользу как для обучающихся, так и для системы образования в целом. Необходимо найти оптимальное соотношение между преимуществами и недостатками ИИ, чтобы его использование способствовало улучшению образовательных результатов.

Список литературы:

1. Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р 59895–2021. Технологии искусственного интел-

- лекта // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200181910> (Дата обращения: 14.11.2025)
2. Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р 59896–2021 «Образовательные продукты с алгоритмами искусственного интеллекта для адаптивного обучения в общем образовании. Требования к учебно-методическим материалам». // URL: https://ozernyschool1.ru/images/doc/GOST_R_59896-2021._Natsionalnyi_standart_Rossiiskoi_Federatsi.pdf (Дата обращения: 14.11.2025)
 3. Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р 71657–2024 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций». // URL: https://psyjournals.ru/files/staticpages/0/37/custom/GOST_R_71657_2024.pdf (Дата обращения: 14.11.2025)
 4. Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р 70947–2023 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема управления успеваемостью обучающихся по программам среднего профессионального образования». // URL: <https://lepton.ru/GOST/Data/814/81446.pdf> (Дата обращения: 14.11.2025)
 5. Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р 70948–2023 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема формирования контингента абитуриентов по программам бакалавриата и специалитета». // URL: <https://lepton.ru/GOST/Data/814/81498.pdf> (Дата обращения: 14.11.2025)
 6. Струнин, Д. А. Искусственный интеллект в сфере образования // Молодой ученый. 2023. № 6 (453). С. 15-16.
 7. Субботина Н.С., Ачаева М.С., Поспелова Н.В., Саламатова Е.П. Аллюзивные имена собственные с общей семантикой «маленький размер» в художественном тексте // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 12-16.

Bibliography

1. National Standard of the Russian Federation. GOST R 59895–2021. Artificial Intelligence Technologies // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200181910> (14.11.2025)
2. National Standard of the Russian Federation. GOST R 59896–2021 “Educational Products with Artificial Intelligence Algorithms for Adaptive Learning in General Education. Requirements for Teaching and Methodological Materials”. // URL: https://ozernyschool1.ru/images/doc/GOST_R_59896-2021._Natsionalnyi_standart_Rossiiskoi_Federatsi.pdf (14.11.2025)
3. National Standard of the Russian Federation. GOST R 71657–2024 “Artificial Intelligence Technologies in Education. Functional subsystem for creating scientific publications.” // URL: https://psyjournals.ru/files/staticpages/0/37/custom/GOST_R_71657_2024.pdf (14.11.2025)
4. National standard of the Russian Federation. GOST R 70947–2023 “Artificial intelligence technologies in education. Functional subsystem for managing student academic performance in secondary vocational education programs.” // URL: <https://lepton.ru/GOST/Data/814/81446.pdf> (14.11.2025)
5. National standard of the Russian Federation. GOST R 70948–2023 “Artificial intelligence technologies in education. Functional subsystem for forming the contingent of applicants for bachelor’s and specialist’s degree programs.” // URL: <https://lepton.ru/GOST/Data/814/81498.pdf> (11.14.2025)
6. Strunin, D. A. Artificial Intelligence in Education // Young Scientist. 2023. № 6 (453). P. 15-16.
7. Subbotina N.S., Achaeva M.S., Pospelova N.V., Salamatova E.P. Allusive proper nouns with the general semantics of “a small size” in a literary text // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 12-16.

Соломенцев Г.С.

*Аспирант 2го курса специальности государственное управление
и отраслевые политики. Славяно-Греко-Латинская академия.*

Информационно-коммуникационная среда кадрового потенциала: сущность, структура и роль в промышленной среде

В текущей экономической ситуации в России промышленные предприятия сталкиваются с трудностями в улучшении качества своих человеческих ресурсов. Это связано с рядом факторов, включая уход высококвалифицированных специалистов в другие отрасли, старение рабочих кадров, а также отсутствие интереса у молодежи занимать рабочие места на производствах. Эти проблемы приводят к дефициту квалифицированного промышленного персонала и понижению их профессиональных и интеллектуальных способностей.

Изменения в технологических укладах и переход к инновационной модели развития мировой экономики усложняют ситуацию в хозяйственной сфере, увеличивая риски. С этим связано и предстоящее включение России в ВТО. Отмечается, что успешность производственных процессов и качество выпускаемой продукции напрямую зависят от уровня квалификации рабочих ресурсов предприятия. Таким образом, улучшение квалификации персонала становится ключевым фактором для усиления позиций российских товаров как на внутреннем, так и на международном рынках.

Для улучшения управления развитием человеческих ресурсов и строительства кадровой базы на мировом уровне следует опираться на выводы научных исследований и разработать соответствующие стратегические рекомендации.

В рамках управленческой стратегии ключевую роль в успехе организации играет качество рабочей силы, включая образование, инновационный подход, мотивацию и способности к личностному росту. Также значимы условия, создаваемые на предприятии для поддержки социального и профессионального прогресса сотрудников. В этой связи работники являются ценным активом, приносящим доход через повышение стоимости компании благодаря стратегическим инвестициям в их развитие.

В рамках обсуждаемой концепции кадровый потенциал промышлен-

ного предприятия рассматривается как уникальный ресурс, состоящий из сотрудников, которые обладают как активно используемыми, так и потенциальными способностями для выполнения текущих и стратегических задач с необходимой эффективностью. Этот потенциал выражается через качественные и количественные атрибуты, где количественные показатели относятся к числу работников предприятия.

В современной бизнес-среде ключевым аспектом для достижения конкурентных преимуществ на рынке является эффективное управление и развитие персонала в организации. Руководители должны активно заниматься повышением уровня квалификации своих сотрудников, чтобы они могли не только достигать, но и превышать поставленные цели. Новаторский подход к управлению персоналом подразумевает рассмотрение работников с возможностью роста и развития их навыков со временем, что является отличием от более традиционных методик.

Здесь ключевым является не только наличие сотрудников, но и их возможность для роста и развития, что способствует укреплению кадрового потенциала, важного для стратегических целей.

Цифровое преобразование захватывает внимание ключевых фигур в бизнесе, привлекая внимание руководителей и владельцев компаний. Они готовы инвестировать значительные средства, достигающие сотен миллионов рублей, в привлечение специалистов по цифровизации. Эти ресурсы направляются на создание стратегических планов и программ, включающих разработку дорожных карт, определение ключевых показателей эффективности, а также покупку и тестирование новейших технологий в специфических производственных условиях.

В сравнении с прошлыми технологическими эрами современные цифровые технологии выделяются своей уникальной способностью анализировать и адаптироваться к окружающей среде, обучаясь и распознавая различные образы и сигналы. Это позволяет им не только дополнять, но и в некоторых случаях заменять интеллектуальные функции человека, что было недостижимо в прошлом [1]. Эти технологии принимают решения автономно, что является значительным шагом вперёд по сравнению с более ранними технологическими достижениями [3].

Цифровые технологии в производстве включают в себя внедрение кибер-физических систем и систем анализа данных, которые обладают способностью к обработке и распределению информации через облачные сервисы в удаленные вычислительные центры. Это позволяет поддерживать и оптимизировать создание ценности для потребителей, обеспечивая

при этом возможность принимать обоснованные решения, соответствующие ожидаемым результатам. Такой подход значительно повышает практическую значимость современных цифровых решений в бизнесе [4, 5].

Автоматизированные системы сегодня способны выполнять сложные функции в производстве и распределении продукции, поскольку они могут анализировать производственную обстановку и принимать решения, подобные человеческим. Эти системы улучшают взаимодействие средств труда с объектами труда, что способствует оптимизации производственных процессов [6].

Внедрение цифровых технологий в производственный процесс ведет к глубоким преобразованиям в социальной и трудовой области. Эти технологии могут не только расширять интеллектуальные возможности человека, но и способствовать вытеснению определенных категорий работников из профессиональной сферы. Особенно это касается тех, кто обладает невысоким уровнем квалификации или занимается монотонной, легко автоматизируемой деятельностью, что ставит их в уязвимое положение в краткосрочной перспективе [8].

Многие промышленные компании благодаря внедрению цифровых технологий смогли значительно улучшить процессы управления численностью работников. В результате это привело к пересмотру финансовых подходов в системах вознаграждения труда и стратегиях вложений в развитие человеческого капитала. Цифровизация способствовала замене тех рабочих мест, которые приносили минимальную добавочную стоимость, что позволило сфокусироваться на обучении и повышении квалификации сотрудников [9]. Эти меры направлены на дальнейшее распределение персонала по местам работы, где они могут проявить наибольшую продуктивность.

В эпоху цифровизации многие компании сталкиваются с отсутствием желания персонала адаптироваться к новым условиям, поскольку работники опасаются за безопасность своих рабочих мест из-за внедрения новых технологий. Эта проблема подчеркивает важность пересмотра корпоративной кадровой стратегии в свете технологического прогресса. Эффективная кадровая политика должна соответствовать потребностям всех сотрудников, принимая во внимание как возможности, так и вызовы, связанные с автоматизацией их работы и необходимостью вложений в развитие их навыков [10].

Компании необходимо активно включаться в процесс поддержки и переобучения своих менее квалифицированных сотрудников, предоставляя им равные возможности для развития. Не принимая мер в этом на-

правлении, организации сталкиваются с риском потери ценного человеческого капитала и ущербом для устоявшейся корпоративной культуры. Это, в свою очередь, может привести к снижению преданности и активности сотрудников в инициативах по цифровизации.

В рамках современной кадровой стратегии ключевым аспектом является стратегическое управление человеческими ресурсами, особенно в контексте цифровой трансформации компаний. Основным элементом такой политики становится создание единого цифрового пространства для всех работников через мобильные и другие приложения. Эти инструменты способствуют не только эффективной коммуникации и взаимодействию в реальном времени, но и транслируют общие ценности и культурные ориентиры, способствуют профессиональному росту сотрудников и обеспечивают высокий уровень кибербезопасности для защиты личной информации.

В период интенсивных изменений успешная цифровая трансформация и эффективная работа инновационных команд на промышленных предприятиях зависят от принципов обращения с данными и важной коммерческой информацией. Соблюдение этих принципов не только способствует успешным преобразованиям, но и помогает удерживать важных сотрудников, а также привлекает новые таланты.

Основой стратегического развития управления человеческими ресурсами в период значительных изменений служит создание условий для взаимодействия сотрудников в цифровом пространстве. Это достигается благодаря внедрению передовых информационно-коммуникационных технологий, включая мобильные и облачные приложения. Такая интеграция не только усиливает многостороннюю коммуникацию между сотрудниками, но и способствует их развитию через доступ к образовательным ресурсам, обогащая профессиональный процесс.

Для стимулирования интереса и активного участия сотрудников мобильное приложение должно включать опции, которые предлагают не только дополнительные нефинансовые вознаграждения, но и систему накопления очков. Эти очки могут быть использованы работниками для обмена на доступ к новым образовательным программам или высококачественному контенту, доступному в интернете, что также способствует повышению их профессионального уровня.

В условиях цифровой эпохи предлагается усовершенствовать управление человеческими ресурсами путем регулярного финансового анализа результативности инвестиций в развитие сотрудников, а также через планирование инвестиций в их компетенции в рамках ежегодных бюд-

жетов. Цифровая интеграция, облегчающая сбор данных о развитии и применении навыков и знаний работников, предоставляет необходимые качественные и количественные показатели для этого процесса.

Для обеспечения карьерного роста и профессионального развития сотрудников промышленные предприятия должны интегрировать в свои финансовые планы и бюджеты средства на образовательные программы и инновационные проекты в различных подразделениях. Важно учесть, что инвестиции в человеческий капитал должны соответствовать уровню рыночной заработной платы, чтобы быть конкурентоспособными. Такой подход не только способствует командной работе, но и помогает в достижении более высокой квалификации и эффективности работы персонала.

В период цифровизации предприятиям крайне важно адаптировать бюджеты для заработных плат таким образом, чтобы они отражали индивидуальный вклад каждого сотрудника в решение задач различной сложности – от производственных до управленческих. Это подразумевает не только следование национальным законодательным нормам об индексации заработной платы, но и создание такой системы оплаты труда, которая бы способствовала привлечению и удержанию высококвалифицированных специалистов, способных улучшать конкурентные позиции компании.

В контексте цифровой трансформации промышленных предприятий, третий ключевой аспект управления человеческими ресурсами заключается в усилении участия сотрудников, а также в улучшении корпоративной культуры и социально-психологической атмосферы с помощью разнообразных стандартных и инновационных методов. В первую очередь, важно гарантировать обучение сотрудников по современным программам, разработанным с учетом опыта ключевых работников и интегрированным в общую цифровую систему. Это стандартная практика, широко применяемая на современных предприятиях.

За последние десять лет на промышленных предприятиях появилась практика использования заранее записанных обучающих курсов. Эти курсы доступны для неограниченного количества сотрудников и способствуют значительной экономии времени и средств, традиционно затрачиваемых на обучение. Важно также уделять внимание укреплению командного духа и пропаганде корпоративных ценностей, которые способствуют социальному благополучию сотрудников и поддержанию их здоровья на долгосрочную перспективу.

Для успешного внедрения цифровых технологий предприятию важно разработать систему стимулирования, которая будет способствовать

увеличению лояльности и заинтересованности сотрудников, особенно молодых. Эта система должна включать анализ факторов, влияющих на желание работников учиться и активно участвовать в проектах цифровизации и общей деятельности компании, а также предусматривать меры для повышения привлекательности рабочих мест. Это поможет компании обновлять кадры в нужные сроки, поддерживая постоянное развитие и адаптацию к новым условиям.

Список использованных источников:

1. Борисова С.С., Гренадерова М.В. Человеческие ресурсы: особенности управления в условиях цифровизации // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. Т. 1. № 11. С. 201-205.
2. Симонин П.В. Инновационное управление человеческими ресурсами и трудовыми отношениями в бизнес-среде / П.В. Симонин, Т.В. Богачева, С.В. Граба // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12. № 2. С. 68.
3. Gobble M.M. The Datification of Human Resources // Research Technology Management. 2017. Vol. 60. № 5. P. 59-63.
4. Тюриков А.Г. Региональный рынок труда: вызовы, проблемы и кадровая политика // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46. № 2. С. 286-297.
5. Ломоносова Н.В., Якимова Е.А. Состояние и перспективы использования цифровых HR-инструментов российскими компаниями // Открытое образование. 2020. Т. 24. № 4. С. 47-55.
6. Алексеев А.Н., Королев Г.В. Реорганизация предприятий в эпоху цифровизации // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2019. Т. 29. № 2. С. 82-86.
7. Ibarra D. Business model innovation through Industry 4.0: A review / D. Ibarra, J. Ganzarain, J.I. Igartua // Procedia Manufacturing. 2018. Vol. 22. May 2020. P. 4-10.
8. Foote C.L., Ryan R.W. Labor- market polarization over the business cycle // Federal Reserve Bank of Boston Working Papers. 2014. Vol. 14-16. № 1. P. 1-71.
9. Autor D.H., Dorn D. The growth of low-skill service jobs and the polarization of the US Labor Market // American Economic Review. 2013. Vol. 103. № 5. P. 1553-1597.
10. Буров А. Сейчас металлург не стоит у печи с лопатой, а сидит за компьютером. Глава ТМК об опыте цифровой трансформации компании // Коммерсант-Урал. 2021. Т. 4890-758. № 7. С. 5-7.
11. Максимов Д.Б. Кадровая политика как инструмент управления социально-экономическим потенциалом организации // Вестник сельского развития и социальной политики. 2020. Т. 25. № 1. С. 31-34.

Bibliography

1. Borisova S.S., Grenaderova M.V. Human Resources: Management Features in the Context of Digitalization // Current Issues of Modern Economy. 2020. Vol. 1. № 11. P. 201-205.
2. Simonin P.V. Innovative Management of Human Resources and Labor Relations in the Business Environment / P.V. Simonin, T.V. Bogacheva, S.V. Graba // Bulletin of Eurasian Science. 2020. Vol. 12. № 2. P. 68.
3. Gobble M.M. The Datification of Human Resources // Research Technology Management. 2017. Vol. 60. № 5. P. 59-63.
4. Tyurikov A.G. Regional Labor Market: Challenges, Problems, and HR Policy // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law. 2021. Vol. 46. № 2. P. 286-297.
5. Lomonosova N.V., Yakimova E.A. Status and Prospects of Using Digital HR Tools by Russian Companies // Open Education. 2020. Vol. 24. № 4. P. 47-55.
6. Alekseev A.N., Korolev G.V. Enterprise Reorganization in the Digitalization Era // Bulletin of the Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 1: Economics and Management. 2019. Vol. 29. № 2. pp. 82-86.
7. Ibarra D. Business model innovation through Industry 4.0: A review / D. Ibarra, J. Ganzarain, J.I. Igartua // Procedia Manufacturing. 2018. Vol. 22. May 2020. P. 4-10.
8. Foote C.L., Ryan R.W. Labor market polarization over the business cycle // Federal Reserve Bank of Boston Working Papers. 2014. Vol. 14-16. № 1. P. 1-71.
9. Autor D.H., Dorn D. The growth of low-skill service jobs and the polarization of the US Labor Market // American Economic Review. 2013. Vol. 103. № 5. P. 1553-1597.
10. Burrov A. Nowadays, a metallurgist doesn't stand by a furnace with a shovel, but sits at a computer. TMK's CEO on the company's digital transformation experience // Kommersant-Ural. 2021. Vol. 4890-758. № 7. P. 5-7.
11. Maksimov D.B. HR Policy as a Tool for Managing an Organization's Socioeconomic Potential // Bulletin of Rural Development and Social Policy. 2020. Vol. 25. № 1. P. 31-34.

Семенко И.Е.

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Уральский государственный университет путей сообщения.*

Цифровая трансформация профессиональной подготовки экономистов

Введение

Цифровизация экономики в РФ сопровождается ростом спроса на специалистов, способных работать с большими данными, цифровыми платформами и интеллектуальными системами управления. Для экономистов это означает пересмотр традиционной модели профессиональной подготовки: от доминирования классических дисциплин, ориентированных на макро- и микроэкономический анализ, – к интеграции цифровых технологий в содержание, методы и организацию обучения.

Цифровая трансформация высшего образования фиксируется в стратегических документах федерального уровня, в том числе в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», в Стратегии развития информационного общества и в ряде отраслевых дорожных карт. Акцент делается на создании единой цифровой образовательной среды, развитии отечественных онлайн-платформ, повышении цифровой зрелости образовательных организаций. В экономических вузах именно базовые образовательные программы по направлению «Экономика» становятся площадкой, где проверяются новые модели организации учебного процесса: массовые онлайн-курсы, смешанное обучение, симуляторы и деловые игры на цифровых платформах, виртуальные исследовательские лаборатории [7].

В российском контексте цифровая трансформация подготовки экономистов имеет двойственную природу. С одной стороны, она обусловлена внешними факторами: требованиями рынка труда, конкуренцией университетов, развитием EdTech-компаний, ростом значимости анализа данных в корпоративном управлении и в госуправлении. С другой стороны, изменения инициируются внутри академической среды через обновление федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), профессиональных стандартов и внутренних регламентов вузов [4].

Цель статьи – проанализировать содержание и ключевые направления

цифровой трансформации профессиональной подготовки экономистов в РФ, описать типичные модели внедрения цифровых технологий в образовательный процесс, а также обозначить проблемы и перспективы дальнейшего развития.

Материалы и методы исследований

Теоретико-методологический анализ использовался для интерпретации ключевых понятий: «цифровая трансформация», «цифровая образовательная среда», «цифровые компетенции экономиста», а также для сопоставления различных подходов к оценке цифровой зрелости образовательных организаций.

Сравнительный анализ применялся для изучения разнообразия практик цифровизации в российских вузах, осуществляющих подготовку экономистов. Рассматривались различия по типам вузов, по масштабу использования онлайн-курсов, по степени интеграции цифровых инструментов в учебный процесс.

Элементы контент-анализа использовались при изучении образовательных программ и рабочих программ дисциплин. Особое внимание уделялось наличию модулей, связанных с анализом данных, использованием специализированного программного обеспечения, цифровых платформ и симуляторов.

Результаты и обсуждения

В российской системе подготовки экономистов заметно смещение акцентов от преимущественно теоретических дисциплин к практико-ориентированным и цифровым компонентам. В учебные планы вводятся курсы по анализу данных, элементам программирования, работе с аналитическими платформами, моделированию бизнес-процессов в цифровой среде, управлению цифровыми проектами.

Даже в традиционных дисциплинах экономического блока усиливается компонент, связанный с интерпретацией цифровых следов поведения потребителей, анализом данных электронных торговых площадок, изучением влияния платформенной экономики на конкурентную среду. Студенты знакомятся с цифровыми инструментами оценки эффективности бизнеса, с системами бизнес-аналитики, с методами визуализации финансовых и макроэкономических показателей [10].

Существенные изменения происходят в практике преподавания курсов «Статистика», «Эконометрика», «Финансовый анализ». Освоение

базовых методов статистики буквальных расчетов на бумаге постепенно уступает место работе с пакетом программ и облачными сервисами, применяемыми в бизнесе и государственном управлении. В результате меняется структура компетенций экономиста: наряду с аналитическим мышлением и знанием предметной области на первый план выходят навыки работы с данными, владение цифровыми инструментами, способность взаимодействовать в распределенных командах через цифровые каналы.

Цифровая трансформация профессиональной подготовки невозможна без развития цифровой образовательной среды. Для экономических вузов это проявляется в наличии развитой электронной информационно-образовательной среды (ЭИОС), интеграции с внешними платформами, использовании систем управления обучением (LMS), цифровых библиотек, систем антиплагиата, сервисов видеоконференций [6].

В таблице 1 представлена обобщенная характеристика уровня цифровизации образовательной среды экономических программ в российских вузах на основе агрегированных данных выборочного анализа.

Таблица 1. Уровень использования цифровых технологий в образовательной среде экономических программ.

Группа вузов	Доля дисциплин с ЭО и ДОТ, %	Наличие собственной LMS, % вузов группы	Использование внешних онлайн-курсов (основная программа), % программ	Доля студентов, участвующих в онлайн-курсах, %
Ведущие федеральные и национальные исследовательские университеты	70	100	65	80
Специализированные экономические и финансовые вузы	60	95	55	70
Региональные университеты с экономическими факультетами	40	70	30	45
Небольшие вузы и филиалы	25	40	15	25

Данные таблицы показывают неоднородность цифровой трансформации. В крупнейших экономических центрах доля дисциплин, реализуемых с использованием электронного обучения и дистанционных технологий, приближается к двум третям учебного плана. В региональных вузах внедрение цифровых решений идет медленнее, что частично связано с ресурсными ограничениями и недостаточной подготовленностью преподавателей.

Использование внешних онлайн-курсов (в том числе на отечественных платформах) стало важным инструментом обновления содержания. Экономические факультеты интегрируют в свои программы курсы по анализу данных, цифровому маркетингу, финтеху, управлению IT-проектами. При этом сохраняется проблема согласования внешнего контента с внутренними требованиями к оценочным средствам и к логике построения образовательной программы [1].

Цифровая трансформация затрагивает и систему контроля знаний. Распространяются электронные тесты, онлайн-экзамены, автоматизированные системы проверки практических заданий. В экономических дисциплинах популярны задачи с использованием реальных наборов данных из открытых источников и информационных систем государственных органов и корпораций.

Анализ ФГОС по направлению «Экономика» и профессиональных стандартов показывает укрепление требований к цифровым компетенциям выпускников. Важным результатом цифровой трансформации становится интеграция этих требований в структуру образовательных программ и в систему оценочных средств [4].

Для систематизации требований использован подход, группирующий цифровые компетенции экономиста по ключевым блокам: работа с данными, цифровая коммуникация и коллаборация, цифровая безопасность и правовые аспекты, использование специализированных информационных систем. В таблице 2 приведено сопоставление этих блоков с типичными формулировками в ФГОС и с запросами работодателей.

Интерпретация данных таблицы демонстрирует частичное совпадение нормативных требований и запросов работодателей. Блок, связанный с цифровыми коммуникациями, оказался относительно хорошо интегрирован в образовательный процесс: студенты и преподаватели повсеместно используют корпоративную почту, системы видеоконференций, совместные облачные документы, платформы для управления проектами.

Более проблемной остается зона, связанная с углубленной аналитикой

Таблица 2. Сопоставление цифровых компетенций экономиста по ФГОС и требованиям рынка труда.

Блок цифровых компетенций	Примеры требований ФГОС (обобщенно)	Типичные запросы работодателей в РФ	Степень соответствия (оценка автора)
Работа с данными и аналитика	Способность собирать, обрабатывать и анализировать данные, применять статистические и эконометрические методы	Владение инструментами BI, SQL, Python/R на базовом уровне, опыт работы с реальными данными	Средняя
Цифровые коммуникации и коллаборация	Навыки работы в цифровой образовательной среде, использование электронных коммуникаций	Умение работать в распределенных командах, использовать корпоративные мессенджеры, платформы управления проектами	Сравнительно высокая
Цифровая безопасность и правовые аспекты	Понимание основ информационной безопасности, правовых аспектов обработки данных	Знание требований по защите персональных данных, корпоративных регламентов, работы с конфиденциальной информацией	Ниже средней
Специализированные информационные системы	Умение использовать профессиональное программное обеспечение в сфере экономики и финансов	Знание конкретных систем (1С, SAP, CRM, ERP, системы риск-менеджмента и др.)	Средняя

данных и цифровой безопасностью. В учебных планах по экономическим направлениям курсы по программированию и анализу данных часто представлены в минимальном объеме. Это ограничивает возможности студентов по освоению современных инструментов. Одновременно работодатели ожидают от молодых экономистов хотя бы базового владения языками программирования анализа данных и опытом работы с VI-системами [7].

Для специализирующихся экономистов важно не только знание отдельных программных продуктов, но и понимание логики цифровых бизнес-процессов, умение интерпретировать результаты аналитических моделей и интегрировать их в управленческие решения. Это задает повестку для дальнейшей модернизации образовательных программ.

Российский контекст цифровой трансформации подготовки экономистов характеризуется рядом ограничений.

Сохраняется цифровое неравенство между университетами центра и регионов. Доступ к современным цифровым платформам, высокоскоростному интернету, лицензионному программному обеспечению и оборудованию неодинаков. Это приводит к различиям в качестве подготовки студентов при формально единых стандартах [2].

Серьезным фактором остается разный уровень цифровой компетентности преподавателей. Опросы и практический опыт вузов показывают, что значительная часть преподавателей экономических дисциплин ориентирована на традиционные формы работы и нуждается в целенаправленном повышении квалификации в области цифровой педагогики, разработки онлайн-курсов, использования аналитики в обучении.

Методические базы и учебно-методические комплексы не всегда успевают за изменениями в профессиональной среде. Программы по цифровой экономике, финтеху, управлению данными часто появляются в виде отдельных элективов, не формируя целостной траектории развития цифровых компетенций [9].

Наконец, важна проблема нормативного и организационного обеспечения. Вузам приходится балансировать между требованиями ФГОС, внутренними регламентами и возможностями внешних платформ, обеспечивая при этом соблюдение авторских прав, защиту персональных данных и информационную безопасность.

Выводы

Цифровая трансформация профессиональной подготовки эконо-

мистов в РФ имеет комплексный характер и затрагивает содержание, организацию и технологическую составляющую образовательного процесса.

Обновление содержания проявляется в расширении блока дисциплин, связанных с анализом данных, цифровой экономикой, цифровым маркетингом, управлением цифровыми проектами и использованием специализированных информационных систем. Для экономистов становится принципиальным не только знание предметной области, но и владение цифровыми инструментами, позволяющими работать с большими массивами данных и принимать решения в условиях высокой неопределенности.

Изменение образовательной среды выражается в активном развитии электронных информационно-образовательных систем, интеграции с внешними онлайн-платформами и расширении практики смешанного обучения. В ведущих экономических вузах доля дисциплин, реализуемых с применением электронного обучения и дистанционных технологий, достигает значительных значений, однако сохраняется заметный разрыв с региональными и небольшими вузами.

Формирование цифровых компетенций экономиста демонстрирует сочетание положительных сдвигов и сохраняющихся дефицитов. Запросы рынка труда на владение инструментами анализа данных, BI-системами, современными цифровыми сервисами удовлетворяются лишь частично. Особенно остро проявляются ограничения в области цифровой безопасности и правовых аспектов работы с данными.

Педагогическая модель подготовки экономистов постепенно смещается в сторону активного обучения с использованием цифровых ресурсов, проектной и исследовательской деятельности на основе реальных данных. Вместе с тем остается риск формального внедрения технологий без глубокой методической проработки.

Для повышения эффективности цифровой трансформации профессиональной подготовки экономистов в РФ необходимы: последовательное интегрирование цифровых компетенций в структуру образовательных программ; развитие цифровой инфраструктуры и выравнивание возможностей вузов разных типов; системная поддержка повышения квалификации преподавателей в области цифровой педагогики и работы с данными; совершенствование нормативной базы, обеспечивающей баланс между инновациями, качеством образования и требованием информационной безопасности.

Проведенный анализ позволяет заключить, что цифровая трансформация открывает для российской системы подготовки экономистов серьезные возможности, но их реализация зависит от согласованных усилий государства, университетов, работодателей и профессионального сообщества.

Список литературы:

1. Азоева О.В. Инновационные подходы в подготовке профессиональных экономистов // Модели инновационных решений повышения конкурентоспособности. 2023. С. 46.
2. Байгушева И.А. Перспективы профессиональной карьеры будущих экономистов: оценка уровня цифровой грамотности в условиях развития платформенных технологий // Science for Education Today. 2024. Т. 14. № 6. С. 156-175.
3. Гулина О.В. Об особенностях подготовки специалистов экономического профиля в условиях цифровой трансформации экономики // Информатизация в цифровой экономике. 2024. Т. 5. № 1. С. 91-106.
4. Зеневич А.М., Пунчик З.В., Сосновский О. А. Цифровая трансформация // Цифровая трансформация. 2025. Т. 31. № 1. С. 42-47.
5. Калиновская И.Н. Цифровая трансформация // цифровая трансформация. 2025. Т. 31. № 2. С. 21-31.
6. Кормильцева Е.А. Определение и оценка функций педагога-продюсера для подготовки экономистов в современных условиях цифровизации системы образования // Science for Education Today. 2024. Т. 14. № 1. С. 149-166.
7. Кротенко Т. Ю. Проблемы и возможности цифровой трансформации в бизнесе, науке, инженерно-экономическом образовании // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2022. № 3. С. 48-59.
8. Кузовкова Т.А. Цифровая трансформация профессиограмм и психограмм специалистов экономики и управления // Методические вопросы преподавания инфокоммуникаций в высшей школе. 2024. Т. 13. № 3. С. 47.
9. Садовская М.Н., Забродская К.А. Трансформация академической подготовки специалистов в условиях цифровизации экономики // Общество и экономика знаний, управление капиталами: цифровая экономика знаний. 2022. С. 38-44.
10. Шаравова О.И. Причины и факторы формирования адекватных требованиям сетевой экономики компетенций экономистов // Век качества. 2024. № 4. С. 99-128.

Bibliography

1. Azoeva O.V. Innovative approaches to training professional economists // Models of innovative solutions to improve competitiveness. 2023. P. 46.
2. Baigusheva I.A. Prospects for the professional career of future economists: assessing the level of digital literacy in the context of developing platform technologies // Science for Education Today. 2024. Vol. 14. № 6. P. 156-175.
3. Gulina O.V. On the specifics of training specialists in economics in the context of digital transformation of the economy // Informatization in the digital economy. 2024. Vol. 5. № 1. P. 91-106.
4. Zenevich A.M., Punchik Z.V., Sosnovsky O.A. Digital transformation // Digital transformation. 2025. Vol. 31. № 1. P. 42-47.
5. Kalinovskaya I.N. Digital Transformation // Digital Transformation. 2025. Vol. 31. № 2. P. 21-31.
6. Kormiltseva E.A. Definition and Assessment of the Functions of a Teacher-Producer for Training Economists in the Current Context of Digitalization of the Education System // Science for Education Today. 2024. Vol. 14. № 1. P. 149-166.
7. Krotenko T.Yu. Problems and Opportunities of Digital Transformation in Business, Science, and Engineering and Economic Education // Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences. 2022. № 3. P. 48-59.
8. Kuzovkova T.A. Digital transformation of job descriptions and psychograms of specialists in economics and management // Methodological issues of teaching infocommunications in higher education. 2024. Vol. 13. № 3. P. 47.
9. Sadovskaya M.N., Zabrodskaya K.A. Transformation of academic training of specialists in the context of digitalization of the economy // Society and knowledge economy, capital management: digital knowledge economy. 2022. P. 38-44.
10. Sharavova O.I. Causes and factors of formation of economists' competencies adequate to the requirements of the network economy // Century of quality. 2024. № 4. P. 99-128.

Р

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Томский государственный университет

*Институт Экономики и Управления Кузбасского государственного
технического университета имени Т.Ф. Горбачева*

Таюкин А.Г.

*Соискатель учёной степени кандидата наук
без освоения программ подготовки научных и научно-педагогических кадров.
Томский государственный университет, г. Томск.*

Востриков К.В.

*Кандидат политических наук, доцент
кафедры государственного и муниципального управления.
Институт Экономики и Управления Кузбасского государственного
технического университета имени Т.Ф. Горбачева, г. Кемерово.*

Основные элементы региональной системы профилактики и противодействия экстремизму и терроризму

Экстремизм и терроризм — порождение ряда особенностей современного общества, одновременно выступающие факторами его кризиса. Они представляют собой специфические формы девиации, бросающие системный вызов обществу. Государственные органы, правоохранительные структуры и институты гражданского общества уделяют большое внимание предотвращению этих явлений. Авторы трактуют **экстремизм** как радикальный дискурс, отвергающий общепринятые нормы общественно-политической деятельности, а **терроризм** — как практику насилия, разрушающую общественный порядок и государственные институты.

Системный подход, применяемый авторами, позволяет определить важнейшие компоненты безопасности сибирских регионов (Томская и Кемеровская области) и предложить эффективные стратегии управления. Основные блоки стратегического управления — **этносоциальный, экономический и административно-правовой** — требуют интеграции усилий государства и гражданского общества. Регулярное их взаимодействие обеспечит гибкость и надежность региональной системы противодействия экстремизму и терроризму. С другой стороны, политические решения властей провоцируют резонансы в обществе, меняя информационную среду. Управление этими резонансами через сотрудничество со СМИ позволяет формировать нужную повестку и укреплять власть. Информационные технологии играют особую роль в формировании не-

обходимого общественного отклика.

На сегодняшний день в научном сообществе нет единого определения региональной системы противодействия экстремизму и терроризму. Каждый исследователь придает этому понятию тот смысл, который ближе всего соответствует его научным интересам. Некоторые ученые связывают понятия «противодействие экстремизму и терроризму» и «региональная безопасность», применяя их к разным территориальным единицам (регионы, страны и их части). Интенсивное распространение идеологии экстремизма, пропаганда радикальных идей и целей, а также призывов к их достижению силовыми, нелегитимными и противоправными методами и средствами (терроризм, разжигание религиозной и расовой ненависти, вплоть до призывов к вооружённым выступлениям) происходит благодаря использованию широко распространенных в последнее время разнообразных электронных медиаресурсов и интернет-коммуникационных технологий [8].

В последние годы вопросам обеспечения безопасности в борьбе с экстремизмом и терроризмом на разных уровнях государственного управления уделяется особое внимание. С учетом продолжения СВО на Украине проблемы безопасности особенно остро ощущаются на региональном уровне. Именно поэтому сейчас существует объективная потребность в разработке и внедрении в региональное управление новых подходов к принятию решений, включающих использование публичных резонансов, механизмов обратной связи, профессиональных социальных сетей и виртуальных систем. Тем не менее, эти задачи на государственном уровне пока остаются нерешенными. Современные информационные инструменты поддержки управления региональной безопасностью часто оказываются недостаточно эффективными и не всегда предоставляют субъектам управления полную и обоснованную информацию о состоянии социально-экономических систем, необходимую для принятия взвешенных решений, особенно в условиях кризиса [7]. В данном аспекте такие системы требуют немалого количества квалифицированных ИТ – специалистов. В результате реализуемых федеральных и региональных проектов их количество за последние два года увеличилось на четверть [8]. Важным решением на общегосударственном уровне стало создание Ситуационного центра в 2018 при Министерстве внутренних дел РФ. Данный центр является одним из важнейших инструментов обеспечения национальной безопасности на региональном уровне [1]. Очевидно, что преодоление этих проблем на практике является важной

задачей и требует разработки целостной и конструктивной концепции-модели, способной оценить текущее состояние управления безопасностью региональных социально-экономических систем с общеметодологической точки зрения.

В рассматриваемом исследовании авторы дополнительно применяют системный подход для изучения экстремизма и терроризма, рассматривая регион как сложную динамическую систему. Система противодействия характеризуется множеством компонентов, отражающих экономические, социальные и технологические аспекты, позволяющие регулировать безопасность. Особенность Томской области, заключающаяся в большом количестве студентов, требует особого внимания к разработке параметров региональной безопасности, которые должны быть связаны с федеральными показателями и включать постоянный мониторинг и прогнозирование рисков. Учитывая данные факторы, можно выделить пять фаз обеспечения и управления региональной безопасностью: инициализация, планирование, исполнение, управление, контроль (рис. 1). Вероятность перехода критериев между стадиями служит в качестве веса связей в модели. Она определяется результатами предыдущей фазы и зависит от текущего либо прогнозируемого состояния региональной безопасности.

Концептуальная модель региональной антитеррористической безопасности разработана автором для детального описания внутренней

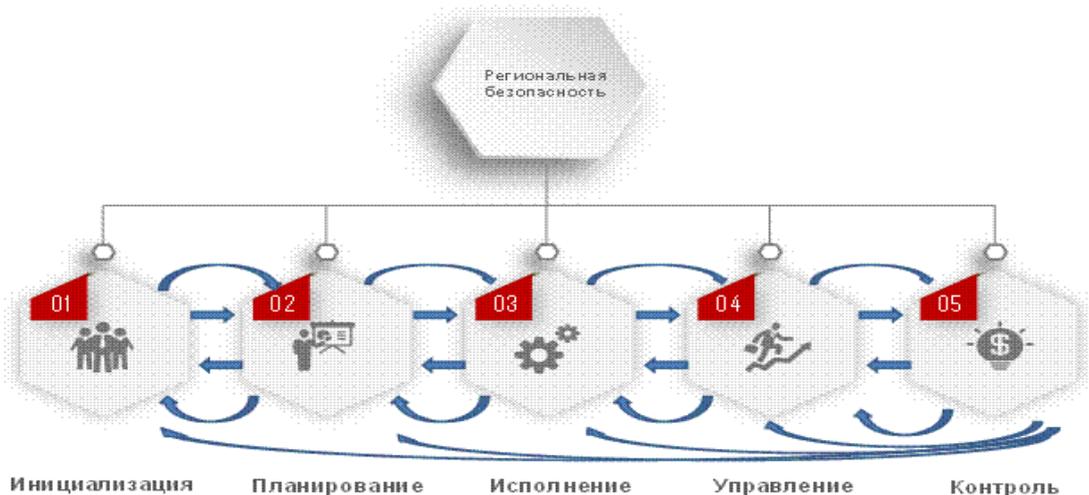

Рис. 1. Обобщенное представление структуры фаз состояния региональной безопасности.

структуры системы и взаимосвязей между её компонентами. Она включает последовательные этапы выполнения задач, зависящие от различных параметров и адаптируется исходя из текущих результатов. Фазы реализации мероприятий/решений описываются с точки зрения процессного подхода, выделяя основные процессы, ресурсы и результаты. Внутренняя структура ресурса формируется с учётом институциональных и неинституциональных объектов, влияющих на завершение каждого из этапов. Цель модели — обеспечить оптимальный вектор управления, максимизирующий эффективность и устойчивость системы. При внедрении данной модели в практику учитываются текущие угрозы и необходимость минимизации последствий кризисных ситуаций.

Цель концептуальной модели управления региональной безопасностью — определить оптимальное направление совместных действий, обеспечивающее высокую эффективность и стабильное функционирование системы в условиях нестабильных состояний. Формализованное представление модели позволяет эффективно реагировать на вызовы и угрозы различного характера, включая экстремистские и террористические проявления. Важным условием внедрения данной модели является учет текущего состояния безопасности региона и ориентация на снижение угроз и минимизацию последствий кризисных ситуаций.

В литературном анализе феномен терроризма выделяют разные тематические направления исследований, одна из групп исследований некоторых научных авторов рассматривает теоретические основы безопасности государственного управления. Среди существующих работ можно выделить несколько ключевых подходов к обеспечению антитеррористической безопасности. **Первый подход** позволяет рассматривать категорию «государственное управление по защите национальных интересов» как деятельность, направленную на реализацию политических решений с целью достижения общественных благ. По мнению С.В. Решетникова государственное управление – «это административная, исполнительно-распорядительная деятельность государственных органов, направленная на регулирование жизнедеятельности общества и осуществляемая на профессиональной основе специализированными органами власти и должностными лицами» [2].

В этой связи, на особую роль выходит деятельность административных **центров** противодействия идеологии экстремизма и терроризма, которые созданы в силовом или государственном сегменте на федеральном и региональных уровнях. Выделим наиболее значимые из них, располо-

женные в Сибирском Федеральном округе:

- Национальный Антитеррористический комитет.
- Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет.
- Центр по противодействию экстремизму Управления МВД России по Томской области.
- Антитеррористическая комиссия Томской области.

Данные административные центры могут напрямую осуществлять и реализовывать государственную политику в части противодействия в гражданском обществе идеологии экстремизма и терроризма, т.е. использовать административный ресурс государства.

В **следующем подходе** научные авторы в своих трудах описывают государственную политику управления как процесс влияния на общество, осуществляемый государственными институтами. В частности, в интерпретации некоторых авторов государственное управление представляет собой сознательное воздействие [12]. В данной связи, значимы организации и **центры** противодействия экстремизму и терроризму на базе государственных образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования:

- Координационный центр по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма Томского Политехнического университета.

- Координационный центр противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма Кемеровского государственного университета.

Указанные при ВУЗАХ, СПО организационные структуры влияют на направления противоправной деятельности, замещают направления профилактической работы среди студентов и молодежи, которые являются сегодня первостепенной целью экстремистов разных мастей.

Оба рассмотренных подхода имеют признаки *институционализированной* формы государственной политики противодействия экстремизму и терроризму.

В рамках исследования автора **третий вектор** изученных публикаций посвящен уточнению роли и особенностей деятельности некоммерческих организаций, общественно-политических объединений, молодежных и волонтерских групп в современной политической жизни

общества, рассматриваемых как средство противостояния негативным явлениям: терроризм и экстремизм, т.е. *неинституализированная* форма противодействия. Данный вектор наиболее интересен поскольку подобные формы сотрудничества имеют неформальный и адресных характер. Где форма сотрудничества между индивидами общества обусловлена местными устоями, традициями и национальными особенностями, историческими дефинициями.

В данных научных исследованиях особый акцент делается на положительной деятельности некоммерческих организаций, объединений и групп общественного/политического толка в информационном пространстве современных государств и/или регионов. Опираясь на данные акторы, стоит подчеркнуть, что в текущих геополитических условиях, в которых находится современная Россия, происходят изменения терроризма, из маргинального политико-криминального феномена он превращается в важный фактор деструктивного влияния на социально-политические процессы, как на местном, так и на региональном уровне, угрожающий стабильности внутренних политических систем и режимов.

Необходимость разработки эффективной сетевой модели регионального управления в сфере противодействия экстремизму и терроризму, учет территориальных особенностей, национального состава населения, новейших вызовов усиливает актуальность вопросов региональной безопасности. При этом, помимо традиционных субъектов политического управления (органы публичной власти, политические партии и объединения), значительно возрастает влияние косвенных участников управления (непарламентские политические партии, некоммерческие организации и общественные объединения). Обновляется объективная необходимость формирования дополнительных каналов защиты - **неинституциональных** механизмов их инкорпорирования в процесс регионального политического управления. Значение формирования подобных механизмов обусловлена тем обстоятельством, что непосредственные субъекты политического управления могут, с одной стороны, выполнять стабилизирующую роль в политическом процессе, а, с другой стороны, оказывать на него определенное воздействие. С учетом изложенного, субъектами сферы профилактики и противодействия экстремизма и терроризма являются государство в лице государственных органов, их должностных представителей, органов местного самоуправления с институтами политической власти социума – институтами гражданского общества, решающие в своей повседневной дея-

тельности национальные проблемы социума.

Объектами сферы профилактики и противодействия экстремизма и терроризма по существу, здесь выступают этнические сообщества (личности, идентифицирующие себя по национальным критериям, — индивиды, этносы, нации, субэтнические и суперэтнические группы, национальные меньшинства и национальные движения), а также сферы их жизнедеятельности и самовыражения: экономическая, политическая, этносоциальная, политико-административная. Поскольку субъектами и объектами могут выступать как отдельные личности, так и социальные группы, организации и государства, негативные аспекты их взаимодействий также разнообразны. В свою очередь, развитие современного экстремизма причин возникновения этого социокультурного явления обусловлены множеством общественных факторов: экономических (неравенство доходов и богатства, региональные экономические диспропорции и т.д.), политических (обострение национальных, региональных и религиозных конфликтов, отчуждение граждан от участия в государственном управлении и т.п.), социальных (безработица, низкая заработная плата, недостаточные меры социальной защиты, этнические конфликты и т.д.) и духовных (нравственная деградация целых поколений, распространение массовой низкопробной культуры, последствия навязанной идеологии атеизма [4]).

Опираясь на приведенные тенденции авторы выделяют три ключевых блока управления региональной политикой противодействия экстремизму и терроризму: **этносоциальный**, охватывающий демографию, миграции и гуманитарные аспекты; **экономический**, связанный с инвестициями, бюджетом и наукой; и **административно-правовой**, обеспечивающий контроль и управление системой профилактики. Авторы склонны подробно рассмотреть третий блок, подразумевающий распределение полномочий и ответственности между государством и гражданским обществом. Современная политика по рассматриваемой теме предусматривает регулярную коррекцию разделения компетенций между органами власти и региональными сообществами, формирующими эффективные механизмы предотвращения экстремизма и терроризма. Для эффективного противостояния необходима интеграция центров влияния, как официальных органов, так и общественных организаций, работающих на региональном и муниципальном уровнях. Глубокое осмысление сути данного явления, его причин и признаков взаимодействия, а также осознание масштабов распространения деятельности террористов

по всему миру и последствий от их действий в нашей стране приводит в движение систему региональных отношений.

Создание эффективных центров взаимодействия региональных властей и общественности является важным инструментом борьбы с распространением экстремизма и терроризма. Центры влияния должны иметь как **институциональную** основу (правоохранительные структуры, образовательные учреждения, региональные комитеты), так и **неинституциональную** форму (общественные движения, религиозные группы, молодёжные организации). Институциональный подход изучает влияние госструктур на внедрение профилактических мер, тогда как неинституциональный учитывает культурные, исторические и национальные особенности регионов, влияющие на уровень экстремизма и эффективность антитеррористических мероприятий [14].

Единая федеральная модель антитеррористической безопасности для всей России невозможна ввиду особенностей каждого региона. Каждый регион имеет свою специфику, обусловленную историей, культурой, традициями и взаимоотношениями властных структур, что важно учитывать при формировании эффективной системы защиты от угроз. Тем не менее, опыт успешных практик отдельных субъектов может стать образцом для дальнейшего тиражирования.

Таким образом, экстремизм и терроризм представляют серьезную угрозу региональной безопасности, нарушая внутреннее спокойствие и положение государства. Политика противодействия должна сочетать уси-

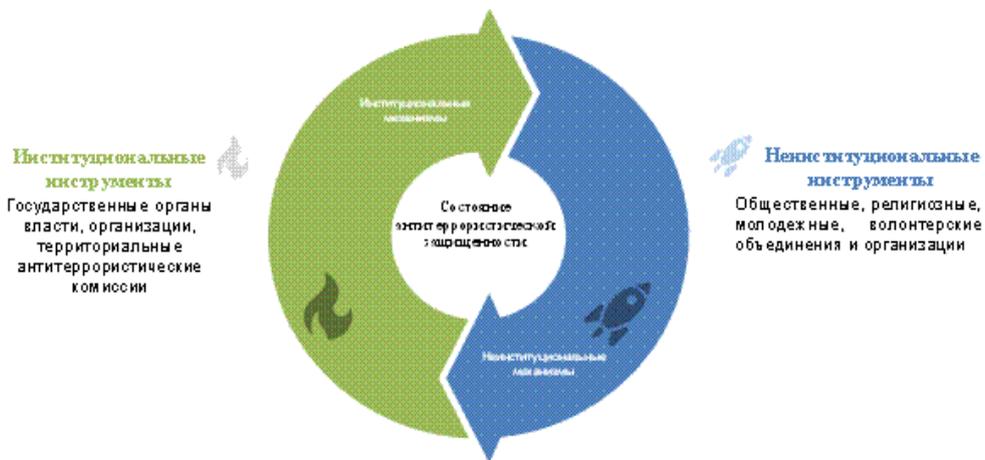

Рис. 2. Общая схема механизмов взаимодействия региональной политической власти.

лия государственных учреждений и общественных инициатив, обеспечивая эффективную защиту молодежи. В данной связи, решения властей влияют на общественное мнение, определяя успех проводимых реформ. Создание позитивных резонансных эффектов способствует укреплению доверия и поддержке населением предпринимаемых мер, утверждая легитимность власти в управлении политическими процессами [6].

Одновременно с этим политика региона должна быть направлена на формирование коммуникаций между властями и жителями, оказывая воздействие на общественное сознание. Через политическую коммуникацию власть формирует публичные резонансы — реакцию населения на принятые решения. Масс-медиа важный институт участия в создании нужного восприятия угроз экстремизма и терроризма, привлекая общество к формированию политической повестки. Региональная элита создаёт особый политический резонанс, стимулирующий отказ от идей экстремизма и терроризма, используя данный инструмент как целостную систему, направленную на разрешение конфликтов и стабилизацию ситуации [3].

По мнению автора, противодействие экстремизму и терроризму на региональном уровне эффективно может реализовываться на двух уровнях:

Институциональный уровень: Координационная деятельность исполнительных органов власти совместно с образовательными учреждениями, культуры и спорта, организованная через законодательно закреплённые комиссии и инициативы с обратными связями через медиа и интернет.

Неинституциональный уровень: Участие представителей гражданского общества (НКО, религиозные объединения, молодежные движения) в процессах взаимодействия, осуществляемых через аналогичные каналы коммуникации.

Замыкаться институциональные и неинституциональные формы должны на едином региональном **Центре** управления с отдельными представителями этих элит (Рис. 3, стр. 46).

Эффективность подобной региональной системы противодействия экстремизму и терроризму будет оцениваться по следующим критериям:

1. Рефлексивность: анализ проблем и результатов мероприятий.
2. Аналитичность: обоснованные управленческого решения с применением специальных методик анализа.
3. Обоснованность: учет местных особенностей и угроз.
4. Технологичность: использование современных информационных технологий.

Рис. 3. Общая концептуальная схема управления региональной антитеррористической безопасностью.

5. Прогностичность: прогнозирование развития ситуаций и последствий решений.

6. Открытость и гласность: контролируемость процессов гражданским обществом.

7. Механизмы обратной связи: применение публичных резонансов и реакций.

8. Гибкость: адаптация методов и опережающее реагирование на угрозы.

Предлагаемая авторами матрица представляет собой организационную структуру взаимодействия основных участников региональной политики по предотвращению экстремизма и терроризма. Основная цель заключается в анализе внутренних взаимодействий, приводящих к изменениям уровня безопасности благодаря комплексу антикризисных мер, реализуемых субъектами управления и заинтересованными сторонами. Управление в такой системе координат предлагается осуществлять с помощью информационных технологий, создающих рекомендации на основе прогнозируемых сценариев и агрегированной информации из различных источников. Организационная модель отражает структуру и взаимосвязи системы регионального управления, соединяя экспертные знания и информационные технологии для автоматизации принятия решений.

Заключение

Статья вводит уточнённые термины и подходы к управлению региональной антитеррористической безопасностью, интегрируя механизмы власти и гражданского общества через сети аффилированных центров. Предлагается теоретико-методологическая концепция системного взаимодействия, позволяющая моделировать процессы региональной безопасности информационно-аналитическими средствами и интегрировать принятие управленческих решений. Такая система обеспечивает мониторинг рисков и повышение эффективности профилактических мер посредством постоянных взаимодействий государства и гражданского общества, отличаясь гибкостью, информативностью и возможностью реагирования на изменения условий среды.

Ключевую роль в такой гибкой системе противодействия экстремизму и терроризму будут играть совместные усилия государственных институтов и институтов гражданского общества, направленные на углубленную профилактику негативных проявлений среди различных групп населения с использованием механизмов постоянного мониторинга и обратной связи с индивидами и социальными группами риска в Томской и Кемеровской областях. Гибкость системы будет определяться такими характерными системными признаками, как информативность, эмпатия и возможность альтернативного замещения.

Список литературы:

1. Балаева Д.Р. Вопросы эффективности ситуационных центров в системе обеспечения национальной безопасности на региональном уровне / Д.Р. Балаева, А.З. Жуков // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 2. С. 109-114.
2. Государственная политика и управление: учебное пособие для студентов учреждений высшего образования / С.В. Решетников, Н.А. Антанович, Н.П. Денисюк [и др.]. – 2-е издание. – Минск: Республиканский институт высшей школы, 2018. 180 с.
3. Гуляихин В.Н. Архетипы политической культуры российских граждан // Проблемы общества и политики. 2013. № 1. С. 150-172.
4. Диагностика и профилактика экстремистских настроений в российских регионах: монография / В.В. Шиллер, З.В. Боровикова, Е.В. Валиуллина, Д.А. Огнев, А. Н. Старостин, Н.Н. Ростова, О.Н. Ефремова, Е.В. Шапкина, – Кемерово: ООО «ИНТ», 2020. 168 с.
5. Захарова А.А. Теория управления организационными системами: учебно-методическое пособие по выполнению практических работ и самостоятельной работе по дисциплине «Теория управления организационными системами» для студентов технических направлений подготовки / А.А. Захарова. – Томск: Томск. гос. ун-т систем упр. и радиоэлектроники, 2024. 63 с.
6. Кудряшов А.В. Правовые основы противодействия терроризму: Учебное пособие / А.В. Кудряшов, А.В. Майоров. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2024. 99 с.
7. Мальцев В.А. Теоретические основы борьбы с терроризмом и противодействия его проявлениям / В.А. Мальцев, Д.В. Мальцев // Конституционализм и государствоведение. 2020. № 4 (20). С. 26-33.
8. Набоких А.А. Внедрение новых информационных технологии в системе регионального управления / А.А. Набоких, Н.Н. Тетерина // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 8. С. 285-297.
9. Основы противодействия терроризму в Российской Федерации [Текст]: Учебное пособие. Специальность 20.05.01 Пожарная безопасность. Направление подготовки 20.03.01 Техносферная безопасность. Направление

- подготовки 38.03.04 Государственное и муниципальное управление / авт.-сост. А.О. Осипчук и др. – Екатеринбург: Уральский институт ГПС МЧС России, 2021. 189 с.
10. Основы государственного и муниципального управления / А.В. Буга, М.С. Великославинский, Д.В. Волосевич [и др.]. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2020. 282 с.
11. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства / М.Ю. Гутман, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина [и др.]. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва: ИНФРА-М, 2024. 423 с.
12. Теория и механизмы современного государственного управления / А.В. Буга, М.С. Великославинский, Т.В. Данилова [и др.]. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2020. 212 с.
13. Хациева И.А. Терроризм как социально-политическое явление: сущность и содержание // Проблемы борьбы с терроризмом и экстремизмом с учетом современных реалий: Сборник научных статей межведомственной конференции, Саратов, 21 сентября 2022 года. – Саратов: Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации», 2022. С. 90-94.
14. Шиллер В.В., Суслонов П.Е., Старостин А.Н. Профилактика экстремистских проявлений: теоретические основания и практические модели // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 2 (35). С. 102-112.
15. Текеев С.О. Становление промышленной разработки свинцово-серебряных руд в верховьях Кубани во второй половине XIX века // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 83-88.

Bibliography

1. Balaeva D.R. Issues of the Efficiency of Situation Centers in the System of Ensuring National Security at the Regional Level / D.R. Balaeva, A.Z. Zhukov // Social and Political Sciences. 2021. Vol. 11. № 2. P. 109-114.
2. Public Policy and Management: A Textbook for Students of Higher Education Institutions / S.V. Reshetnikov, N.A. Antanovich, N.P. Denisyuk [et al.]. – 2nd edition. - Minsk: Republican Institute of Higher Education, 2018. 180 p.
3. Gulyaikhin V.N. Archetypes of the Political Culture of Russian Citizens // Problems of Society and Politics. 2013. № 1. P. 150-172.
4. Diagnostics and Prevention of Extremist Sentiments in Russian Regions: Monograph / V.V. Schiller, Z.V. Borovikova, E.V. Valiullina, D.A. Ognev, A.N. Starostin, N.N. Rostova, O.N. Efremova, E.V. Shapkina, – Kemerovo: ООО «INT», 2020. 168 p.
5. Zakharova AA Theory of Management of Organizational Systems: a teaching aid for completing practical work and independent work in the discipline “Theory of Management of Organizational Systems” for students of technical fields of training / A.A. Zakharova. – Tomsk: Tomsk. State University of Control Systems and Radioelectronics, 2024. 63 p.
6. Kudryashov AV Legal Foundations of Countering Terrorism: A Tutorial / A.V. Kudryashov, A.V. Mayorov. – Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 2024. 99 p.
7. Mal'tsev V.A. Theoretical Foundations of the Fight against Terrorism and Countering Its Manifestations / V.A. Mal'tsev, D.V. Mal'tsev // Constitutionalism and State Studies. 2020. № 4 (20). P. 26-33.
8. Nabokikh A. A. Implementation of New Information Technologies in the Regional Government System / A.A. Nabokikh, N.N. Teterina // Current Issues of Modern Economics. 2022. № 8. P. 285-297.
9. Fundamentals of Countering Terrorism in the Russian Federation [Text]: Textbook. Specialty 20.05.01 Fire Safety. Field of study 20.03.01 Technosphere Safety. Field of study 38.03.04 Public and Municipal Administration / compiled by A.O. Osipchuk et al. – Yekaterinburg: Ural Institute of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2021. 189 p.
10. Fundamentals of Public and Municipal Administration / A.V. Buga, M.S. Velikoslavinsky, D.V. Volosевич [et al.]. – St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies “Asterion”, 2020. 282 p.
11. Political and Legal Administration and Threats to State Sovereignty / M.Yu. Gutman, S.I. Zakhartsev, N.V. Zorina [et al.]. – 2nd edition, revised and supplemented. – Moscow: INFRA-M, 2024. 423 p.
12. Theory and Mechanisms of Modern Public Administration / A.V. Buga, M.S. Velikoslavinsky, T.V. Danilova [et al.]. – St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies “Asterion”, 2020. 212 p.
13. Khatsieva I.A. Terrorism as a Socio-Political Phenomenon: Essence and Content // Problems of the Fight against Terrorism and Extremism Taking into Account Modern Realities: Collection of Scientific Articles of the Interdepartmental Conference, Saratov, September 21, 2022. – Saratov: Federal State Treasury Military Educational Institution of Higher Education “Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation”, 2022. P. 90-94.
14. Schiller V.V., Suslonov P.E., Starostin A.N. Prevention of Extremist Manifestations: Theoretical Foundations and Practical Models // Scientific Journal “Discourse-Pi”. 2019. № 2 (35). P. 102-112.
15. Tekeev S.O. The development of industrial mining of lead and silver ores in the upper reaches of the Kuban in the second half of the 19th century // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 83-88.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Московский государственный институт международных отношений

Гуманитарный университет г. Екатеринбург

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

Хоу Юньлун

Профессор и научный руководитель магистров, Университет Цзянси.

Лян Юяо

Аспирант, факультет музыки, Университет Цзянси Нормал.

Чжэн Ся

Школа иностранных языков Фусин, город Наньчан, провинция Цзянси.

Шу Чживей

Третья средняя школа, город Шанрао, провинция Цзянси.

Цао Синьи

Аспирант, факультет музыки, Университет Цзянси Нормал.

**Опера Иян: вокальное искусство, историческая
эволюция и современное наследие**

Hou Yunlong

Jiangxi Normal University, professor, masters supervisor.

Liang Yuyao

Graduate student at the School of Music, Jiangxi Normal University.

Zheng Xia

Fuxing Foreign Languages School, Nanchang, Jiangxi Province.

Shu Zhiwei

No. 3 Middle School, Shangrao City, Jiangxi Province.

Cao Xinyi

Graduate student at the School of Music, Jiangxi Normal University.

Yiyang opera: vocal artistry, historical evolution, and contemporary inheritance

Introduction

Yiyang Opera, an ancient vocal art form originating from Yiyang, Jiangxi Province, represents a crucial link in the history of Chinese opera, connecting its historical roots with later developments. It is recognized as one of the four major vocal styles of the Ming Dynasty, together with Kunshan, Yuyao, and Haiyan operas. With its distinctive artistic features—such as “one singer leading with many supporting voices” and “rhythm guided by drums, melody resonant and uplifting”—Yiyang Opera evolved into a widespread high-pitched opera system across northern and southern China. It has thus been regarded as a “living fossil” and the “ancestor of high-pitched opera” in Chinese theatrical history. In 2006, Yiyang Opera was included in the first national list of intangible cultural heritage, reflecting official recognition of its unique artistic value and cultural significance.

However, in today’s rapidly modernizing and globally integrated world, Yiyang Opera—like many traditional art forms—faces serious challenges, including an aging audience, a shortage of successors, and a shrinking performance market. Therefore, conducting systematic and in-depth research on Yiyang Opera to explore viable pathways for its sustainable inheritance in the new era is not only an academic endeavor to preserve an important intangible cultural heritage but also a timely response to the broader question of how to effectively protect and revitalize China’s outstanding traditional culture.

Existing academic research on Yiyang Opera has yielded substantial results, particularly in the areas of historical origins, literary script compilation, and macro-level transmission paths. Scholars have made important contributions in exploring the relationship between Yiyang Opera and the Southern drama of the Song and Yuan dynasties, its characteristic “incorporation of local dialects,” and its foundational role in Chinese opera history. Nonetheless, there remains room for further scholarly refinement. On the one hand, there is a lack of systematic and in-depth musicological analysis of the structural form, artistic function, and dialectal interaction of core musical elements such as *bangqiang* (supporting vocals) and *gundiao* (rolling tones). On the other hand, while existing studies often propose policy recommendations at a macro level,

relatively little attention has been paid to integrating historical experience with innovative approaches— such as digitalization and new media— in designing specific preservation strategies.

In response to these research gaps, this study systematically examines the artistic characteristics of Yiyang Opera’s vocal style and the adaptive mechanisms underpinning its historical evolution, with the aim of formulating innovative strategies for its contemporary preservation. To achieve this objective, the study adopts an interdisciplinary methodology combining literature review, music morphological analysis, and case studies. First, it revisits the historical formation of Yiyang Opera, highlighting how its unique artistic character emerged from the fusion of Southern dramatic traditions, Northern musical influences, and local cultural practices. Second, it offers a detailed analysis of the dramatic functions of bangqiang, the narrative role of gundiao, and the aesthetic effects derived from dialect usage, uncovering the underlying artistic principles. Finally, building on an accurate understanding of its artistic essence and historical context, the study proposes a tripartite framework for preservation and development centered on “living heritage transmission,” “digital archiving,” and “artistic innovation”— a strategy that both honors tradition and embraces future possibilities.

This study seeks not only to enhance academic understanding of the important opera heritage known as “Yi Danyi Ji – Yi Yang Qiang,” but also to offer a practical theoretical reference for revitalizing this ancient art form in contemporary society, enabling it to regain vitality in the new era.

1. The Historical Origin and Formation Mechanism of Yiyang Opera

1.1 Historical Origins and Development

As a national intangible cultural heritage and one of the four major vocal styles of traditional Chinese opera, Yiyang Opera (also known as Gaoqiang) holds a significant place in the development of China’s local operas. Its origins can be traced to the late Northern Song and early Southern Song dynasties, with its core formation process involving the deep integration of Southern Drama (Nanxi) and Northern Music (Beiqu) from the Song and Yuan dynasties with Yiyang’s local artistic traditions.

During the late Northern Song Dynasty, Wenzhou Southern Drama (then referred to as Wenzhou Zaju) developed and spread to Jiangxi, introducing new cultural elements to the region’s local opera forms. As the Ming scholar Xu Wei recorded in *Nan Ci Xu Lu*, Southern Drama originated during the reign of Emperor Guangzong of Song, with early works

such as Zhao Zhenni and Wang Kui by playwrights from Yongjia. Similarly, Zhu Yunming noted in Wei Tan that “Southern Drama emerged after the Xuanhe period and the southward migration of the Song court, and was known as Wenzhou Zaju.” In Yiyang, Southern Drama not interacted with local opera but also absorbed dialect and folk song elements, forming the foundation for its initial integration.

In the early Yuan Dynasty, Yuan Zaju (Northern Drama) spread rapidly southward. Xu Wei’s *Nan Ci Xu Lu* further describes Northern tunes as “originally the martial and vigorous melodies of the Liao and Jin frontiers, sung by warriors on horseback,” which later entered daily life in the Central Plains. These bold, high-pitched northern melodies contrasted sharply with the delicate southern style. When the two converged in Yiyang, they blended with local opera music, ultimately giving rise to the distinctive Yiyang tune. Centered in Yiyang County, this musical form later spread throughout Jiangxi, following a clear trajectory of “localization of external vocal styles and diversification of local art.”

1.2 Internal Drivers of Formation

The rapid development of Yiyang Opera in the Yiyang region was driven not only by external factors– the introduction of Southern and Northern drama– but also by internal dynamics rooted in its “grassroots” and “adaptive” cultural genes, which aligned closely with the folk customs, language, and aesthetic habits of northeastern Jiangxi.

The deliberate use of local dialect, often described as “the intentional application of vernacular language,” strengthened its connection with the public. By performing in dialect, Yiyang Opera catered to the aesthetic tastes of ordinary people while reducing barriers to understanding, making it more accessible and enjoyable. This approach anchored the art form in grassroots culture, distinguishing it from more elitist arts and highlighting its popular nature.

Its performance style– “rhythm driven by drums, melodies resounding with vigor”– also resonated with local lifestyles and aesthetic preferences. Characterized by high-pitched, resonant singing accompanied mainly by gongs and drums, along with a “lead vocalist with choral response” format, Yiyang Opera created a powerful and dynamic atmosphere. This style reflected the local custom of speaking loudly and a regional temperament marked by passion and boldness. Even during breaks from labor, locals would sing Yiyang Opera to refresh themselves, integrating it into daily life. Furthermore, its diverse melodies and adaptability contributed to its enduring vitality. Rather than adhering to a rigid structure, Yiyang Opera flexibly incorporated familiar folk songs into

its repertoire, adapting to different regions and cultural contexts. This practice of “local adaptation” enabled it to transcend regional limits and maintain lasting appeal.

2. The Essence and Artistic Function of Yiyang Opera

2.1 *The Form and Function of the Supporting Chorus (Bangqiang)*

The supporting chorus, known as bangqiang, constitutes one of the most distinctive artistic features of Yiyang Opera. Its significance extends far beyond the basic format of “one lead singer accompanied by many,” functioning as a core artistic mechanism that propels the narrative, intensifies emotional expression, and builds dramatic tension. As noted by opera scholar Zhou Yibai, the origins of bangqiang can be traced to ancient labor chants, or xiexu sheng, which utilized a call-and-response pattern to coordinate collective work rhythms. Yiyang Opera absorbed this foundational structure and, through widespread dissemination and continuous refinement, elevated it from a practical tool to a sophisticated artistic expression that seamlessly integrates lyrical, narrative, and commentary functions, thus establishing it as a unique vocal signature.

With the artistic maturation of Yiyang Opera, the techniques of bangqiang have diversified significantly, evolving beyond simple responsorial singing into distinct paradigms, each with its own expressive power:

- **Phrase-Ending Chorus:** This is the most traditional form, where the chorus enters at the conclusion of the main singer’s phrase, adding the final words or syllables to create a lingering resonance. This technique often employs harmonic reinforcement to amplify the core emotion of the passage, thereby deepening its expressive impact.
- **Interjectory Chorus:** This technique involves the strategic insertion of vocal interjections by the chorus during the main singer’s delivery, particularly at breath pauses or moments of emotional transition. These interjections serve to fill rhythmic silences or accentuate pivotal emotional shifts, thereby adding layers of depth and dynamism to the vocal performance.
- **Supporting Voice (Chengjie):** In this form, the chorus seamlessly takes over the melodic line from the main singer, often mid-phrase or after a key word. This rapid alternation accelerates the narrative pace, effectively creating a tense or highly charged atmosphere, which is commonly employed in scenes of intense conflict.
- **Harmonization (Heqiang):** Here, the chorus sings in synchronization with the main vocalist, either creating harmonic layers or achieving a stereo-

phonic effect through the coordination of high and low registers. This is not mere repetition but an artistic enrichment and elevation of the core melody, serving to enhance the overall momentum and emotional intensity of the performance.

These diverse forms of bangqiang play several pivotal roles within the musical-dramatic structure of Yiyang Opera, forming a crucial foundation for its overall expressive power.

First, it creates atmosphere. Through nuanced variations in timbre and dynamics, the chorus can swiftly establish a setting that resonates with the narrative. In the classic opera *The Pearl Story*, for instance, when the heroine Wang Jinzhen embarks on a grueling journey, the chorus employs deep, lingering phrases accompanied by gongs and drums. This not only evokes the imagery of a desolate wilderness but also accentuates the character's profound sense of isolation, thereby instantly immersing the audience in the story's emotional landscape.

Second, it portrays psychology. The chorus acts as a "mirror of the inner voice," externalizing a character's unspoken emotions and psychological journey. In *The Water Seller*, the maid Meiying, anxious yet resolute in helping her mistress, is echoed by the chorus. When she hesitates, murmuring, "What if I am discovered?" The chorus responds with a delicate harmony that amplifies her unease. Conversely, when she resolves to "do whatever it takes," the chorus follows with an impassioned response, intensifying her determination and heightening the dramatic tension.

Third, it provides narrative commentary. Adopting an omniscient perspective, the chorus offers subtle critique on the plot and characters' actions, conveying folk aesthetics and moral judgments. In *The Pearl Story*, when Gao Wenju (Wang Jinzhen's husband) is coerced into a marriage and nearly betrays his wife, the chorus interjects with a resonant line: "Wealth and honor may change, but true intentions remain; how can righteousness be cast aside?" This not only highlights the central moral conflict but also promotes the value of integrity, thereby guiding the audience's emotional response and ethical alignment.

In summary, from its origins in practical labor chants to its status as a refined artistic innovation, the bangqiang in Yiyang Opera has evolved far beyond the simple model of "one singing, many harmonizing." Through its rich typology and multifaceted functions—connecting plot, shaping character, and conveying cultural meaning—it has become the core artistic element that ensures the enduring charm and timeless appeal of Yiyang Opera.

2.2 Artistic Breakthrough and Significance of the Rolling Tune (Gundiao)

As Li Diaoyuan observed in his Qing dynasty work *Juhua*, “The Yiyang opera style originated in Yiyang... It lacked formal musical notation, relying instead on folk traditions where a soloist would perform with audience participation.” This account captures the inherently popular character of Yiyang opera. Unlike other operatic forms, its “folk” quality is deeply rooted in local customs, a defining feature that runs through its entire historical development. Linguistically, Yiyang opera deliberately adopts local dialects, using vernacular speech rather than formal Mandarin to ensure accessibility for ordinary people. Its melodies are frequently adapted from well-known folk songs, blending familiar, popular tunes with a natural warmth. In terms of transmission, the art has been sustained through master-apprentice relationships and oral tradition, maintaining its deep connection to folk culture. Furthermore, its exceptional adaptability and capacity for self-renewal enable it to incorporate local languages and customs wherever it travels— revising melodies, creating new scripts, and nimbly responding to changing audience expectations.

The most significant achievement of Yiyang opera’s pursuit of popular appeal and artistic innovation is the creation of its signature “Gundiao” or Rolling Tune. This innovation liberated the form from the constraints of the traditional *qupai* style, which relied on fixed melodic patterns and rhythmic structures, and realized the ideal of being “easy to understand and accessible to everyone.” In contrast to conventional *qupai* opera, which often features a slow pace and refined language that can be difficult for general audiences to appreciate, the “Gundiao” breaks with these conventions. It is built on simple five- or seven-character lines, abandoning the complex metrics of *qupai*. Its language closely mirrors everyday speech, making it as direct and relatable as common conversation. The rhythm adopts the “*liushui ban*” (flowing meter), creating a lively, seamless melody that condenses the narrative, allowing the plot to develop more efficiently and engagingly.

This innovation significantly enhances the dramatic and narrative power of Yiyang opera. When establishing a background or unfolding a story, the “Gundiao” uses dense lyrics and a brisk rhythm to convey information quickly, avoiding the drawn-out pacing of traditional tune structures. In portraying a character’s inner world or heightening dramatic conflict, the “*liushui ban*” combines a rapid tempo with straightforward poetic expression, making emotional climaxes more intense and resonant. For example, in the classic play *The Pearl Tale*, when the heroine Wang Jinzhen is falsely accused and sent into exile, she laments her plight using the “Gundiao”: “Tricked and

exiled, wandering alone, I sigh at my fragile fate; / Hating corrupt officials who harm the innocent, when will Heaven clear the truth?" The blunt language of the five- and seven-character lines, paired with the urgent rhythm of the "liushui ban," not only clarifies the central conflict but also vividly conveys Wang Jinzhen's despair and helplessness, immediately eliciting the audience's empathy. In *The Water Seller*, when the maid Meiying is delivering a message for her mistress, the "Gundiao" employs a lively rhythm and witty vernacular lyrics to advance the plot, while simultaneously highlighting Meiying's cleverness and resolve, adding both entertainment value and a touch of everyday realism to the narrative.

From the foundational folk tunes of "Yan Tusu" to the innovative "Gundiao" that reshaped musical conventions, the "folk" essence of Yiyang Opera represents more than mere accessibility. It constitutes a profound reorientation of artistic values—bridging cultural distance through the use of local dialects, resonating with popular taste by incorporating familiar melodies, and enhancing narrative power via the "Gundiao" technique, thereby achieving genuine artistic immediacy and popular appeal. This unique synthesis, characterized by its origins among the people, its development through popular practice, and its enduring service to popular audiences, has transformed Yiyang Opera into a true living tradition. It is precisely this deeply rooted "folk" spirit, combined with a dynamic spirit of artistic innovation, that continues to sustain its vitality across centuries.

2.3 The Flexible Application of Musical Modes (Qupai)

The term *qupai* (labeled melodies) has a long history in Chinese music. As the Ming dynasty theorist Wang Jide elucidated in *Qulü: Lun Qiangdiao*, "The structural framework of music lies in the *qu* (tune), while its expressive vitality resides in the singing." He further noted that "the name of a tune's melody is commonly called a *pai*." Thus, *qupai* refers to the named melodic templates used in traditional composition and notation, occupying a pivotal role in Chinese opera. Unlike the strict adherence to *qupai* characteristic of Kunqu opera, the Yiyang opera style demonstrates a distinctive approach best described as "*sui xin ru qiang*" (entering the melody freely), showcasing remarkable flexibility and inclusivity.

This principle of "entering the melody freely" is manifested primarily in the flexible treatment of musical structure and the liberation from rigid formal conventions. In Yiyang opera, it is common for arias to lack formally titled preludes or codas, often beginning directly with a *gundiao* (rolling tune) or a poetic text. For example, the classic play *The Story of the Ancient City* opens

with a seven-character poem without a formal prelude, while its conclusion employs the distinctive shuangsha form, creating a seamless and rhythmically cohesive structure. The linking of musical sections follows no fixed pattern, often reusing the same melodic material repeatedly without strict adherence to conventional standards. Over time, the style progressively transitioned towards a banqiang (metrical-tune) system, sometimes adapting qupai flexibly, at other times abandoning them altogether, or even directly incorporating new tunes, thereby substantially breaking free from the constraints of traditional musical forms.

Furthermore, this flexibility is evidenced by its extensive incorporation of folk songs and popular melodies into the qupai system. Yiyang opera actively wove these vernacular tunes together with traditional southern opera patterns, consciously moving beyond conventional structural limits. This innovative practice was reinforced by the flexible application of gongdiao (modal systems) and the dynamic use of techniques like bangqiang (choral accompaniment) and gundiao (rolling melodies). Collectively, these elements mitigated the rigid norms associated with fixed qupai, endowing Yiyang opera with more vibrant vitality and wider adaptability.

3. Between Refinement and Popularity: The Dissemination and Stylistic Diversification of Yiyang Opera

3.1 The Path of Popularization: Dialectalization and Localization

The popular character of Yiyang Opera is fundamentally grounded in its dissemination through dialectalization and localization, a process that fostered deep resonance with folk culture and ultimately formed the core matrix for the development of regional high-pitched operas, leading to the formation of a broader “high-pitched opera system.” As Gu Qiyuan observed in *Kèzuò Zuìyǔ*: “Yiyang Opera deliberately employs local dialects, delighting scholars and travelers from all quarters.” In this context, “deliberate use” signifies a practice of “mixed usage” – not a complete abandonment of the standard language, but a strategic predominance of local dialect supplemented by elements of the official tongue. This resulted in a linguistic character where “local accent is the mainstay, and the official language is supplementary.” This approach aligned perfectly with the receptive habits of popular audiences. Compared to the often obscure refined language, the familiarity of the local dialect made the repertoire more accessible, memorable, and singable for the common people.

The popularity of Yiyang Opera is evident not only in its linguistic features but also in its proactive integration with local cultures. Liberating itself from the

rigid constraints of traditional opera— such as fixed musical patterns (qupai), modal systems (gongdiao), and rhyming schemes— it adopted the method of “drawing melodies from folk songs and simplifying them for singing.” This approach incorporated numerous folk tunes and regional musical elements into its vocal system, seamlessly blending them with its original Southern opera melodies to create a flexible and uninhibited musical style. This “down-to-earth” artistic transformation endowed Yiyang Opera with remarkable regional adaptability. When introduced to new areas, it rapidly merged with local dialects and folk melodies, giving rise to distinct regional branches of high-pitched opera, such as the high-pitched styles within Sichuan Opera, Hunan Opera, and Jiangxi Opera. These adaptations retained the core characteristic of Yiyang Opera— “entering the melody with ease” (sui xin ru qiang)— while integrating regional cultural DNA. Through this process of dialectal and localized adaptation, succinctly described as “following local customs” (rù xiāng suí sù), Yiyang Opera transcended the limitations of a single regional genre. It evolved into a versatile and vibrant “high-pitched opera system” that maintained strong connections with the public. This enduring vitality reflects its core essence of being “created for the people, sung for the people.”

3.2 The Pursuit of Refinement: Official Language and Court Performance

While dialectal adaptation secured Yiyang Opera’s grassroots foundation, the adoption of official language and courtly conventions represented a strategic evolution aimed at transcending regional confines and attaining higher artistic recognition. This shift toward refinement significantly broadened its appeal but also involved nuanced artistic compromises.

The opera’s ability to attract scholars and literati across regions stemmed from its strategic use of official language. Whereas strict reliance on dialect would have limited comprehension, the use of the contemporary lingua franca allowed diverse audiences to access its artistic content, thereby expanding its cultural reach. This adaptation did not eliminate dialect elements but fostered a hybrid performance style: dialect was retained for local audiences, while official language was incorporated— or even used exclusively— in performances targeting urban elites or cross-regional viewership. This linguistic flexibility demonstrated a keen adaptability to audience preferences.

A definitive marker of this refinement was Yiyang Opera’s incorporation into imperial court performances. As Shen Defu recorded in the Wanli Yehubian: Supplement, “The emperor first established theatrical troupes at Yuxi Palace to practice foreign operas, including those from Yiyang, Haiyan, and Kunshan.” The inclusion of Yiyang Opera within the court’s musical institu-

tion challenged its reputation as a rustic art form. To align with imperial and literati tastes, Yiyang Opera underwent artistic polishing while preserving its core vocal techniques: overly boisterous percussion was moderated, libretti gained literary sophistication, and singing styles became more standardized. Through these changes, it transformed from a folk art once considered unsuitable for refined audiences into a performance genre embodying courtly elegance and aesthetic value.

This pursuit of refinement brought both gains and concessions. The use of the official language helped the opera overcome dialect barriers, extending its influence from rural settings to urban centers and the imperial court. Such elevation enhanced its social prestige and established it as an “amphibious” art form capable of bridging folk and elite cultures. Court-oriented adaptations also refined its artistic structure, integrating elements from more polished traditions like Kunqu and enriching its expressive range. Yet, this process also diluted certain folk qualities: the free-flowing gundiao (rolling tunes) and vibrant bangqiang (choral accompaniment) were sometimes restrained, and musical structures became more standardized, slightly curbing the spontaneous vitality captured in the phrase “entering the tune at will.”

Overall, the official and courtly adaptations of Yiyang Opera reflect strategic responses to differing aesthetic environments. Rather than losing its popular roots through refinement, the opera developed a dual capacity—balancing elegance and vernacular charm. This ability to “appeal to both refined and popular tastes” became crucial to its cross-strata acceptance and nationwide enduring appeal.

In summary, the local and the official, the folk and the courtly, do not represent opposing paths for Yiyang Opera but complementary strategies tailored to different communicative contexts and audiences. The “vernacular” approach ensured its deep-rooted vitality among the people, while the “refined” practice enabled it to achieve broader dissemination and artistic elevation. It is this capacity to navigate between cultural spheres—retaining the accessibility and inclusiveness of folk art while adapting to sophisticated aesthetic demands—that made Yiyang Opera one of the most influential operatic traditions in Chinese history.

4. Contemporary Challenges and Innovative Pathways for the Inheritance and Development of Yiyang Opera

4.1 Current Status and Core Challenges of Inheritance

The inheritance and development of traditional cultural heritage like Yiyang

Opera present persistent challenges. The question of how to achieve more scientific protection and revitalization demands continuous exploration. Yiyang Opera's inclusion in the first national intangible cultural heritage list in 2006 underscores its recognized value and the importance of its preservation. While early 20th-century initiatives, such as the Kunyi Association founded by Mr. Liu Bannong of Peking University in 1923, played a significant role in promoting and studying Yiyang Opera, providing valuable inspiration for later generations, the art form now faces severe threats to its survival in the context of rapid technological advancement and social transformation.

1. The Survival and Operational Difficulties of Performance Troupes

According to the China Intangible Cultural Heritage Blue Book (2023), only 3 to 5 professional Yiyang Opera troupes remain active nationwide, primarily concentrated in the Yiyang area of Jiangxi Province, and all face severe operational challenges. For instance, the Yiyang County Yiyang Opera Art Protection Center (the successor to the original Yiyang Opera Troupe), despite being a nationally protected unit, struggles with insufficient funding. Its annual fiscal allocation covers only about 60% of the basic salaries for performers, and it lacks a dedicated performance venue. Troupes often resort to borrowing space from local cultural centers for rehearsals and use outdated audio and lighting equipment dating back to around 2010, which frequently leads to performance interruptions due to technical failures.

Market viability is extremely low. Performance opportunities rely heavily on government-sponsored initiatives like "sending opera to the countryside," which typically amount to fewer than 20 shows per year. Commercial performance invitations are rare. After deducting costs for transportation, costumes, and props, the net income from a single performance is minimal. Some smaller county-level troupes are on the verge of dissolution. For example, one specific county troupe, after sustaining losses for three consecutive years, now retains only five veteran artists, who are unable to perform full repertoires and can only present selected excerpts at local festivals.

2. Severe Shortage of Practitioners and Lack of Successors

The transmission of Yiyang Opera has historically relied on oral and experiential methods, but its current cohort of practitioners is now critically aged and facing a severe generational gap. According to 2022 statistics from the Jiangxi Provincial Intangible Cultural Heritage Protection Center, there remain only two national-level inheritors, both over 70 years old; five provincial-level inheritors with an average age exceeding 65; and fewer than ten municipal-level inheritors, most of whom are retired and re-engaged on a part-time basis.

The physical condition of senior artists declines yearly, with some unable to demonstrate complex vocal techniques and movements due to age-related vocal cord deterioration and joint problems.

At the same time, the number of young practitioners is critically low. Over the past decade, fewer than 30 individuals nationwide have systematically studied Yiyang Opera, and only 5 to 8 have persisted in professional performance. This shortage stems from two main factors: first, the long apprenticeship period—requiring 5 to 8 years to perform independently—coupled with low income (young performers often earn less than ¥3,000 per month, significantly below the local average wage), makes it difficult to attract and retain young talent. Second, the diversification of modern entertainment has shifted youth preferences toward fast-paced cultural products such as films and short videos, leaving little interest in traditional opera. As a result, the intergenerational transmission chain is nearly broken.

3. The Loss of Scripts and the Endangered Artistic Heritage

Historically, Yiyang Opera boasted a repertoire of over a thousand plays, yet only a fraction survives today. According to the List of Existing Yiyang Opera Repertoire compiled by the Yiyang Opera Art Preservation Center, merely 86 complete traditional scripts remain intact—less than 10% of the original corpus. Many valuable scripts are scattered in local communities, facing the threat of permanent loss as their bearers pass away.

Several factors contribute to this crisis. First, the preservation of historical scripts is extremely challenging. Surviving manuscripts from the Qing Dynasty and Republican era, often written on fragile cotton paper, are deteriorating due to moisture, mold, and insect damage, resulting in illegible text. Moreover, a lack of professional digital restoration technology exacerbates the problem. Early versions of classic plays such as *The Plum Blossom Meeting* and *The Ancient City Chronicles* now exist only as scattered fragments.

Second, orally transmitted performance techniques—including unique vocal methods like the rolling tone (*gundiao*) and supporting chorus (*bangqiang*), as well as stylized movements—are at risk of disappearing. These elements, mastered by elderly artists, are not being systematically passed on to the next generation.

Third, there is a severe shortage of contemporary adaptations. Fewer than ten new Yiyang Opera works have been created in recent years, creating a widening gap between traditional content and modern audience preferences. This lack of innovation further accelerates the erosion of the art form's cultural resources.

4. Audience Aging and Low Communication Reach

The audience for Yiyang Opera shows a pronounced aging trend, with a severe shortage of younger viewers. According to a 2021–2023 survey conducted by a professional troupe, 82% of audience members were over 60 years old, 15% were between 40 and 60, and only 3% were under 40— most of whom were intangible cultural heritage researchers or university students. Three main factors contribute to its low acceptance among younger generations:

First, language barriers— Yiyang Opera retains many dialect expressions and traditional singing rhythms that are difficult for contemporary youth to understand. Second, aesthetic differences— its relatively slow narrative pace and classical themes contrast sharply with the fast-paced, interactive cultural products popular among young people today. Third, limited dissemination channels— promotion relies mainly on traditional offline performances and dedicated opera TV channels, with little effective use of short video platforms, livestreaming, or other new media. As a result, awareness remains extremely low among younger generations, most of whom have never even encountered this art form.

These intertwined challenges sound an alarm for the inheritance of Yiyang Opera. There is an urgent need for targeted preservation measures to address its current predicament and revitalize this ancient performing art.

4.2 Multi-dimensional Strategies for Inheritance and Development

Against the backdrop of growing material prosperity and rising demand for spiritual and cultural enrichment, the inheritance and promotion of Yiyang Opera has become an increasingly vital undertaking. This section proposes a multi-dimensional framework for its contemporary preservation and revitalization, focusing on the following three strategies.

1. Living Inheritance through Human Continuity

The core of living heritage preservation lies in maintaining the continuity of knowledge and skills, which requires a systematic approach centered on two key groups, inheritors and learners.

- **Strengthen the Inheritor Support System:** Improve the representative inheritor mechanism by providing inheritance allowances and training subsidies to ensure veteran artists have stable living conditions and resources for teaching. Implement a “master-apprentice pairing” program with clear incentives, responsibilities, and evaluation criteria to ensure the effective transmission of skills. Regular exchange performances and skill seminars should be organized to offer platforms for artistic display and professional development.
- **Integrate Opera into School Education:** Introduce Yiyang Opera into pri-

mary and secondary school aesthetic education curricula through regular lectures, artist demonstrations, and analysis of classic excerpts to foster student interest. Support the establishment of Yiyang Opera interest clubs with professional guidance, and organize campus opera festivals and performances to transform occasional exposure into sustained engagement.

- **Develop Higher Education Programs:** Offer specialized courses— such as Yiyang Opera performance, vocal studies, and scriptwriting— as electives or required modules in relevant university departments (e.g., musicology, theater). Move beyond appreciation-based classes to include practical training. Establish industry-academia-research partnerships between universities and opera troupes, creating joint training programs and research bases. This will allow students to gain hands-on experience in rehearsals and fieldwork, cultivating versatile talents who combine theoretical knowledge with practical skills.

- **Systematize Archiving and Documentation:** Task professional teams with organizing existing materials— including audio-visual recordings, musical scores, and scripts— into structured digital archives and printed collections. This will provide a reliable resource base to support teaching, research, and revival efforts.

2. Digital Inheritance

The advancement of internet technology offers new pathways for the dissemination of Yiyang Opera. Adopting digital methods can overcome traditional limitations of time and space, allowing this classical art form to reach a broader and more diverse audience.

Systematically collect and digitize cultural assets, including audio-visual recordings of performances by national and provincial inheritors, as well as high-definition scans of scripts, musical scores, costumes, and props. These materials should be systematically categorized— by repertoire, artistic technique, historical origin, etc.— and integrated into a publicly accessible digital repository. Such a platform will support research, education, and creative reproduction of Yiyang Opera.

Launch official accounts on platforms such as Douyin, Kuaishou, and Bilibili to publish engaging short video series, such as “Yiyang Opera in One Minute,” “Understanding the Art of Chorus,” and “The Stories Behind Classic Plays.” These should adopt a light, accessible style to attract younger viewers. Regular livestreamed performances, interactive Q&A sessions with inheritors, and online quizzes can enhance audience participation. Develop an online Yiyang Opera museum using 3D modeling and VR technology to recreate tradition-

al stages and performance settings, offering immersive experiences that transcend geographical barriers. Simultaneously, use WeChat, Weibo, and other social platforms to push performance schedules, opera knowledge, and related content, enabling enthusiasts to stay informed and engaged from anywhere. Create online teaching modules and remote masterclasses, allowing inheritors to instruct learners across regions. Encourage user-generated content, such as singing challenges or clip recreations, to foster participatory culture. Support the development of Yiyang Opera-related apps or mini-programs with features like karaoke-style singing practice, virtual costume try-ons, and script libraries, blending tradition with modern interactive experiences.

3. Innovative Development

The enduring vitality of Yiyang Opera throughout history is rooted in its capacity for self-renewal—the principle of “adapting to the times.” Contemporary innovation should preserve its core artistic elements, such as the choral singing style (*bangqiang*), rolling melody (*gundiao*), and the flexible musical structure of “entering the mode freely” (*sui xin ru qiang*), while actively exploring diverse and modern forms of expression.

Timeless works such as *The Story of the Ancient City* and *The Plum Blossom Meeting* can be adapted by retaining their core plots and vocal characteristics while incorporating contemporary values and aesthetic sensibilities. Streamlining complex storylines and enhancing narrative pacing can help traditional plays better align with modern viewing habits. In the realm of music, following successful examples such as *How Wonderful the High Melody* and *My New Clothes*, Yiyang Opera’s unique vocal style can be creatively integrated with pop, rock, or hip-hop elements, producing original works that harmonize traditional charm with contemporary appeal.

In visual and narrative media, collaborations with television dramas and animations could incorporate Yiyang Opera’s music, costumes, or performance styles into modern storylines. Themed animated shorts or cultural documentaries could also be produced to reach new audiences. In terms of performance format, immersive theater models could be explored, placing the audience within the dramatic environment and allowing them to experience the art form in an interactive and engaging manner.

All innovative practices should adhere to the principle of “change without loss of essence.” While encouraging creativity, it is essential to guard against excessive commercialization or entertainment-oriented dilution of Yiyang Opera’s core techniques and cultural significance. The goal is to preserve its

authentic character and artistic uniqueness, ensuring that innovation becomes a sustainable driver of heritage– not a departure from it.

Conclusion

This study has demonstrated that the historical resilience of Yiyang Opera is fundamentally attributable to its embedded adaptive capacity– a dynamic interplay between artistic absorption, popular engagement, and structural flexibility. By systematically analyzing its evolution, we have delineated the mechanisms of this adaptability: the synthesis of Southern drama and Northern music, the dramatic innovation of bangqiang and gundiao, the strategic use of dialect for grassroots resonance, and the nuanced balance of vernacular and refined elements for cross-cultural dissemination.

However, the contemporary crisis facing Yiyang Opera– precipitated by a rupture in generational transmission, institutional fragility, and a disconnect from modern audiences– reveals a critical limitation: historical adaptability does not autonomously translate into contemporary relevance. The core challenge, therefore, is not merely one of preservation but of active translation– transforming its innate adaptive principles into a conscious strategy for cultural continuity.

The proposed tripartite framework of living inheritance, digital archiving, and artistic innovation is designed to operationalize this translation. It moves beyond the conventional preservation paradigm by advocating for a dialectical synthesis where conservation enables innovation. Safeguarding core elements like bangqiang and dialectal charm provides the authentic foundation, while integrating digital media and contemporary aesthetics acts as the catalyst for reintegration into modern cultural life. The ultimate objective is not to museumize Yiyang Opera but to reposition it as a living, evolving practice that speaks to present and future generations.

Thus, the significance of revitalizing Yiyang Opera extends beyond saving a single art form. It serves as a crucial case study in the broader endeavor to reactivate China’s intangible cultural heritage. Its successful renewal would demonstrate a viable pathway for other traditional arts: achieving sustainability not through rigid conservation, but through a creative, principled innovation that honors the past while dynamically engaging the present.

Список литературы / Bibliography

1. Liu Jun. The Development and Dissemination of Gan Opera in the Context of Historical Evolution [J]. Comparative Studies on Cultural Innovation, 2019,3(30):120-121.
2. Luo Hongxia, Luo Na. Inheritance and Protection of Jiangxi Traditional Music: A Case Study of Gan Opera and

- Raohe Opera. Journal of Jiujiang University (Social Sciences Edition), 2019,38(02):97-101.
3. Wang Xueyao. Research on Music and Folklore of Shangraos “Yushan Class Performing Arts” [D]. Jiangxi University of Finance and Economics, 2019.
 4. Wu Shuyan. Research on the Musical Characteristics of Ganyang Tune in Gan Opera [J]. China Drama, 2018(11):59-61.
 5. Xiong Guohua. A Study on the Language and Musical Style of Gan Opera [J]. Art Review, 2018(19):136-137.
 6. Cao Mengyao. Research on the Integration of Local Operas into Campus Cultural Development [D]. Nanchang University, 2018.
 7. Zhang Zhen. A Study on the Language and Musical Style of Gan Opera [J]. Grand Stage, 2017(08):16-19.
 8. Wan Yixin, Yang Chao, Guan Bowen. The Development History and Inheritance of Gan Opera [J]. Think Tank Era, 2017(06):91-92.
 9. Xiong Zhen. The Inheritance and Innovation of Tanqiang in Gan Opera and Raohe Opera from the Perspective of Transmission Methods [D]. Jiangxi Normal University, 2017.
 10. Li Chaoyang. On the Spread of Yiyang Opera [D]. Nanchang University, 2010.
 11. Dai Hebing. The Misuse of Local Dialects in Ming Dynastys Yiyang Tune and Its Officialization [J]. Literary and Artistic Research, 2007(10):84-95.
 12. Ma Huaxiang. A Study on the Origins and Development of Yiyang Opera [J]. Drama Art, 2006(04):66-73.
 13. Luo Bing. Reflections on the Historical Transmission and Contemporary Development of Yiyang Opera [J]. Art Hundred Families, 2005(02):17-22.
 14. Li Liansheng. A Study of the Yiyang Tune in the Ming Dynasty [D]. Hebei University, 2003.
 15. Yang Yong. The Current Situation, Characteristics and Implementation Strategies of Intangible Cultural Heritage Protection in Drama-Taking Yiyang Opera as an Example[J]. Jiangxi Social Sciences, 2010(07):223-226.
 16. Zhou Hong, Gong Baixue. A Comparative Study of Yiyang and Qingyang Musical Forms in Jiangxi [J]. China Music, 2012(02):62-68.
 17. Li Liansheng. A Preliminary Study on the Artistic Form of Yiyang Opera [J]. Drama Art, 2004(06):90-100.
 18. Chen Jia. A Study on the Characteristics of Yiyang Tones in Gan Opera: Taking “The Souls Return” as an Example [J]. Home of Drama, 2016(06):28+30.
 19. Dai Hebing. On the Elegance and Vulgarity of Yiyang Operas Vocal Style [J]. Journal of Zhejiang Vocational College of Art, 2007(03):26-35.
 20. Wang Xiaowan, Chen Xiaofang. The Evolutionary Features of Yiyang Opera in Its Spread Process [J]. Art Review, 2011(02):88-92.

Бурмистров Г.В.

Аспирант. Автономная некоммерческая организации высшего образования
«Гуманитарный университет»,
г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0001-9194-0337

К вопросу о теоретико-методологических подходах к определению политические технологии

В условиях глобальной конкуренции политические технологии играют существенную роль в формировании общественного мнения, управлении политическими ситуациями и процессами, реализации целей политических акторов. Эффективное применение этих политико-управленческих средств позволяет политическому актору получить преимущество или, как минимум, не уступить оппоненту в стратегической или тактической игре на политическом поле.

ООН использует политические технологии прогнозирования для обеспечения, защиты прав человека. В международном меморандуме (Цели устойчивого развития ООН) определены основные 17 целей - задач для государств – члена ООН, которые должны обеспечить устойчивое развитие мира¹.

В рамках доктрины «Большая стратегия»² США с третьей четверти XX-го века системно применяют политические технологии прогнозирования с целью достижения для американского истеблишмента предпочтительной картины мира. Например, в Новой доктрине национальной безопасности США данное государство сенсационно отказывается от обеспечения безопасности в Европе, Россию не считает угрозой и провозглашает главным противником Китая³.

В Китае Государственный комитет по развитию и реформе уже несколько десятилетий применяет политические технологии прогнозирования: разрабатывает планы государственного развития, с учетом ключевых социально-политических и макроэкономические показателей⁴. В

1 Обеспечение правовой безопасности личности: актуальные проблемы теории, истории, практики (обзор материалов конференции) / Е.В. Герасимова, С.И. Глушкова, Н.О. Мороз, М.Н. Семякин // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12. № 1. С. 131.

2 Давыдов А.А. Основы стратегического планирования внешней политики США / А.А. Давыдов // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 6. С. 33-49.

3 «Это то, о чем говорит Путин». Что сказано о России в новой Стратегии нацбезопасности США и почему она вызвала гнев в ЕС // URL: <https://lenta.ru/brief/2025/12/09/us-strategy/> (Дата обращения: 18.12.2025)

4 Гохитанд Е.В. Зарубежный опыт прогнозирования социально-экономического развития: возмож-

соответствие с этими планами Поднебесная должна к 2030 году занять лидерские позиции в сфере разработки и применения цифровых технологий.

Европейский Союз использует политическую технологию - стратегический форсайт, с целью формирования общей политики стран участников, разработки обоснованных перспективных стратегий и достижения ключевых показателей, таких как, достижение климатической нейтральности к 2050 г.⁵

Приведенные примеры демонстрируют, что применение политических технологий, в частности прогнозирования, стало неотъемлемым элементом государственного управления развитых стран и международных союзов.

Поэтому изучение политических технологий является актуальной научной задачей, имеющей и важное практическое значение.

Цель данной статьи – выявить основные теоретико-методологические подходы к дефиниции «политические технологии».

В работе использованы следующие научные методы: формально-логический, системный, сравнительный и структурно-функциональный анализ.

Определение «технология» (от греч. *techne* – искусство, мастерство, умение; *logos* – понятие, знание) в этимологическом смысле берет корни в производственном секторе экономике⁶. С помощью этого понятия описывается совокупность производственных методов и процессов в определённой отрасли производства, а также научное описание способов производства. С этого ракурса данное понятие ориентировано не на объяснение социально-политических событий и явлений, а на обоснование технической части индустриального процесса.

В научной среде сложились различные точки зрения на политические технологии как на социально-политический феномен.

Нет единого мнения у исследователей даже относительно того, какое грамматическое число (множественное или единственное) необходимо использовать для описания исследуемой категории.

Не согласимся с точкой зрения О.Н. Забузова, что использование анализируемого понятия во множественном числе связано с практической

ности использования в российской практике / Е.В. Гохштанд // Экономика и управление. 2025. Т. 31. № 7. С. 923-933.

⁵ Циренчиков В.С. Новый стратегический форсайт в ЕС / В.С. Циренчиков // Современная Европа. 2021. № 7 (107). С. 50-60.

⁶ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Азъ, 1994. 907 с.

сферой его применения и описывает совокупность отдельных политических технологий. Для рассмотрения в качестве самостоятельного социального явления категорию «политическая технология» необходимо использовать в единственном числе⁷.

В научной сфере продолжительное время для описания социально-политического феномена «политические технологии» применяется грамматическая форма множественного числа. Что вызвано разнообразием видов, форм этих политико-управленческих средств.

Можно говорить о том, что употребление термина «политическая технология» в единственном числе связано с указанием на конкретный способ, метод. Упоминание словосочетания «политические технологии» в широком смысле означает всю совокупность этих политико-управленческих инструментов как социально-политического феномена. В узком смысле определение «политические технологии» указывает на группу политико-управленческих процедур, мер, методов, связанных с достижением конкретных целей и задач субъектов политики.

Понятие и сущность политической технологии изучались в социо-политическом аспекте с различных сторон такими исследователями как: Д.В. Алексеев, И.Ю. Антонов, А.И. Беляев, Н.С. Беляков, Д.В. Березко, И.А. Ветренко, Д.А. Волжанин, Е.В. Гохштанд, А.А. Давыдов, В.В. Демидченко, Н.С. Дубков, Н.А. Ершов, О.Н. Забузов, М.Ю. Зеленков, С.С. Затонский, К.Д. Кургачева, В.В. Литвин, В.П. Макаренко, Д.В. Резник, Г.И. Подлесный, А.Д. Серикбаева.

В рамках гносеологического субъектно-объектного подхода субъектами, использующими в общественных отношениях политические технологии, являются акторы (лидеры, партии, движения, государства, интернациональные организации, межгосударственные союзы и др.), преследующие определённые политические цели.

В качестве субъектов общественно-политических отношений, в которых используются политические технологии, имеют все шансы выступать не только конкретные, персонифицированные акторы, имеющие единый центр принятия решения, но и коллективные социальные субъекты. В рамках французской политико-философской среды средние учебные заведения второй половины XX века при исследовании политико-управленческих взаимоотношений нивелируется классическое понимание персонифицированного субъекта, замещаемого «общественным актором».

⁷ Забузов О.Н. Политические технологии: структурная и функциональная индифферентность // Управление. 2020. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-tehnologii-strukturnaya-i-funktsionalnaya-indifferentnost> (Дата обращения: 14.12.2025).

Объекты: общество, социальные группы, индивидуумы, на которых оказывают воздействие политические акторы. Многообразие субъектно-объектного состава сего политического процесса определяет вариативность целей, задач, форм и видов политических спецтехнологий.

В экзистенциальном смысле появление политических технологий связано со сменой социально-политических формаций, обострением конкуренции элит за власть, возникновением каналов глобальной коммуникации (радио, телевидения, социальных сетей и т.п.).

В современной науке произошли различные подходы к определению «политические технологии».

В.В. Демидченко знает под ними совокупность способов, методов и процедур воздействия на человеческие массы с целью метаморфозы их политического поведения в достижении определённых целей, а также решения политических и управленческих задач⁸. Такой доступ к определяемому объекту можно назвать бихевиористским, поскольку произношение делается на изменение поведения объекта. Но при данном ракурсе рассмотрения предмета изыскания узко толкуется объект воздействия — человеческие массы. В объём знания данного объекта не входят индивиды, организации и другие политические инвесторы.

А.И. Соловьев, А.И. Ветренко исходят из тезиса, что политические технологии призваны решить подходящим образом цели и задачи конкретного субъекта в определённые благовременные и месте⁹.

Сходная концепция у М.Ю. Зеленкова, определяющего политические спецтехнологии как совокупность правил, способов воздействия на политический процесс с целью реализации определённых задач чёткого субъекта¹⁰.

Не отличается от такого научного взгляда и позиция М.Г. Анохина, подмечающего, что политические технологии являются совокупностью целесообразных приёмов, нацеленных на достижение желаемых результатов¹¹.

Данные определения в качестве значительных черт исследуемого объекта выделяют системность и релятивизм, прагматичность, связанную с

⁸ Демидченко В.В. Понятие политических технологий: сущность, формы и виды // *Власть*. 2015. №. 12. С. 140.

⁹ Ветренко И.А. Актуальные вопросы политической науки и практики: учебное пособие / И.А. Ветренко и др. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 286.

¹⁰ Зеленков М.Ю. Политология : учебник/ М. Ю. Зеленков. – 5-е изд. – Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2023. С. 322-323.

¹¹ Ветренко И.А. Актуальные вопросы политической науки и практики : учебное пособие / И.А. Ветренко и др. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 287.

решением конкретных политических задач. В связи с данным такую научную точку зрения на исследуемое понятие дозволено охарактеризовать как системно-реалистическую.

Эти авторы подчёркивают, что функционально политические спецтехнологии направлены на достижение определённых целей в соответствии с интересами, необходимостями, функциями и целями субъектов, которые могут состоять в привлечении и экономии источников, стабилизации или дестабилизации положения в государстве, организации выборных кампаний, информационном обеспечении управленческих решений, согласовании интересов стейкхолдеров при выработке общих программ и т.д.

В рамках данной парадигмы политические технологии не исключительно упорядочивают средства и способы достижения цели, но и закрепляют последовательность действий, выработку определённых систем поведения субъекта. Но в этом определении не упомянут объект, на кого направлены применяемые приёмы деятельности.

А.И. Беляев существенной характеристикой анализируемого понятия считает применение определённых процедур на группы избирателей в целях достижения прежде прогнозируемого результата¹². Исследуемый термин этот автор определяет как специфический набор методов, приёмов и инструментов, направленных на авторитет непосредственно на политическую среду, а также на формирование и поддержание конкретных политических кампаний и инициатив.

В рамках такой научной доктрины политические технологии выступают в качестве механизма, значительно преумножающего шансы на успешное завоевание голосов избирателей. Основное особое назначение в рамках этой концепции исследуемых технологий заключается в исследовании стратегии коммуникации субъектов избирательного процесса с целевой аудиторией. Такую сделку к определяемому явлению можно назвать электоральной.

В рамках этого научного подхода политические технологии, применяемые в электоральном процессе, считаются инструментами маркетинга.

Как один из методов агитации в соответствии с интересами субъектов избирательного процесса спецтехнологии оказывают информационно-пропагандистское воздействие на объекты — целевые категории

¹² Беляев А.И. «Политические технологии» и «избирательные технологии»: проблемы отождествления понятий / А.И. Беляев // Правовые технологии в современной юриспруденции (Черненковские чтения) : Материалы II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 19 апреля 2024 года. Новосибирск: СибАГС, 2024. С. 43-47.

избирателей. Недостатком данного научного подхода является то, что политические спецтехнологии рассматриваются только в контексте избирательной системы. Не учитывается польза предмета рассмотрения в других политико-управленческих сферах.

С.С. Затонский оценивает политическую технологию как коммуникативную технологию и неотъемлемый элемент коммуникации¹³.

С позиции этого исследователя политическая технология служит достижению политической цели и установлению коммуникации. Такой уравниловка можно назвать как коммуникативный.

При коммуникативной научной парадигме совершенно объём политических технологий может не попасть в фокус рассмотрения инструментов, используемых в политико-управленческих социальных отношениях.

Ряд исследователей считает, что политические спецтехнологии представляют собой определённые средства, инструменты, методы борьбы за политическую полномочия и её удержание. В соответствии с этим взглядом Д.А. Волжанин, Н.С. Дубков, А.Д. Серикбаева описывают изыскания как сложный и многогранный инструментарий, который формирует и воздействует на позиции общества, определяет результаты выборов, управляет общественным дискурсом и делает прямое влияние на политическую систему¹⁴.

На основании этой научной позиции политические спецтехнологии являются одним из инструментов, методов в процессе завоевания казённой власти. Такой подход можно охарактеризовать как инструментальный.

Недостатком этого научного ракурса рассмотрения предмета исследования является непоявление указания на возможность системного, многократно применяемого метода. Не в абсолютной мере оказывается определён, оставлен без внимания объём объекта действия.

О.Н. Забузов даёт такое определение: политических технологий — это биота определённых операций, методов и процессов воздействия социальных субъектов на объекты политического места (на политические процес-

13 Затонский С.С. Политические технологии избирательного процесса в условиях вызовов политической стабильности современной России : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Затонский Станислав Сергеевич; Пятигорский государственный лингвистический университет. – Пятигорск, 2014. 29 с. Место защиты: Пятигорский государственный лингвистический университет. - Текст : непосредственный.

14 Волжанин Д.А. Виды политических технологий: «черные», «серые» и «белые» политические технологии / Д.А. Волжанин, Н.С. Дубков, А.Д. Серикбаева // Концептуальные пути развития гуманитарных и социальных наук: сборник материалов XXXIV-ой международной очно-заочной научно-практической конференции, Москва, 30 сентября 2023 года. – Москва: Научно-издательский центр «Империя», 2023. С. 18.

сы) с целью достижения реальных политических (политико-управленческих) целей¹⁵.

В данном ключе Н.А. Ершов и Д.В. Резник относят политическим технологиям как к общности приёмов, методов, действий и процедур, которые обладают свойством целенаправленности, а также одновременно адресованности конкретным субъектам или объектам политики и могут быть приняты на вооружение субъектом политических отношений¹⁶.

Эти авторы наиболее существенными чертами обследуемого социально-политического феномена считают целенаправленность методов и упражнений. На основании этой характеристики можно отнести данный научный подход к целенаправленно-процедурному.

В рамках данной концепции не раскрыт объём двигателя понятия «объект политического пространства», не отображены существенные качества технологии: системность, многократность использования.

Возможность применения политических спецтехнологий в законодательном процессе можно рассматривать в рамках формально-юридического научного расклада. В этом ключе политические технологии можно рассматривать как инструменты политической борьбы в законодательном процессе, способствующий достижению компромиссного решения, которое выражено в форме принятого (или хотя бы отклонённого) закона¹⁷.

С этой точки зрения из всего размера исследуемого социально-политического феномена выбирается только та часть технологий, которая связана с легальными институтами государства, владеющими правоспособностью принятия нормативных правовых актов. При таком ракурсе рассмотрения объекта обзора существенно сужается круг субъектов, использующих данные инструменты: не предусматриваются политические лидеры, не институализированные субъекты (оппозиционные перемещения, группы интересов и др.). Данное определение не обращает внимание на системность применения политических технологий.

Сторонники так называемого психологического подхода оценивают

15 Забузов О.Н. Политические технологии: структурная и функциональная индифферентность // Управление. 2020. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-tehnologii-strukturnaya-i-funktsionalnaya-indifferentnost> (Дата обращения: 14.12.2025).

16 Ершов Н.А. Резниченко Д.В. К вопросу о понятии политических технологий // Наука через призму времени. 2019. №10 (31).

17 Алексеев Д.В. Особенности применения политических технологий в законодательном процессе. диссертация... кандидата политических наук / Алексеев Дмитрий Владимирович. — Москва, 2024. 331 с.

политические технологии как эффективный инструмент для формирования сознания человека¹⁸.

Г.В. Пушкарева замечает, что политические технологии оказывают искусное воздействие на сознание и подсознание людей. Сторонники данного научного направления считают, что воздействие таких технологий на чувство людей происходит как в сферах масс-медиа, так и непосредственно¹⁹.

Такое упрощенчество к определяемому социально-политическому феномену содержит в себе не хватает существенных черт, позволяющих отделить политические технологии от иных методов воздействия на сознание. Кроме того, из числа объектов, на коих оказывается влияние, исключаются организации.

В.П. Макаренко акцентирует оглядку на негативных свойствах (принуждение, манипуляции) исследуемого предмета и характеризует властно-политическую технологию как способность властвующих и подвластных использовать все методы насилия, принуждения и манипуляции для достижения целей. Подобный научный взгляд на вопрос исследования можно обозначить как принудительно-манипулятивный. Эта точка кипения зрения не учитывает коммуникативный и системный характер использования анализируемого политико-управленческого инструмента. Не принимаются во внимание объекты, на которых призваны оказать воздействие технологии.

Результаты обзора научных теоретико-методологических подходов к представлению «политические технологии», исходя из критерия «существенный признак», позволительно сгруппировать и представить посредством таблицы 1.

Исходя из обзора приведённых категорий целесообразно уточнить дефиницию политические спецтехнологии, под которыми можно понимать совокупность определённых политико-управленческих инструментов, операций, способов, используемых политическими акторами для воздействия на объекты (индивиды, население, других субъектов) с определённой целью.

18 Беляков Н.С., Кургачева К.Д. Интернет-технологии в условиях современного политического процесса // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. Т. 25. № 1. С. 162-174.

19 Литвин В.В. Воздействие политических технологий на сознание человека // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 5А. С. 80.

Таблица 1. Теоретико-экспериментальные методологические подходы к понятию «политические технологии» (мера «существенный признак»).

Наименование	Существенный признак
Бихевиористский	Акцент на изменение условий поведения объекта
Системно-Реалистический	Системность и релятивизм, полезность
Электоральный	Инструмент избирательного механизма
Коммуникативный	Элемент коммуникации
Инструментальный	Инструмент, поточный метод завоевания государственной власти
Целенаправленно-Процедурный	Целенаправленность способов и процедур
Формально-Юридический	Инструмент в законодательном процессе
Психологический	Инструмент образования сознания
Принудительно-Манипулятивный	Инструмент принуждения и манипуляции

Выводы

Применение политических спецтехнологий, в частности прогнозирования, стало неотъемлемым элементом государственного управления развитых государств и международных союзов. В современной науке существуют различные теоретико-методологические расклады к определению политических технологий. По критерию «существенный признак» научные теоретико-методические расклады возможно сгруппировать на следующие группы: бихевиористский, системно-практический, коммуникативный, инструментальный, целенаправленно-процедурный, формально-юридический, тонкопсихологический, психологический, принудительно-манипулятивный.

Уточнено понятие «политические спецтехнологии», которое можно определить как совокупность определённых политико-управленческих инструментов, операций, способов, используемых политическими акторами для воздействия на объекты (индивиды, население, других субъектов) с определённой целью.

Социально-политический неведаль «политические технологии» подлежит дальнейшему исследованию.

Список литературы:

1. Алексеев Д.В. Особенности использования политических технологий в законодательном процессе: специальность 5.5.2 – Политические университеты, процессы, технологии «Политические институты, процессы и технологии»: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Алексеев Дмитрий Владимирович; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. – Москва, 2024. 331 с. – Библиогр.: с. 207-244.
2. Беляев А.И. «Политические технологии» и «избирательные технологии»: проблемы уподобления понятий // Правовые технологии в современной юриспруденции (Черненковские чтения): Материалы II Всероссийской (национальной) учебно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 19 апреля 2024 года. – Новосибирск: СибАГС, 2024. С. 43-47.
3. Беляков Н.С., Кургачева К.Д. Интернет-технологии в условиях прогрессивного политического процесса // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. Т. 25. № 1. С. 162-174.
4. Ветренко И.А. Актуальные вопросы политической науки и практики: учебное пособие / И.А. Ветренко и др. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 345 с.
5. Гохштадт Е.В. Зарубежная эмпирия прогнозирования социально-экономического развития: возможности использования в русской практике // Экономика и управление. 2025. Т. 31. № 7. С. 923-933.
6. Волжанин Д.А. Виды политических спецтехнологий: «черные», «серые» и «белые» политические технологии / Д.А. Волжанин, Н.С. Дубков, А.Д. Серикбаева // Концептуальные пути становления гуманитарных и социальных наук: сборник материалов XXXIV-ой международной очно-заочной научно-практической конференции, Москва, 30 сентября 2023 года. – Москва: Научно-издательский центр «Империум», 2023. С. 18-20.
7. Давыдов А.А. Основы тактического планирования внешней политики США // США и Канада: экономика, автаркия, культура. 2022. № 6. С. 33-49.
8. Демидченко В.В. Понятие политических технологий: сущность, формы и виды // Власть. 2015. № 12. С. 140-142.
9. Ершов Н.А., Резниченко Д.В. К вопросу о представлении политических технологий // Наука через призму времени. 2019. № 10 (31).
10. Забузов О.Н. Политические технологии: структурная и функциональная индифферентность // Управление. 2020. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-tehnologii-strukturnaya-i-funktsionalnaya-indifferentsnost> (Дата обращения: 14.12.2025).
11. Затонский С.С. Политические технологии избирательного процесса в условиях вызовов политической стабильности современной России: специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Затонский Станислав Сергеевич; Пятигорский государственный лингвистический университет. – Пятигорск, 2014. 29 с. – Библиогр.: с. 27-28.
12. Зеленков М.Ю. Политология: учебник / М.Ю. Зеленков. – 5-е изд. – Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2023. 340 с.
13. Литвин В.В. Воздействие политических технологий на сознание человека // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11. № 5А. С. 76-82.
14. Макаренко В.П. Структура отчуждения и властно-политическая технология // Vox. Философский журнал. 2024. Т. 20. № 47. С. 1-20.
15. Обеспечение правовой безопасности личности: актуальные проблемы теории, истории, практики (обзор материалов конференции) / Е.В. Герасимова, С.И. Глушкова, Н.О. Мороз, М.Н. Семякин // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12. № 1. С. 184-190.
16. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Азъ, 1994. 907 с.
17. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1994.
18. Циренковский В.С. Новый стратегический форсайт в ЕС // Современная Европа. 2021. № 7 (107). С. 50-60.
19. «Это то, о чем говорит Путин». Что сказано о России в новой Стратегии нацбезопасности США и почему она вызвала гнев в ЕС. // URL: <https://lenta.ru/brief/2025/12/09/us-strategy/> (Дата обращения: 18.12.2025).
20. Crozier M. L'entreprise à l'écoute. Apprendre le management postindustriel. Paris: Editions du Seuil, 1994. P. 63.
21. Попов С.И. Магия чисел как важная ступень перехода от мифа к логосу в ранней античности // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 107-112.

Bibliography

1. Alekseev D.V. Features and use of political technologies in the legislative process: special. article 5.5.2 – Political universities, processes, technologies “Political institutions, processes and technologies”: dissertation for the number of

- academic degrees and Candidate of Sciences in Political Sciences / Alekseev Dm.itr. Vladimirovich; Russian State Rao of the National Economy and State Administration of the Russian Federation. – Mo.sk.va, 2024. 331 p. – Bi.bl. io.gr.: p. 207-244.
2. Belyaev A.I. «Political technologies» and «election technologies»: problems of assimilation of concepts // Legal technologies in modern legal prudence (Chernenko readings): Proceedings of the II All-Russian (national) scientific and practical conference with international participation, Novosibirsk Branch of the Russian Academy of Sciences, April 19, 2024. – Novosibirsk: SibAGS, 2024. P. 43-47.
 3. Belyakov N.S., Kurgacheva K.D. Internet technologies in the context of progressive political processes // Moscow University Bulletin. Series 18: Sociology and political science. 2019. Vol. 25. № 1. P. 162-174.
 4. Vetrenko I.A. Current issues in political science and practice: a textbook / I.A. Vetrenko et al. – Moscow; Belarus: Direkt-Media, 2020. 345 p.
 5. Gokhshtadt E.V. Foreign empirical research of forecasting social and economic development: possibilities and use in Russian practice // Economic Science and Management. 2025. Vol. 31. № 7. P. 923-933.
 6. Volzhanin D.A. Types of political special technologies: “black”, “gray” and “white” political technologies / D.A. Volzhanin, N.S. Dubkov, A.D. S.K.B.Aeva // Conceptual ways of the formation of humanities and social sciences: collection of materials of the 20th-11th international full-time and part-time scientific and practical conference, Moscow, September 30, 2023. – Moscow: Scientific and information center «Imperial Russia», 2023. P. 18-20.
 7. Davydov A.A. Fundamentals of Tactical Planning of US Foreign Policy // US and Canada: Economic Science, Autonomous Republic of Kazakhstan, Culture. 2022. № 6. P. 33-49.
 8. Demidchenko V.V. The Concept of Political Technologies: Essence, Forms, and Types // Vlast. 2015. № 12. P. 140-142.
 9. Ershov N.A., Reznichenko D.V. On the Issue of Presenting Political Technologies // Science through the Prism of Time. 2019. № 10 (31).
 10. Zabuzov O.N. Political Technologies: Structural and Functional Indifference // Management. 2020. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-tehnologii-strukturnaya-i-funktsionalnaya-indifferentsnost> (14.12.2025).
 11. Zatonsky S.S. Political technologies of the electoral process in the context of challenges to political stability in modern Russia: speciality 23.00.02 «Political institutions, processes and technologies»: abstract of a dissertation for the degree of candidate of political sciences / Zatonsky Stanislav Sergeevich; Pyatigorsk State Linguistic University. - Pyatigorsk, 2014. 29 p. Bibliography: p. 27-28.
 12. Zelenkov M.Yu. Political science: textbook / M.Yu. Zelenkov. - 5th ed. – Moscow: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K», 2023. 340 p.
 13. Litvin V. V. The Impact of Political Technologies on Human Consciousness // Context and Reflection: Philosophy about the World and Man. 2022. Vol. 11. № 5A. P. 76-82.
 14. Makarenko V. P. The Structure of Alienation and Power-Political Technology // Vox. Philosophical Journal. 2024. Vol. 20. № 47. P. 1-20.
 15. Ensuring Legal Security of the Individual: Current Issues of Theory, History, and Practice (Review of Conference Materials) / E.V. Gerasimova, S.I. Glushkova, N.O. Moroz, M.N. Semyakin // Bulletin of the Humanitarian University. 2024. Vol. 12. № 1. P. 184-190.
 16. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova; Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Language, Russian Cultural Foundation. – 2nd ed., corrected and enlarged. – Moscow: Az, 1994. 907 p.
 17. Foucault M. The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works from Different Years. - Moscow: Kastal, 1994.
 18. Tsirenschikov V.S. New Strategic Foresight in the EU // Modern Europe. 2021. № 7 (107). P. 50-60.
 19. «This is What Putin Talks About.» What the new US National Security Strategy says about Russia and why it has sparked anger in the EU // URL: <https://lenta.ru/brief/2025/12/09/us-strategy/> (18.12.2025)
 20. Crozier M. L'entreprise à l'écoute. Apprendre le management postindustriel. Paris: Editions du Seuil, 1994. P. 63.
 21. Popov S.I. The magic of numbers as an important step in the transition from myth to logos in early antiquity // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 107-112.

Куровский С.В.

*Руководитель научно-исследовательского подразделения
ООО «Высшая Школа Образования».*

Мишин Д.А.

*Руководитель редакционно-издательского отдела
ООО «Высшая Школа Образования».*

Морозов М.А.

*Студент факультета «Международные отношения
и внешняя политика», Дипломатическая академия МИД России.*

Эволюция роли ФРГ в военно-политической стратегии НАТО в период холодной войны (1949-1991 гг.)

Введение

Изучение эволюции роли Федеративной Республики Германии (ФРГ) в рамках стратегии Североатлантического альянса в период с 1949 года по 1991 год представляет собой значимый аспект исследования истории международных отношений эпохи биполярного противостояния. Данная проблематика выходит за рамки военной истории, затрагивая основополагающие вопросы взаимодействия национального суверенитета и коллективной безопасности, динамики влияния отдельных государств-участников на политику многонационального союза, а также трансформации функций страны в условиях меняющейся геополитической конфигурации на международной арене [1]. Положение ФРГ в системе западных альянсов с момента её основания прошло весьма сложный исторический путь от зависимого «фронтального государства», чей статус во многом определялся внешними факторами, до активного политического актора, способного оказывать существенное воздействие на повестку дня блока и процессы общеевропейского урегулирования [2], [3].

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена историческим интересом, а также сохраняющейся теоретической и практической значимостью анализа моделей интеграции национальных интересов в стратегию военно-политического союза. Опыт ФРГ демонстрирует, каким образом

государство, изначально обладавшее ограниченным внешнеполитическим суверенитетом, последовательно наращивало свой политический капитал и военный вклад, становясь одним из ключевых элементов стабильности в Центральной Европе [4]. Данный процесс протекал в постоянном диалоге, а иногда и в скрытой полемике с ведущими партнёрами по альянсу, прежде всего с США, что позволяет исследовать внутреннюю динамику НАТО как пространство для взаимодействия и согласования различных, иногда расходящихся, национальных приоритетов [5].

Хронологические рамки исследования охватывают весь период холодной войны, от момента одновременного образования двух основополагающих структур, НАТО и ФРГ, в 1949 году до завершения глобальной конфронтации в 1991 году. Внутри этого периода можно выделить несколько качественно различных этапов. Первый этап, начавшийся с обретения Западной Германией суверенитета и вступления в альянс в 1955 году, характеризуется её интеграцией в оборонительную систему Запада в роли основного плацдарма сухопутных сил. Второй этап, приходящийся на 1970-е гг., отмечен возрастанием самостоятельной дипломатической роли ФРГ, которая, проводя новую восточную политику, стала одновременно и объектом, и субъектом стратегии разрядки, инициированной альянсом. Третий, завершающий этап 1980-х - начала 1990-х гг., связан с трансформацией Бонна, а затем Берлина в основополагающего игрока процесса преодоления раскола Европы, где военно-политические гарантии НАТО выступили необходимым аспектом для дипломатии объединения Германии.

Объектом настоящего исследования является военно-политическая стратегия Организации Североатлантического договора в период холодной войны.

Предмет исследования составляет конкретная роль, функции и степень влияния ФРГ на формирование и реализацию данной стратегии, а также обратное воздействие интеграционных обязательств на внешнеполитические возможности ФРГ.

Цель работы заключается во всестороннем анализе факторов, этапов и результатов эволюции положения ФРГ в стратегии и практической политике НАТО на протяжении четырёх десятилетий биполярного противостояния. Для достижения этой цели требуется решить ряд взаимосвязанных задач: проанализировать условия и последствия вступления ФРГ в альянс; оценить её военный и территориальный вклад в оборонительную доктрину НАТО в центральноевропейском пространстве военных действий; исследовать специфику взаимодействия Бонна с ведущими со-

юзниками в кризисные периоды; проследить, как менялся баланс между ограничениями и возможностями для западногерманской дипломатии в рамках союзнических отношений в контексте разрядки и нового обострения международной напряжённости; определить значение окончания холодной войны и процесса германского объединения для трансформации роли ФРГ в обновлённой архитектуре европейской безопасности.

Научная новизна работы заключается в стремлении к целостному осмыслению эволюции роли ФРГ, преодолевающей фрагментарность подходов, часто ограничивающихся либо военно-стратегическим, либо дипломатическим аспектами.

Практическая значимость исследования связана с углублением понимания механизмов функционирования многонациональных альянсов, роли в них государств со сложным историческим наследием, а также с выявлением событий, релевантных для анализа современных проблем трансатлантической солидарности участников и европейской безопасности.

Материалы и методы исследования.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и системного анализа международных отношений, что позволяет рассматривать ФРГ как неотъемлемый и развивающийся элемент структуры НАТО, функционирование которого определялось как логикой внутреннего развития, так и изменениями во внешней среде. Применение сравнительно-исторического метода даёт возможность сопоставить позиции и действия ФРГ на различных этапах конфронтации. Важным инструментом является анализ документов, включающий изучение основополагающих договоров, стратегических концепций альянса, дипломатических отношений, а также литературы ключевых участников событий.

Результаты и их обсуждение.

1. Становление ФРГ как ключевого элемента оборонительной стратегии НАТО на Центрально-Европейском ТВД (конец 1940-х - 1960-е гг.)

Процесс интеграции ФРГ в систему западных союзов после 1949 года представлял собой сочетание восстановления национального суверенитета с одновременным принятием крайне жёстких международно-правовых и политических ограничений. основополагающим этапом эволюционного пути стало вступление ФРГ в НАТО в 1955 году, значительным образом изменившее военно-стратегическую ситуацию в Центральной Европе. Данное решение явилось результатом длительных переговоров, кульминацией которых стали Парижские соглашения октября 1954 года.

Эти соглашения сняли оккупационный режим и предоставили ФРГ полный суверенитет, но одновременно включили её в комплекс взаимных обязательств. Политическими условиями стали отказ от производства на своей территории ядерного, биологического и химического оружия, а также признание западноевропейской интеграции в качестве стратегического приоритетного направления существования страны [6]. Военно-стратегическим последствием выступило усиление сухопутных сил НАТО на критическом направлении, что позволило альянсу перейти от концепции сдерживания на удалённых рубежах к планированию непосредственной обороны территории Западной Европы. Ответом СССР стало создание Организации Варшавского Договора (ОВД), что оформило военно-политическое разделение континента.

Географическое положение ФРГ, непосредственно граничившей с государствами Варшавского блока, предопределило её роль в альянсе как «фронтового государства». Эта роль была обозначена конкретным оперативно-стратегическим понятием. Территория республики стала материальной основой для утвердившейся в НАТО к началу 1960-х гг. стратегии «передовой обороны». Рассматриваемая доктрина предполагала оказание сопротивления агрессии непосредственно на восточной границе ФРГ, а не отвод войск для последующего контрудара [7]. Реализация этой концепции сделала размещение многочисленных контингентов союзных войск, систем управления, логистической инфраструктуры, а также тактического ядерного оружия на западно-немецкой территории необходимостью. Таким образом, суверенная территория ФРГ трансформировалась в основной плацдарм альянса, а её безопасность стала тождественной безопасности всего западного блока в Центральной Европе (таблица 1).

Вклад ФРГ в оборонительную мощь альянса не ограничивался предоставлением территории. Формирование бундесвера, начатое в 1956 году, стало одним из наиболее масштабных проектов НАТО. К середине 1960-х гг. вооружённые силы ФРГ превратились в крупнейший по численности контингент сухопутных войск альянса в Европе, что совершенно изменило баланс обычных вооружений на континенте. Однако более значимым аспектом, чем численность, была глубина интеграции бундесвера в структуры НАТО. С момента создания он не рассматривался как национальная армия в классическом понимании. Оперативное командование над всеми основными соединениями бундесвера в мирное время было передано Верховному главнокомандованию объединёнными вооружёнными силами НАТО в Европе. Офицеры ФРГ проходили обучение в рамках

Таблица 1. Функции территории ФРГ в реализации стратегии НАТО «передовой обороны» (1960-е гг.).

Функциональная роль	Проявление и механизмы	Стратегическое и политическое значение
Развёртывание группировок войск	<p>Постоянное размещение ядерных и неядерных армейских корпусов ключевых стран-союзниц (США (VII корпус), Великобритания (Британская Рейнская армия), Канада, Бельгия, Нидерландов), интегрированных с корпусами бундсвера в единую линию обороны</p> <p>Сеть передовых авиабаз (Рамштайн, Хан, Биль) для базирования тактической и истребительно-бомбардировочной авиации НАТО, обеспечивавшей завоевание превосходства в воздухе и непосредственную авиационную поддержку</p>	<p>Создание фронта обороны вдоль границ с ГДР и Чехословакией для немедленного реагирования</p>
		<p>Территория ФРГ трансформировалась в укрепленный район, делающий любое внезапное наступление войск ОВД оперативно невыгодным</p>
	<p>Заранее подготовленные районы сосредоточения и развёртывания для подкреплений, прибывающих из США и Великобритании по планам ротации (REFORGER)</p>	<p>Присутствие войск основных союзников делало нападение на ФРГ атакой непосредственно на США и Великобританию, реализуя принцип «продлённого сдерживания» и минимизируя советские варианты «ограниченной войны» в Европе</p>

	<p>Хранение и потенциальное применение ядерных артиллерийских снарядов, ракет малой дальности (например, «Honest John», «Sergeant»), авиабомб под контролем США</p> <p>Тактическое ядерное оружие (ТЯО) рассматривалось как инструмент эскалации для прорыва обычных сил противника, с возможностью демонстрационных ударов или перехода к ограниченному ядерному конфликту на театре военных действий (ТВД)</p>	<p>Компенсация численного превосходства войск ОВД в обычных вооружениях</p> <p>Обеспечение перехода конфликта на ядерный уровень непосредственно в зоне соприкосновения</p> <p>Присутствие ТЯО материализовало угрозу перехода конфликта на ядерный уровень кризиса, удерживая противника от уверенности в успехе обычной военной операции</p>
<p>Инфраструктура управления и логистики</p>	<p>Сеть штабов, аэродромов, складов, коммуникационных узлов, трубопроводов, подготовленных оборонительных рубежей</p> <p>Заранее согласованные и отработанные красные маршруты для военных колонн, мобилизационные мощности портов (Бремерхафен, Вильгельмсхафен) и система трубопроводов НАТО (SEPS)</p>	<p>Обеспечение оперативного управления войсками и их устойчивого снабжения в условиях предполагаемых высококомандных боевых действий</p> <p>Инфраструктура позволяла избежать ханоса развёртывания в кризисный период и гарантировала снабжение группировок в условиях высококомандных боевых действий</p> <p>Эффективное управление, возможно только на территории доверенного союзника, было основой реализации доктрины гибкого реагирования</p>

<p>Политический актив</p>	<p>Физическое присутствие войск союзников, особенно американских, служило гарантом выполнения США обязательств по статье 5 Вашингтонского договора</p> <p>Интеграция бундесвера в структуры НАТО (оперативное подчинение ОВС НАТО в Европе) и размещение иностранных войск были одновременно и гарантией безопасности ФРГ, и механизмом ограничения её военно-политического суверенитета, успокаивавшим других европейских партнёров</p>	<p>Воплощение принципа неделимости безопасности</p> <p>Территория ФРГ становилась материальным доказательством взаимосвязи безопасности Европы и Северной Америки</p> <p>Это укрепляло сплочённость НАТО, но также означало, что любые односторонние инициативы ФРГ в области безопасности (например, по восточному вопросу) жёстко ограничивались интересами международной организации</p>
---------------------------	--	---

Источник: составлено авторами на основе [8], [9].

установленных программ альянса, а планирование, вооружение и логистика были в полной мере подчинены межсоюзническим стандартам. Такая интеграция гарантировала, что военный потенциал ФРГ может быть применён исключительно в рамках коллективной обороны, что служило дополнительной гарантией для союзников [10].

Обретение военно-стратегической значимости сопровождалось для ФРГ сохранением значительных политико-дипломатических ограничений, которые стали своеобразной платой за суверенитет и членство в альянсе. Эти ограничения проистекали как из внешних договорённостей, так и из сознательной самодисциплины боннского правительства, желавшего быть образцовым союзником. Наиболее показательными были так называемые «джентльменские соглашения» в ядерной сфере [10]. Формально отказавшись от производства собственного ядерного оружия по Парижским соглашениям, ФРГ также взяла на себя неофициальные обязательства не стремиться к контролю над ним. Хотя тактическое ядерное оружие США было размещено на её территории, доступ к средствам его применения оставался под исключительным контролем Вашингтона, что исключало любые проявления национальной ядерной политики. Другим ключевым ограничением была особая, уязвимая позиция по берлинскому вопросу. Западный Берлин, находившийся под формальным управлением трёх держав-победительниц, оставался анклавом внутри ГДР, а его защита гарантировалась не столько военной мощью НАТО, сколько политической солидарностью альянса и угрозой эскалации. Эта ситуация делала Берлин постоянным очагом кризисов, где ФРГ могла выступать лишь в роли заинтересованного наблюдателя, а не полноправного участника переговоров. Кроме того, правительство ФРГ до начала 1970-х гг. придерживалось доктрины непризнания послевоенных восточных границ и ГДР, что часто входило в противоречие с прагматическими устремлениями других членов НАТО, желавших стабилизации в Европе. Таким образом, в первый период членства в альянсе роль ФРГ характеризовалась асимметрией, поскольку её военно-стратегическая ценность была максимальной, а политический суверенитет в ключевых вопросах безопасности оставался существенно ограниченным в интересах общей сплочённости блока.

2. ФРГ в условиях стратегического паритета (1970-е - первая половина 1980-х гг.)

Наступившая в 1970-е гг. фаза стратегического паритета между сверх-

державами создала для НАТО принципиально иную среду функционирования, отмеченную сочетанием переговоров о контроле над вооружениями с продолжением регионального соперничества. Для ФРГ этот период стал временем сложной адаптации и растущей политической субъектности. Преодолевая статус чисто военного плацдарма, ФРГ начала проводить более самостоятельную внешнюю политику в рамках альянса, что одновременно укрепляло её международный вес и порождало новые вызовы для внутриблоковой солидарности. Центральное место в этой трансформации заняла «новая восточная политика», инициированная правительством Вилли Брандта. Её суть заключалась в признании послевоенных политических реалий в Восточной Европе как отправной точки для постепенного смягчения разделения континента через политику «изменений через сближение» [11]. Первоначально эта инициатива вызывала серьёзные опасения у ряда партнёров по НАТО, особенно в Вашингтоне и Париже, которые усматривали в ней риск одностороннего устранения ФРГ из западного лагеря или недопустимых уступок СССР. Однако канцлер В. Брандт последовательно работал над согласованием своих шагов с союзниками, представляя новую восточную политику в качестве логичного дополнения к стратегии разрядки, проводимой альянсом в целом. Тем не менее, сохранявшаяся напряжённость вокруг этих действий выявила нарастающую способность Бонна проводить самостоятельную линию, основанную на собственной географической и исторической ответственности, даже в условиях тесной интеграции в блок.

Проводя переговоры с Востоком, ФРГ трансформировалась из пассивного объекта разрядки в её активный катализатор и ключевую площадку. Заключение Московского договора (1970 год), признавшего нерушимость послевоенных границ в Европе, включая границу по Одере-Нейсе, стало психологическим и правовым прорывом в международных отношениях. Последовавшие за ним Варшавский договор и, что особенно важно, заключение в 1972 году Основополагающего договора с ГДР, который зафиксировал существование двух немецких государств при одновременном признании особых связей между ними, создали новый правовой фундамент для отношений на германской земле. Эти соглашения непосредственно подготовили почву для общеевропейского диалога в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Позиция ФРГ на переговорах в Хельсинки была направлена на легитимизацию гуманитарных вопросов, таких как свобода передвижения и воссоединение семей, что в перспективе создавало инструменты давления на

социалистические режимы в сфере соблюдения прав человека [12].

Характеристика ключевых двусторонних договоров ФРГ в рамках новой восточной политики (1970-1972 гг.) и их значения для стратегических направлений НАТО представлена в таблице 2.

Середина 1970-х гг. ознаменовалась углублением стратегической дилеммы для альянса в связи с развёртыванием СССР новых мобильных ракет средней дальности СС-20, способных поразить любую цель в Западной Европе. Ответом НАТО стала Двойная резолюция 1979 года, сочетавшая предложение переговоров СССР о сокращении таких вооружений с решением о развёртывании в Европе, прежде всего в ФРГ, американских ракет «Першинг II» и крылатых ракет в случае провала переговоров. Это решение возложило на ФРГ беспрецедентное бремя, сделав её основным местом размещения нового оружия и, следовательно, главной потенциальной целью советского первого удара. Позиция канцлера Гельмута Шмидта была противоречивой: будучи одним из инициаторов обсуждения проблемы евро ракет и сторонником жёсткого стратегического паритета, он столкнулся с мощным внутренним сопротивлением. Антивоенное движение в ФРГ, объединившее широкие слои населения, включая церковь, интеллигенцию и молодежь, поставило под сомнение саму логику «последующего размещения». Кризис доверия стал трёхсторонним: между правительством ФРГ и частью общества, не желавшей быть «ядерным заложником»; между Бонном и Вашингтоном, требовавшим исполнения союзнического долга; и внутри самого альянса, где некоторые страны стремились к большей осторожности. ФРГ оказалась в эпицентре конфликта между требованиями трансатлантической лояльности и общеевропейской ответственности за дальнейшую реализацию политики разрядки [13].

Начало 1980-х гг. принесло новое обострение международной обстановки. Риторика конфронтации администрации Рональда Рейгана и политика Юрия Андропова, а затем Константина Черненко, вновь актуализировали образ «холодной войны». В этих условиях роль ФРГ дополнительно усложнилась. С одной стороны, правительство Гельмута Коля, пришедшее к власти в 1982 году, взяло курс на укрепление трансатлантической связи и последовательную реализацию Двойной резолюции, что привело к началу размещения ракет в 1983 году. Это был осознанный выбор в пользу приоритета союзнической дисциплины. С другой стороны, даже в период эскалации ФРГ стремилась сохранить диалог с Востоком, позиционируя себя как стабилизирующий мост. Уникальное положение

Таблица 2. Характеристика ключевых двусторонних договоров ФРГ в рамках новой восточной политики (1970-1972 гг.) и их значения для стратегических направлений НАТО.

Договор	Основное содержание	Стратегический смысл и последствия (военно-политический, внутриагентовский, идеологический уровни)
Московский договор (12 августа 1970 года)	Принципиальный отказ от применения силы или угрозы силой для урегулирования споров	Снятие с повестки дня гипотетического силового реваншизма ФРГ
	Признание нерушимости существующих границ в Европе, включая границу между ФРГ и ГДР и западную границу Польши по Одеру-Нейсе	Договор снижал вероятность кризиса, инициированного из-за пограничного инцидента или юридического спора
	Границы могут быть изменены только мирным путём и по согласованию	Договор был заранее согласован с западными союзниками, что продемонстрировало возросшую зрелость и ответственность ФРГ
		Он укрепил позиции ФРГ как равноправного партнёра, способного вести самостоятельную, но скоординированную дипломатию
		Одновременно он создавал прецедент для других членов НАТО (особенно в Западной Европе) для развития двусторонних связей с Востоком в рамках общей стратегии разрядки
		Отказ от применения силы в сочетании с признанием границ открывал путь для их потенциальной трансформации в будущем через политические и гуманитарные средства, что сокращало идеологическую ригидность блока социалистических государств

<p>Варшавский договор (7 декабря 1970 года)</p>	<p>Окончательное признание границы по Одру-Нейсе как государственной границы между ФРГ и Польшей</p> <p>Гарантии прав польского меньшинства в ФРГ и согласие на воссоединение разделённых семей</p> <p>Развитие торгово-экономических связей</p>	<p>Повышение стратегической стабильности на северном фланге центральноевропейского ТВД НАТО, что устранило повод для превентивных действий или политического шантажа со стороны Варшавского блока</p> <p>Стабилизация тыла польской армии (ключевого компонента ОВД) имела оперативное значение</p> <p>Договор снимал историческую ответственность с западных союзников, особенно США и Великобритании, за польский вопрос, который с 1945 года был постоянным элементом напряжённости</p> <p>Примирение с Польшей, наиболее пострадавшей от нацистской агрессии, было мощным политическим жестом в международном сообществе</p> <p>Это позволило ФРГ дистанцироваться от нацистского прошлого на международной арене и выступить в роли конструктивной, миролюбивой силы, что подорвало антигерманскую пропаганду Востока и укрепило моральный авторитет Запада</p>
<p>Основологающий договор с ГДР (21 декабря 1972 года)</p>	<p>Признание обоих немецких государств суверенными, равноправными субъектами международного права</p>	<p>Признание обоих немецких государств суверенными, равноправными субъектами международного права</p> <p>Снижение риска прямого военного инцидента и создание каналов для консультаций в кризисных ситуациях</p>

	<p>Отказ от взаимных территориальных претензий; обязательство развивать добрососедские отношения на основе равноправия</p>	<p>Договор являлся кульминацией новой восточной политики и её наиболее противоречивым элементом для НАТО</p> <p>Он закреплял раздел Германии, что вызывало дисконформ у некоторых союзников</p> <p>Однако он также превращал ФРГ в проводника влияния и источника информации внутри Восточного блока</p> <p>Через гуманитарные каналы и экономическое взаимодействие ФРГ получила рычаги «мягкой силы» для воздействия на ГДР, что соответствовало долгосрочным интересам Запада</p> <p>Признание ГДР было тактическим отступлением от цели немедленного воссоединения, но стратегическим усилением позиций ФРГ</p> <p>Открывая гуманитарные коридоры, договор внедрял в закрытое общество ГДР западные стандарты и контакты, что в перспективе размывало лояльность её населения режиму и подготавливало почву для мирной трансформации, что и произошло в 1989 году</p> <p>Договор менял характер конфликта с военного противостояния на идеологическое и социально-экономическое соревнование, в котором ФРГ обладала подавляющим преимуществом</p>
<p>Создание постоянных представительств (фактически посольств) и открытие путей для сотрудничества в экономике, культуре, науке, охране окружающей среды, а также в гуманитарной сфере (поездки родственников, браки)</p>		

Источник: разработано авторами.

ФРГ, глубоко интегрированной в НАТО и одновременно имевшей особые, хотя и напряжённые, отношения с СССР и ГДР, делало её не только пассивным получателем указаний, а важным буфером, чьи действия могли либо смягчать, либо усугублять кризисы. Рассматриваемый временной период обусловил, что ФРГ переросла роль исключительно военного объекта и превратилась в политического субъекта, вынужденного постоянно балансировать между давлением сверхдержав, ожиданиями союзников, собственными национальными интересами и запросами общественного мнения в условиях стратегического паритета, балансировавшего на грани срыва.

3. ФРГ на завершающем этапе холодной войны (вторая половина 1980-х - 1991 гг.)

Завершающий этап холодной войны, инициированный внутренними преобразованиями в Советском Союзе, существенно изменил контекст европейской безопасности и создал возможности для пересмотра фундаментальных основ послевоенного миропорядка. Для ФРГ рассматриваемый период стал временем реализации её возросшего дипломатического потенциала и перехода к активному формированию новой архитектуры континента (таблица 3). Политика перестройки и нового политического мышления, провозглашённая Михаилом Горбачевым, была воспринята в Бонне не только как долгожданный шанс для снижения конфронтации, но и как историческое окно возможностей для решения национального военно-политического вопроса. Правительство Гельмута Коля, изначально выказывавшее скепсис в отношении советских реформ, достаточно быстро осознало их необратимый характер и переориентировалось на стратегическое партнёрство с Москвой. Личные доверительные отношения, установившиеся между Г. Колем и М. Горбачевым, явились важнейшим каналом коммуникации, позволявшим обсуждать вопросы, ранее считавшиеся табуированными, в частности, перспективы германского единства. Этот диалог означал окончательный переход от логики конфронтации, где ФРГ была плацдармом, к логике партнёрства, где она стала ключевым посредником между Востоком и Западом [14].

Уникальное геополитическое положение и сложившиеся политические связи позволили ФРГ взять на себя роль функционального моста между блоками в сфере контроля над вооружениями и мер доверия. Германская дипломатия выступала активным лоббистом и посредником в процессе реализации Договора о ликвидации ракет средней и меньшей

дальности (ДРСМД), подписанного в 1987 году. Поскольку именно территория ФРГ была основным местом базирования подлежащих уничтожению американских «Першингов», Бонн был заинтересован в успехе договорённостей и оказывал постоянное содействие в преодолении технических и политических разногласий. Более того, ФРГ сыграла существенную роль в продвижении переговоров об обычных вооружённых силах в Европе (ОВС), настаивая на принципах глубокого и асимметричного сокращения, которое фактически ликвидировало бы потенциал для крупномасштабного внезапного наступления войск ОВД, угрожавшего её территории на протяжении нескольких десятилетий.

Апогеем этого процесса стало объединение Германии в 1990 году, которое стало высшим проявлением способности ФРГ проводить суверенную национальную политику, оставаясь в жестких рамках союзнических обязательств и учитывая интересы всех заинтересованных держав. Переговорный механизм «2+4» (два немецких государства и четыре державы-победительницы) стал дипломатическим фундаментом боннского правительства. Ключевой задачей было получение согласия СССР на членство объединённой Германии в НАТО. Для его достижения ФРГ пошла на ряд долгосрочных гарантий: отказ от производства и размещения на территории бывшей ГДР ядерного оружия и иностранных войск, согласие на сокращение объединённых вооружённых сил до 370 тысяч человек, а также предоставление СССР масштабной финансовой помощи. Эти уступки, оформленные в Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии, продемонстрировали прагматичный подход, при котором стратегическая цель (полный суверенитет и сохранение места в западных структурах) обосновывала значительные материальные и военно-политические издержки [15]. Таким образом, объединение было комплексной сделкой, в которой ФРГ выступала как равноправный партнёр в переговорах.

Окончание холодной войны и обретение полного суверенитета в границах 1990 года преобразовали роль ФРГ в Североатлантическом альянсе. Страна перестала быть «фронтным государством», чья ценность определялась исключительно её географическим положением на линии раздела блоков. Она превратилась в центрально-европейскую державу с возросшим политическим весом и экономическими ресурсами, расположенную в центре объединяющейся Европы. Новая роль потребовала и другую функцию: из потребителя безопасности в рамках коллективной обороны ФРГ начала эволюционировать в её донора. Это проявилось в готов-

Таблица 3. Дипломатическая роль ФРГ в процессах разоружения и укрепления доверия (1987-1990 гг.).

Инструмент дипломатии	Конкретный вклад и позиция ФРГ	Стратегический результат для безопасности ФРГ и НАТО
<p>Реализация Договора о РСМД (ДРСМД, 1987-1991 гг.)</p>	<p>Активное лоббирование договора на высшем уровне (взаимодействие Г. Коля и М. Горбачева) и внутри альянса для преодоления скепсиса союзников и внутригерманской оппозиции</p>	<p>Ликвидация класса вооружений (СС-20, «Першинг II», РСД-10), гарантированно нацеленных на территорию ФРГ и других западноевропейских стран, что устранило угрозу мгновенного обезглавливающего удара (время подлёта 6-8 минут) и сняло остроту сценария ограниченной ядерной войны в Европе</p>
	<p>Предоставление ключевых объектов на своей территории для инспекционных пунктов (в Магдебурге, Хайльбронне) и уничтожения ракет, превращение ФРГ в главную верифицируемую площадку договора</p>	<p>Демонстрация эффективности двойного подхода НАТО (сочетание сдерживания и диалога) и укрепление роли ФРГ как доверенного посредника</p>
	<p>Позиционирование ДРСМД как логичного результата «новой восточной политики» и модели для будущих переговоров</p>	<p>Успех реализации укрепил легитимность курса Г. Коля как внутри страны, так и в альянсе, обосновав возможность достижения безопасности через договоры с СССР</p> <p>Создание режима инспекций на месте, в котором ФРГ играла основополагающую роль</p> <p>Этот опыт стал моделью для будущих режимов контроля над вооружениями, повышая общую транспарентность и предсказуемость в отношениях с Востоком</p>

<p>Переговоры по Договору об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ, 1990 год)</p>	<p>Продвижение концепции зональных потолков, привязанных к регионам (особенно к «Централноевропейской зоне»), что непосредственно ограничивало возможность сосредоточения советских или ОВД войск для внезапного наступления</p>	<p>Юридическое закрепление принципиальной невозможности для СССР или ОВД провести успешное внезапное крупномасштабное наступление в Центральной Европе без длительного и заметного предварительного развёртывания вооружения</p>
	<p>Аргументированная позиция о необходимости более глубоких сокращений со стороны ОВД для ликвидации дисбаланса в наступательных обычных вооружениях (танки, БТР, артиллерия)</p>	<p>Снято с ФРГ статус немедленной цели первого удара в обычной войне</p>
	<p>Акцент на сокращении именно тех категорий вооружений, которые достаточно важны для ведения крупномасштабных наступательных операций</p>	<p>Перевод военного паритета из области оценок и намерений в сферу юридически обязывающих и проверяемых параметров</p> <p>Договор стал материальной основой для окончательного отказа НАТО от стратегии «передовой обороны» в её классическом виде</p> <p>Он закрепил новое качество безопасности, основанное на прозрачности</p> <p>Договор создал правовую базу для последующего преобразования НАТО и его отношений с бывшими противниками</p>

<p>Б и л и т е р а л ь - ные инициати- вы с СССР и ГДР (1989-1990 гг.)</p>	<p>Массированная финансовая и техни- ческая помощь ГДР и СССР, увязан- ная с политическими уступками (сво- бода передвижения, освобождение политзаключённых, отказ от приме- нения силы)</p>	<p>Фактическая демонтализация и после- дующая ликвидация внутреннегерманской границы - символа и материального вопло- щения военного противостояния в Европе</p>
	<p>Заключение локальных соглашений о демонтаже автоматических стреля- ющих устройств на границе, упроще- нии визового режима, расширении приграничного сотрудничества</p>	<p>Использование экономического и полити- ческого капитала для прямого воздействия на внутриполитическую ситуацию в ГДР и ослабления позиций противников объеди- нения в СССР</p>
	<p>Проведение конфиденциальных пе- реговоров Г. Коля и М. Горбачева, в рамках которых обсуждались гаран- тии безопасности СССР в обмен на согласие на объединённую Германию в НАТО</p>	<p>Двусторонние каналы стали инструментом для обхода дипломатических тупиков на многосторонних переговорах «2+4» Инициативы ФРГ продемонстрировали, как «мягкая сила» и экономические рычаги мог- ли быть эффективнее военного давления для достижения геополитических сдвигов в пользу Запада, создав модель для дальней- шей политики вовлечения и расширения</p>

Источник: разработано авторами.

ности предоставлять войска для миссий альянса за пределами традиционной зоны ответственности НАТО, начиная с операции в Персидском заливе и миротворческих миссий на Балканах, что требовало сложных внутренних политических и правовых изменений. Одновременно с этим ФРГ взяла на себя ведущую роль в продвижении расширения альянса на восток, видя в этом инструмент стабилизации своего нового соседства и преодоления раскола Европы. Эта трансформация знаменовала собой завершение долгой исторической эволюции: от объекта стратегии через статус проблемного, но ключевого участника к полноправному архитектору европейско-атлантической безопасности.

Выводы

Проведённое исследование позволяет отметить, что роль ФРГ в стратегии Североатлантического альянса в период холодной войны претерпела эволюцию, отражавшую изменение как её собственного международно-правового статуса, так и общей динамики биполярного противостояния. Эта эволюция представляла собой крайне сложный процесс наращивания политической субъектности в рамках жёстких системных ограничений, определявшихся членством в блоке и расколом Европы.

На начальном этапе (1955-1960-е гг.) ФРГ была интегрирована в альянс преимущественно как объект стратегии, чья ценность определялась ключевыми географическими и материальными параметрами. Предоставление своей территории в качестве основного плацдарма для стратегии «передовой обороны» и формирование крупнейшего в Европе контингента сухопутных войск, полностью подчинённого командованию НАТО, сделали её фундаментом оборонительной архитектуры на Центрально-Европейском ТВД. Однако данная военно-стратегическая роль контрастировала с существенными ограничениями внешнеполитического суверенитета в ядерной сфере, берлинском вопросе и политике непризнания восточноевропейских реалий, что закрепляло за ФРГ статус «фронтального государства» с высокой степенью зависимости от союзников.

Второй этап (1970-е - первая половина 1980-х гг.), совпавший с достижением стратегического паритета и политикой разрядки, стал периодом превращения ФРГ из объекта в активного субъекта политики НАТО. Проведение «новой восточной политики» обусловило способность Бонна инициировать и вести самостоятельный диалог с Востоком, направленный на нормализацию отношений и снижение конфронтации. Рассматриваемый процесс повысил дипломатический вес ФРГ, но одновремен-

но породил новые внутриблоковые напряжения, особенно в контексте кризиса вокруг размещения евrorакет. Данный период выявил крайне высокую сложность её роли, которая стала сочетать в себе функцию военного плацдарма, политического посредника и социально ответственного демократического государства.

Завершающий этап (вторая половина 1980-х гг. - 1991 г.) ознаменовался качественным преобразованием роли ФРГ, достигшей своей дипломатической эффективности и национальной самореализации в рамках альянса. Используя открывшиеся в результате советской перестройки возможности, ФРГ выступила ключевым «мостом» между Востоком и Западом, активным гарантом процессов разоружения. Кульминацией стала стратегия объединения страны, в ходе которой правительство Г. Коля сумело согласовать национальную цель с интересами союзников по НАТО и озабоченностями СССР по вопросам безопасности. Переговоры по формуле «2+4» и предоставленные гарантии закрепили статус ФРГ как суверенного, ответственного актора, способного не только исполнять, но и формировать правила.

Таким образом, эволюция роли ФРГ от «фронтового государства» к активной «центрально-европейской державе» и будущему донору безопасности в рамках НАТО обуславливает классическую для международных отношений модель роста влияния среднего государства внутри военно-политического союза. Этот рост обеспечивался последовательным накоплением различных форм капитала: военного (Бундесвер), экономического, а впоследствии дипломатического и доверительного. Исторический опыт ФРГ подтверждает, что даже в условиях жёсткой блоковой дисциплины значимый участник способен развивать собственную повестку, трансформируя специфические ограничения своей позиции (такие как пограничное расположение или историческое наследие) в уникальные ресурсы влияния на общую стратегию альянса.

Список литературы:

1. Трунов Ф.О. Стратегия и тактика ФРГ в военно-политической области // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 2. С. 50-73.
2. Унатлоков В.Х., Мишин Д.А., Куровский С.В. Сравнительный анализ концептов в русском и китайском языках (на примере концептов «солдат», «успех», «учёба») // Власть истории и история власти. 2025. Т. 11. № 2 (60). С. 21-31.
3. Ломакин А.С. Анализ деятельности Федеративной Республики Германия в рамках НАТО // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2023. № 2. С. 19-38.
4. Трунов Ф.О. Вызовы для военного присутствия Германии в зонах нестабильности в Азии и Африке // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4 (116). С. 160-187.
5. Соколов А. П. Безопасность Германии и военное присутствие США в ФРГ: «комфортная» оккупация или союзническая солидарность? // Международная аналитика. 2019. № 1-2. С. 41-51.
6. Куровский С.В., Зинчук М.Г., Мишин Д.А. Детерминанты российской политики в прибрежных странах Пер-

- сидского залива // Казачество. 2025. № 82 (1). С. 156-165.
7. Куровский С.В., Зинчук М.Г., Мишин Д.А. Торгово-экономическое сотрудничество РФ и стран Персидского залива: историческая ретроспектива, современные тренды и перспективы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 2-2. С. 11-16.
8. Трунов Ф. О. Подход ФРГ к использованию военных возможностей вне зоны ответственности НАТО: мотивы интеграции или геополитики? // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2024. № 1. С. 96-110.
9. Джусупова А.А., Юрченко М.М. Позиция Германии по вопросу «совместных ядерных миссий» НАТО // Казанский вестник молодых учёных. 2022. Т. 6. № 3. С. 69-81.
10. Власов Н.А. Уроки Гиндукуша: миссия бундесвера в Афганистане и политика безопасности ФРГ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2016. № 3. С. 108-121.
11. Кокеев А.М. Новые акценты в оборонной стратегии и политике безопасности Германии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 11. С. 26-34.
12. Куровский С.В., Мишин Д.А., Толоконникова Е.В. Перспективные направления внешнеэкономических связей РФ и Ирана в условиях новой экономической реальности // Инновации и инвестиции. 2025. № 2. С. 85-89.
13. Млечин В.Л. ФРГ, Россия и НАТО: преемственность и перемены во внешней политике Германии // Национальная безопасность / nota bene. 2011. № 5. С. 126-134.
14. Гуляев Е.В. Изменения в оборонной политике ФРГ в свете трансформации Европейского союза и НАТО // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 6. С. 30-33.
15. Трунов Ф.О. Изменение роли ФРГ в Европе и мире в реалиях новой холодной войны: политико-военное измерение // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 85-109.

Bibliography

1. Trunov F.O. Strategy and Tactics of the FRG in the Military-Political Sphere // International Processes. 2021. Vol. 19. № 2. P. 50-73.
2. Unatlokov V.Kh., Mishin D.A., Kurovsky S.V. Comparative Analysis of Concepts in the Russian and Chinese Languages (using the Concepts of “Soldier”, “Success”, “Study”) // The Power of History and the History of Power. 2025. Vol. 11. № 2 (60). P. 21-31.
3. Lomakin A.S. Analysis of the Activities of the Federal Republic of Germany within NATO // Bulletin of Moscow University. Series 27. Global Studies and Geopolitics. 2023. № 2. P. 19-38.
4. Trunov F.O. Challenges for Germany’s Military Presence in Instability Zones in Asia and Africa // Current Issues of Europe. 2022. № 4 (116). P. 160-187.
5. Sokolov A.P. Germany’s Security and the US Military Presence in Germany: “Comfortable” Occupation or Allied Solidarity? // International Analytics. 2019. № 1-2. P. 41-51.
6. Kurovsky S. V., Zinchuk M. G., Mishin D. A. Determinants of Russian Policy in the Littoral Countries of the Persian Gulf // Cossacks. 2025. № 82 (1). P. 156-165.
7. Kurovsky S. V., Zinchuk M. G., Mishin D. A. Trade and Economic Cooperation between the Russian Federation and the Persian Gulf Countries: Historical Retrospective, Current Trends, and Prospects // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2025. № 2-2. P. 11-16.
8. Trunov F. O. Germany’s Approach to the Use of Military Capabilities Outside NATO’s Area of Responsibility: Motives of Integration or Geopolitics? // Bulletin of Moscow University. Series 27. Globalistics and Geopolitics. 2024. № 1. P. 96-110.
9. Dzhusupova A. A., Yurchenko M. M. Germany’s Position on NATO’s “Joint Nuclear Missions” // Kazan Bulletin of Young Scientists. 2022. Vol. 6. № 3. P. 69-81.
10. Vlasov N. A. Lessons of the Hindu Kush: The Bundeswehr’s Mission in Afghanistan and Germany’s Security Policy // Bulletin of St. Petersburg University. International Relations. 2016. № 3. P. 108-121.
11. Kokeev, A.M. New Accents in Germany’s Defense Strategy and Security Policy // Global Economy and International Relations. 2018. Vol. 62. № 11. P. 26-34.
12. Kurovsky, S.V., Mishin, D.A., Tolokonnikova, E.V. Promising Directions of Foreign Economic Relations between the Russian Federation and Iran in the Context of the New Economic Reality // Innovations and Investments. 2025. № 2. P. 85-89.
13. Mlechin, V.L. Germany, Russia, and NATO: Continuity and Change in Germany’s Foreign Policy // National Security / nota bene. 2011. № 5. P. 126-134.
14. Gulyaev E.V. Changes in the Defense Policy of Germany in Light of the Transformation of the European Union and NATO // Society: Politics, Economics, Law. 2019. № 6. P. 30-33.
15. Trunov F.O. The Changing Role of Germany in Europe and the World in the Realities of the New Cold War: The Political-Military Dimension // Current Issues of Europe. 2020. № 1. P. 85-109.

Гаврилюк Н.П.

*Кандидат исторических наук. Директор музея «Бузеон»
ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура».*

Дедиу Е.И.

*Старший преподаватель кафедры истории.
Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.*

Восточные истоки и исламская рецепция: к вопросу о генезисе и развитии техники сплошного окрашивания писчего материала

Исламский мир представляет собой обширное географическое пространство, связующее звено между Востоком и Западом, в котором распространение мусульманской идеологии позволило сформировать устоявшееся искусство книги. Рукописи, будь то арабские, турецкие, персидские или индо-персидские, содержат огромное множество декорированной бумаги. Для украшения каллиграфии и миниатюр использовались различные техники декорирования, такие как мраморирование, золочение или серебрение, трафарет для силуэтной бумаги, а также сплошное окрашивание. Среди этих техник сплошное окрашивание с использованием природных красителей часто встречается в рукописях из разных регионов и эпох. За кажущейся простотой декора просвечивают сложные технические и функциональные особенности. Окрашивание бумаги с помощью природных веществ, начиная с IX века, продолжалось вплоть до XVIII века - хронологического рубежа, ознаменовавшего появление синтетических красителей. Чтобы рассмотреть эту технику во всех ее аспектах, следует обратиться к истокам окрашивания писчих материалов на Востоке, который считается очагом распространения ремесленных знаний и практик. Исследование исторических источников позволят выявить функциональные особенности окрашенной бумаги: эстетические, символические, утилитарные и т.д.

Среди всех техник декорирования писчего материала сплошное окрашивание, по-видимому, является древнейшей. В исламском мире эта техника существовала, по крайней мере, уже с XI века. Ибн Бадис в главе XI своего труда об искусстве книги дает краткое описание этого процесса.

Хотя более ранних свидетельств и не найдено, не исключено, что этот метод применялся и в предшествующие периоды. Кроме того, представляется необходимым подчеркнуть влияние соседних территорий на передачу техник окрашивания писчих материалов. Подобно передаче знаний бумажного ремесла, эта техника окрашивания бумаги, по-видимому, была изобретена на Востоке. Действительно, задолго до возникновения Ислама процесс окрашивания бумаги упоминается под термином «huang» в труде под названием «*Shiming*», датированном III веком. В этом же веке нормы китайской административной практики постепенно, посредством императорского указа, вводят систематическое использование цветной бумаги. Эта практика объясняется консервирующими свойствами, которые обеспечивали некоторые натуральные желтые красители, в частности, сок бархата амурского (*Phellodendron amurense*), обладающий фунгистатическими и антибактериальными свойствами. Действительно, желтое окрашивание бумаги было широко распространено в Китае, особенно для создания религиозных текстов, называемых сутрами, которые писались на шелке, а также на бумаге. Впоследствии эта практика окрашивания материала распространилась на другие восточные территории вместе с буддизмом.

Несмотря на внедрение бумаги, использование пальмовых листьев сохранилось для записи буддийских священных текстов. Интересно отметить, что эти листья могли окрашиваться в желтый цвет путем кипячения в воде с добавлением куркумы или других красящих веществ. Так же, как и история передачи знаний о бумажном производстве, техника окрашивания бумаги была известна на Ближнем Востоке в доисламский период благодаря дипломатическим и торговым обменам с Востоком. Уже в конце IV века сасанидский император Ирана Хосров импортировал из Китая бумагу, окрашенную в желтый цвет [8, р. 76]. При становлении исламского бумажного производства первые ремесленники импортировали цветную бумагу из Китая. Однако, учитывая ее высокую стоимость, они быстро начали окрашивать ее самостоятельно [3, р. 25]. На мусульманском Востоке эта техника окрашивания уже применялась к другим писчим материалам. Действительно, в то время, когда использование и производство бумаги только зарождались, применялись пергамент и папирус. С VII по VIII век арабы, в частности, переняли у персов опыт окрашивания пергамента и папируса шафраном [15, р. 51]. Несколько столетий спустя, письмо византийского императора Константина VII Багрянородного было написано на пер-

гаменте, окрашенном в пурпурный цвет, и отправлено халифу Кордовы из династии Омейядов в X веке. Без сомнения, этот документ послужил образцом для более поздних произведений, о чем свидетельствует магрибинский Коран на синем пергаменте, созданный при Фатимидском халифате между IX и X веками [4]. Интересно наблюдать, что это стремление к окрашиванию писчего материала применялось к другим материалам задолго до того, как использование бумаги стало повсеместным. Цвет, наносимый на пергамент, обычно был непрозрачным, вероятно, из-за природы самого материала, требующей особой техники. Некоторые манускрипты, в основном североафриканского происхождения, сохранили эту традицию непрозрачного окрашивания, примененную к бумаге. Тем не менее, этот короткий период является исключением. Действительно, в большинстве случаев цвета более приглушенные и относятся к цветовой гамме охры, оранжевого, розового и зеленого. В XV веке окрашивание бумаги часто использовалось в Персии и Османской империи. В Индии Великих Моголов персидская культура доминировала в искусстве книги, что привело к появлению индо-персидских произведений, в которых присутствует эта традиция однотонной цветной бумаги. По всему исламскому миру этот метод использовался как для искусства книги, так и в эпистолярном обмене. На территории Магриба и Аль-Андалуса эта практика также имела большой успех. Действительно, во времена мусульманской Испании дипломатические письма из Гранады, Туниса или Марокко писались на красно-розовой, а иногда и желтой бумаге. После краткого обзора исторических и географических истоков этой техники декорирования, практиковавшейся на территории исламского мира, важно перейти к техническому аспекту [19, p. 113].

Исследование процесса сплошного окрашивания бумаги в исламском мире основывается как на изучении материальных остатков, так и на текстовых источниках. Прежде всего, важно подчеркнуть, что древние арабские и персидские тексты становятся доступными благодаря палеографии и переводу. Языковая и графическая эволюция, а также вариативность в терминологии красителей, материалов или методов могут затруднять интерпретацию. Из-за небольшого количества текстовых источников некоторые исследователи расширили корпус исследований за счет персидских текстов, посвященных искусству окраски тканей. В них перечислены названия натуральных красителей и цветов, что составляет важную справочную основу для изучения однотонной цветной бумаги. Хотя и редкие, источники по окрашиванию бумаги тем не менее существуют. По боль-

шей части это персидские источники. Исследователями было обнаружено и изучено несколько персидских трактатов, датируемых периодом с конца XII по XIX век. Среди них знаменитый персидский трактат Сими Нишапури, датированный XV веком, который содержит пятнадцать рецептов окрашивания бумаги [17]. Этот персидский книжник, эксперт в искусстве книги [5, р. 69], был кроме того, известен своим мастерством в окраске бумаги и золочения или серебрения [17, р. 180]. Работы Али Сейрафи, датируемые XVI веком, и трактат Тифлиси [20], один из древнейших трактатов по окраске бумаги, являются основными источниками. В некоторых случаях открытие рецептов стало результатом случайной находки. Так было с персидской рукописью под названием «Трактат о персидской просодии, метрике и лексикографии», датируемой концом XV века, которую перевел и изучил Франсис Ришар. На форзацах отдельные записи описывают технику окраски бумаги [18]. По-видимому, эти рецепты не принадлежат ни одному другому известному персидскому трактату и отличаются от трактатов по окраске тканей. Компиляция этих источников в сочетании с материальным наблюдением позволяет выделить три техники окраски бумаги. Среди них окрашивание в массу, путем добавления красителя в бумажную массу, является исключением. Хотя никакие письменные свидетельства не подтверждают эту практику в мусульманском мире, эту гипотезу не следует отвергать [16, р. 51]. Другая широко используемая и на этот раз засвидетельствованная техника – это окрашивание путем нанесения цветного грунта на поверхность бумаги. Это выгодно вдвойне, поскольку этот этап позволяет выровнять и укрепить поверхность бумаги, одновременно придавая ей оттенок. Более того, следы нанесения кистью иногда можно наблюдать на поверхности. В целом, окрашивание бумаги, многочисленные упоминания о котором встречаются в текстовых источниках, требует особого внимания. Данная техника заключается в погружении непроклеенной бумаги в красильную ванну. На уровне волокон этот процесс включает использование «красящего вещества [...], способного окрашивать бесцветный материал, то есть наделять его способностью длительно сохранять окраску благодаря химической комбинации, осуществляемой между основой и красителем», что достигается благодаря присутствию протравы [21, р. 327]. Для этого натуральный краситель необходимо экстрагировать. Работы Манданы Баркешли, посвященные историческим персидским рецептам окраски бумаги, дают представление о спектре натуральных красителей, использовавшихся для этой цели [1, р. 51]. Среди исторических персидских

трактатов было зафиксировано пятьдесят цветовых оттенков, использовавшихся в период с Сефевидов до Каджаров (начало XVI – XIX вв.). Различные оттенки можно было получить при использовании 22 веществ органического происхождения, шести – минерального происхождения и четырнадцати видов протрав и добавок [1, р. 74]. Каждый цвет обозначается специальным термином. Например, среди основных цветов хна дает «естественный» цвет, в то время как «соломенный» цвет получается из желтого экстракта сафлора, а «персиковый» – из красного экстракта сафлора. В зависимости от природы натурального материала процесс экстракции отличается. Обычно красители извлекаются путем мацерации, декокции или с помощью более сложных процессов, особенно для индиго и сафлора. В трактате Сейрафи описан метод экстракции желтого красителя из шафрана. Инструменты, весовые пропорции, время мацерации тщательно описаны: «Растолчите один мискаль (около 12 г.) чистого горького шафрана и поместите в стакан. Добавьте один сир (75 г.) воды и герметично закройте крышку. Держите его на солнце в течение трех дней. По прошествии трех дней его желтый цвет будет извлечен, а остатки побелеют. Профильтруйте сироп через кусок ткани, перелейте в фарфоровую чашу и дайте отстояться. Затем перелейте в чистую емкость и осторожно погрузите туда бумаги. (...)» [Цит. по 9, р. 110-111].

Хотя большинство текстовых источников являются персидскими, можно экстраполировать использование этих натуральных красителей на весь исламский мир, имея в виду, что определенные цвета и красители могли использоваться чаще в зависимости от региона. После экстракции красителя бумагу можно окрашивать методом погружения в раствор или нанесения кистью. Протравы необходимы в процессе окрашивания. На уровне волокон их цель – усилить сродство между целлюлозным волокном и натуральным красителем, обеспечивая тем самым их химическое соединение и долговечное закрепление цвета на волокне. Можно предположить, что в зависимости от толщины листа и времени выдержки в ванне пропитка может достигать сердцевины волокнистой массы или быть поверхностной. Рецепт, найденный на форзаце персидской рукописи начала XVI века, рекомендует предварительную протравку листа бумаги в растворе квасцов и воды.

В некоторых случаях протравы естественным образом присутствуют в самих натуральных красителях. Их двойная функция позволяет и окрашивать, и закреплять цвет на волокнах. Благодаря высокому содержанию танинов, хна, гранатовая кора, куркума, сапановое дерево или шафран

могут использоваться в так называемой «прямой» красильной ванне без добавления протрав. Наконец, этап сушки нельзя упускать из виду. В зависимости от желаемого результата можно играть на светочувствительности натуральных красителей. Выставляя их на солнце, можно получить более мягкие оттенки, тогда как для сохранения насыщенности цвета авторы настоятельно рекомендуют сушку в тени.

Важно отметить, что смешивание красителей, их количество, концентрация ванны, добавление кислых веществ, продолжительность и количество погружений – все это регулируемые параметры, которые могут влиять на конечный цвет. После высыхания бумагу проклеивают рисовым и/или пшеничным крахмальным клеем, а затем полируют ее поверхность; в некоторых случаях добавляют отделку напылением золота или серебра, что придает текстам или миниатюрам качество и престиж. Внутри рукописей возможны различные конфигурации расположения цветных листов в текстовом блоке. Цветные листы могут чередоваться с неокрашенными, без строгой системы организации. Иногда листы полностью окрашены, но нередко можно встретить отдельную цветную часть, вкрапленную в текст. Таким образом, этот процесс позволяет получить широкий спектр цветов. К этому добавляются различные функции, придающие этой бумаге добавочную ценность – эстетическую, символическую и утилитарную, – которая часто остается недооцененной.

подавляющее большинство авторов восхваляют преимущества цветной бумаги для письма и чтения. Этот выбор оправдан во многих поэмах и трактатах как способ сохранения зрения каллиграфа и читателя. Белая бумага считается агрессивной для глаз. В своем труде Али Сейрафи настоятельно рекомендует окрашивание бумаги, поскольку, по его мнению, белая бумага «вредит зрению», и благоразумнее «не писать на неокрашенной бумаге» [Цит. по 9, р. 112]. Более того, Мухаммад аль-Бухари, автор XVI века, сравнивает неокрашенную бумагу с солнцем, поскольку оба ослепляют глаза. Свет отражается от белой поверхности, затрудняя чтение или письмо, что потенциально может рассеивать внимание читателя. Таким образом, окрашивание служило важным подспорьем в практике письма и чтения.

Нельзя игнорировать эстетический аспект этой практики окрашивания. В контексте вмешательства исламской религии в сферу искусства декорированная бумага, по-видимому, удовлетворяла религиозным требованиям в области художественного и ремесленного производства. Подобно искусству каллиграфии и канонам исламского искусства, деко-

рированная бумага выполняла эстетическую функцию украшения манускриптов, в соответствии с художественными нормами отказа от изображения одушевленных существ, которые предписывает мусульманское право в определенные периоды истории.

Эстетическая функция в некоторых случаях сопровождается символической функцией, связанной с цветом. Это ярко проявляется в случае посланий и официальных документов, которые следовали цветовому коду, варьировавшемуся в зависимости от региона и эпохи. Красная бумага часто использовалась в манускриптах и официальных документах. Письма, написанные рукой насридского эмира Гранады Мухаммада VIII аль-Мутамассика, адресованные Альфонсо V, были написаны на бумаге кроваво-красного цвета, выражавшей огорчение отправителя [5, р. 73]. В других случаях красный цвет мог иметь иную символику. В переписке султанов династии Насридов, возглавлявших Эмират Гранады (1232 - 1492 гг.) между XIII и XV веками, красный цвет был признаком привилегии, а не официальным кодом. Его использование было исключительно зарезервировано для лиц высокого ранга и тех, кому эта привилегия была дарована [Цит. по 9, р. 113]. В некоторых регионах и в более поздние периоды красный цвет, использовавшийся в официальных документах, символизировал правосудие, но также возвещал о празднествах. Синий цвет, в свою очередь, ассоциировался с трауром и смертными приговорами, о чем свидетельствуют официальные документы, написанные на синей бумаге в Сирии и Древнем Египте [16, р. 52]. Цвет, презираемый мусульманами, поскольку он был знаком траура и также являлся цветом головных уборов неверных-христиан [15, р. 48].

Более того, в ранние времена Ислама византийский император отправил письмо на синем пергаменте, написанное золотом, халифу Абд ар-Рахману, и это послание было воспринято как оскорбительное. Иногда символика, кажется, уступает место соперничеству. Коран XI века, написанный золотом на синем велене, был создан, чтобы сравниться с роскошными византийскими манускриптами [1, р. 61]. Как и в целом в обширном исламском мире, использование цвета имело множественные значения в зависимости от регионов и эпох.

Утилитарная функция этой бумаги также должна быть подчеркнута. Когда она используется как писчий материал, она служит защитой от подделки документов, предохраняя от возможных исправлений [19, р. 115]. Действительно, соскабливание окрашенной поверхности

могло обнажить естественный цвет бумаги и, следовательно, сделать документ недействительным. Тем не менее, цветная бумага могла использоваться как средство предотвращения подделки и гарантии подлинности документа.

Наконец, красители, используемые в процессе окраски бумаги, могут обладать защитными свойствами. Недавние исследования продемонстрировали фунгистатические свойства красителей, применявшихся для окраски бумаги. Одно из них посвящено форзацам египетских манускриптов мамлюкского периода (XIII - XVI вв.), окрашенных в желтый цвет с помощью красильной резеды, шафрана, куркумы или сафлора, в то время как другое исследует бумагу, окрашенную хной, в персидских манускриптах [2]. В обоих случаях, согласно результатам соответствующих культуральных тестов, натуральные красители проявляют фунгистатические свойства. Действительно, на основе исторической реконструкции бумаги, окрашенной хной, был проведен культуральный тест с *Aspergillus Flavus*, чтобы наблюдать за ростом грибка при контакте с красителем. Спустя несколько дней хна, по-видимому, играет роль в ингибировании роста грибка. Более того, более высокая концентрация хны, кажется, усиливает фунгистатическое действие. На сегодняшний день ни один арабский или персидский исторический источник не упоминает о целенаправленной практике консервации. Таким образом, в настоящее время сложно утверждать о наличии осознанного подхода к сохранности, связанного с использованием этих веществ при окрашивании бумаги.

В заключение можно констатировать, что изучение декорированной бумаги представляет собой комплексную историко-техническую и функциональную проблему. Признание её в качестве культурного достояния стало возможным благодаря развитию кодикологии восточных рукописей. Однако ключевые вопросы о генезисе и хронологии данных техник в исламском мире по-прежнему остаются дискуссионными.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в двух основных направлениях. Во-первых, это обнаружение новых письменных источников, детализирующих процессы крашения, в сочетании с расширением программы инструментального анализа самих артефактов. Подобный синтез методов позволит реконструировать технологическую эволюцию с большей точностью.

Во-вторых, междисциплинарный потенциал темы выходит за рамки чисто исторического интереса. Эмпирически подтверждённые фунги-

цидные и инсектицидные свойства многих исторических красителей открывают новое поле для научной рефлексии. Их изучение в контексте превентивной консервации может способствовать разработке инновационных, а зачастую и экологических стратегий защиты письменного наследия от биологических угроз, обеспечивая тем самым прямую связь между историческими практиками и актуальными задачами реставрационной науки.

Список литературы / Bibliography

1. Barkeshli Mandana, Historical Persian Recipes for Paper Dyes. – Restaurator. 2016. Vol. 37. № 1. P. 49-89.
2. Barkeshli Mandana, Ataie Ghasem, Alimohammadi Mahmood, Historical analysis of materials used in Iranian paper dyeing with special reference to the effect of henna dye on paper based on scientific analysis, // ICOM-CC 15th Triennial Conference New Delhi, 22 – 26 September 2008: preprints. – New Delhi: Allied publishers. 2008. Vol. 1. P. 255 2-3.
3. Blair Sheila, Color and Gold: The decorated papers used in manuscripts in later islamic Times // Muqarnas 17. David Roxburgh (éd.). – Leyde. – Brill. 2000. P. 24-36.
4. Bloom Jonathan, The Blue Koran Revisited // Journal of Islamic Manuscripts. 2015. Vol. 6. P. 196-218.
5. Bloom Jonathan, Paper Before Print: the history and impact of paper in the Islamic world. – New Haven: Presses universitaires de Yale. 2001. 320 p.
6. Catcher Susan, Just coloured paper: Toning paper using natural dyes, // Adapt & Evolve 2015: East Asian Materials and Techniques in Western Conservation. Proceedings from the International Conference of the Icon Materials and Techniques in Western Conservation. Proceedings from the International Conference of the Icon Book & Paper Group. – London 8-10 Avril 2015. 2015. P. 128-136.
7. Colas Gérard, La feuille de palmier, support d'écrit dans l'Inde ancienne. // Claude Laroque (dir.), Autour des papiers asiatiques, actes des colloques D'Est en Ouest: relations bilatérales autour du papier entre l'Extrême-Orient et l'Occident (organisé le 10 octobre 2014) et Papiers et protopapiers: les supports de l'écrit ou de la peinture (organisé le 30 octobre 2015), Paris, site de l'HiCSA, mis en ligne en février 2017. P. 119-137. // URL: https://latelierdupapetier.fr/wp-content/uploads/2019/10/Autour_des_papiers_asiatiques_02.pdf
8. Doizy Marie-Ange, De la dominoterie à la marbrure. Histoire des techniques traditionnelles de la décoration du papier. – Art & Métiers du Livre/Éditions. 1996. 255 p.
9. Dupuy Marion Les papiers colorés unis dans les manuscrits islamiques: une technique de décor aux multiples fonctions // Claude Laroque et Maryse Pierrard (dir.), 2020 Histoire du papier et de la pape-terie: actualités de la recherche II (Actes de la journée d'étude du 13 octobre 2020) – 2021 Les papiers filigranés de la période 1830-1950 (Actes de la journée d'étude du 8 octobre 2021), Paris, sites de l'HiCSA et de l'ENS, mis en ligne en novembre 2022. // URL: https://hicsa.pantheonsorbonne.fr/sites/default/files/2023-09/livre_laroque_02-2.pdf
10. Hunter Dard Paper-making in the classroom – London: Oak Knoll Books. 1991. 80 p.
11. Hunter Dard A Papermaking Pilgrimage to Japan, Korea and China. – New York: Pynson Printers. 1936. 148 p.
12. Hunter Dard Papermaking: The History and Technique of an Ancient Craft. – New York: Courier Corporation. 1978. 611 p.
13. Hunter Dard, Papermaking by Hand in India. – New York: Pynson Printers. 1939. 600 p.
14. Hunter Dard, Papermaking through eighteen centuries. – New York: W.E. Rudge. 1930. 358 p.
15. Karabacek, Josef Ritter von. Arab Paper. – London: Islington Books. 1991. 96 p.
16. Loveday Helen Islamic Paper: A Study of the Ancient Craft. Don Baker Memorial Fund: Distributed by Archetype Publications. – London. 2001. 90p.
17. Porter Yves, Un traité de Simi neyshâpuri, artiste et polygraphe. – Studia Iranica. 1985. P. 179-198.
18. Richard Francis, Une recette en persan pour colorer le papier // Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée (REMMM). 2002. № 99-100. P. 95-100.
19. Sistach M-Carmen, Les papiers non filigranés dans les archives de la Couronne d'Aragon du XIIe au XIXe siècle // Monique Zerdoun Bat-Yehouda, Le papier au Moyen Âge: histoire et techniques. – Brepols. 1999. P. 105-118.
20. Tilfisi Hubaysh, Bayan al-sina'at, Iraj Afshar(ed.), FIZ. – vol. V/4. – Téhéran. 1957. P. 298-457.
21. Viel Claude, Colorants naturels et teintures du xviii siècle à la naissance des colorants de synthèse // Revue d'histoire de la pharmacie, 93e année. 2005. № 347. P. 327-348.
22. <https://aidee-bernard.com/histoire-du-papier-et-de-la-papeterie-ii/>

Довгялло Я.П.

Кандидат экономических наук, научный сотрудник. Институт экономики и демографии Национальной академии наук Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан. ORCID: 0000-0003-3085-3445

Этические вызовы применения искусственного интеллекта в деятельности благотворительных организаций

Цифровая трансформация затрагивает все сферы общественной жизни, включая некоммерческий сектор. Благотворительные организации всё чаще обращаются к технологиям искусственного интеллекта (ИИ) для оптимизации фандрайзинга, прогнозирования потребностей бенефициаров, повышения прозрачности распределения средств и управления волонтерскими ресурсами¹. Однако, в отличие от коммерческого сектора, где главной целью является максимизация прибыли, благотворительность базируется на ценностях доверия, солидарности, заботы и уважения к человеческому достоинству. Это делает применение ИИ в данном контексте особенно чувствительным с этической точки зрения.

Согласно Рекомендации ЮНЕСКО по этике ИИ, «технологии должны служить людям, а не наоборот», особенно когда речь идёт о защите прав уязвимых групп². Бенефициары благотворительных программ – дети, пожилые, больные, мигранты, лица с ограниченными возможностями – часто находятся в состоянии повышенной уязвимости, что требует особой осторожности при сборе, обработке и использовании их данных. Между тем, исследования показывают, что многие НКО внедряют ИИ без достаточного осознания этических последствий, ориентируясь преимущественно на техническую эффективность³.

Цель настоящей статьи – выявить и систематизировать ключевые этические вызовы, связанные с применением ИИ в благотворительной

1 Together we give more. // URL: https://www.cafonline.org/?spm=a2ty_o01.29997173.0.0.6a115171A1d6nV (Дата обращения: 12.12.2025)

2 Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. // URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137?spm=a2ty_o01.29997173.0.0.6a115171A1d6nV (Дата обращения: 12.12.2025)

3 Floridi L., Cows J., Beltrametti M., Chatila R., Chazerand P., Dignum V., Luetge C., Madelin R., Pagallo U., Rossi F., Schafer B., Valcke P., Vayena E. AI4People-An Ethical Framework for a Good AI Society: Opportunities, Risks, Principles, and Recommendations. *Minds and Machines*. 2018;28(4):689-707.

деятельности, и предложить принципы ответственного использования технологий, соответствующие специфике некоммерческого сектора.

Рассмотрим этические риски применения ИИ в благотворительности.

1. Нарушение конфиденциальности и защита данных уязвимых групп

Одним из наиболее острых этических вызовов является обработка персональных данных бенефициаров. Для обучения ИИ-моделей (например, для прогнозирования риска бездомности или онкологического заболевания) требуется сбор чувствительной информации: диагнозы, доходы, семейное положение, геолокация. В условиях, когда НКО часто работают с лицами, находящимися в кризисной ситуации, даже анонимизированные данные могут быть деанонимизированы и использованы против интересов бенефициаров⁴.

В России применение ИИ в НКО регулируется Федеральным законом № 152-ФЗ «О персональных данных»⁵, однако он не содержит специальных положений для работы с данными уязвимых групп. Между тем, в ЕС действуют дополнительные гарантии: согласно Общему регламенту по защите данных (GDPR), обработка данных особых категорий (здоровье, этническое происхождение) разрешена только при наличии явного согласия или если это необходимо для защиты жизненно важных интересов субъекта⁶.

2. Алгоритмическая дискриминация и неравный доступ к помощи.

ИИ-системы могут воспроизводить и усиливать существующие социальные неравенства. Если обучающие данные содержат исторические предубеждения (например, недостаточное финансирование программ для сельских жителей), алгоритм будет систематически исключать определённые группы из распределения помощи. Исследование Алгоритмической справедливости показало, что автоматизированные системы распределения социальной помощи в США чаще отказывали в поддержке малоимущим семьям из-за ошибок в данных или жёстких пороговых значений⁷.

В благотворительности это особенно опасно: алгоритм может «не уви-

⁴ Metcalf J., Crawford K. Where are human subjects in Big Data research? The emerging ethics divide. *Big Data & Society*. 2016;3(1):205395171665021.

⁵ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных». // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (Дата обращения: 12.12.2025)

⁶ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). // URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj?spm=a2ty_o01.29997173.0.0.6a115171A1d6nV (Дата обращения: 12.12.2025)

⁷ AI Now Institute. (2019). *Discriminating Systems: Gender, Race, and Power in AI*. // URL: <https://ainowinstitute.org/discriminatingystems.pdf> (Дата обращения: 12.12.2025)

деть» человека, который не соответствует шаблону нуждающегося (например, пожилой одинокий мужчина без интернета), и лишить его помощи. Таким образом, стремление к «объективности» через ИИ может привести к новой форме социальной несправедливости.

3. Снижение человеческого участия и подмена заботы технологией.

Благотворительность традиционно строится на личном взаимодействии, эмпатии и доверии. Автоматизация процессов – например, чат-боты вместо социальных работников, алгоритмы вместо индивидуальных решений – рискует превратить помощь в безличную процедуру, что противоречит самой сути благотворительности. Технологии не должны заменять человеческое присутствие, а лишь дополнять его.

Особую тревогу вызывает использование ИИ для «таргетирования» доноров: алгоритмы, анализирующие поведение пользователей в соцсетях, могут манипулировать эмоциями, вызывая чувство вины или сострадания. Это ставит под сомнение добровольность пожертвований и подрывает этическую основу филантропии.

4. Отсутствие прозрачности и подотчётности.

Многие ИИ-системы работают как «чёрные ящики»: даже разработчики не всегда могут объяснить, почему алгоритм принял то или иное решение. В контексте благотворительности это создаёт серьёзные риски: бенефициар не может оспорить отказ в помощи, если не понимает, на каком основании он был принят. Отсутствие прозрачности также подрывает доверие доноров, которые хотят знать, как именно распределяются их средства.

Для минимизации этических рисков необходимо внедрение специализированных принципов, учитывающих специфику НКО. На основе анализа документов ЮНЕСКО, ОЭСР и Европейской комиссии можно выделить следующие ключевые принципы (рисунок 1).

В России первые шаги в этом направлении делаются: Минцифры разработан «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта», однако он пока носит общий (универсальный) характер и не учитывает специфику социального сектора⁸. Необходимо развитие отраслевых стандартов, методических рекомендаций и механизмов независимого этического аудита для НКО.

Что касается Республики Таджикистан, то в 2021 году Таджикистан ратифицировал Рекомендацию ЮНЕСКО по этике искусственного ин-

⁸ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. // URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/Кодекс_этики_20_10_1.pdf (Дата обращения: 12.12.2025)

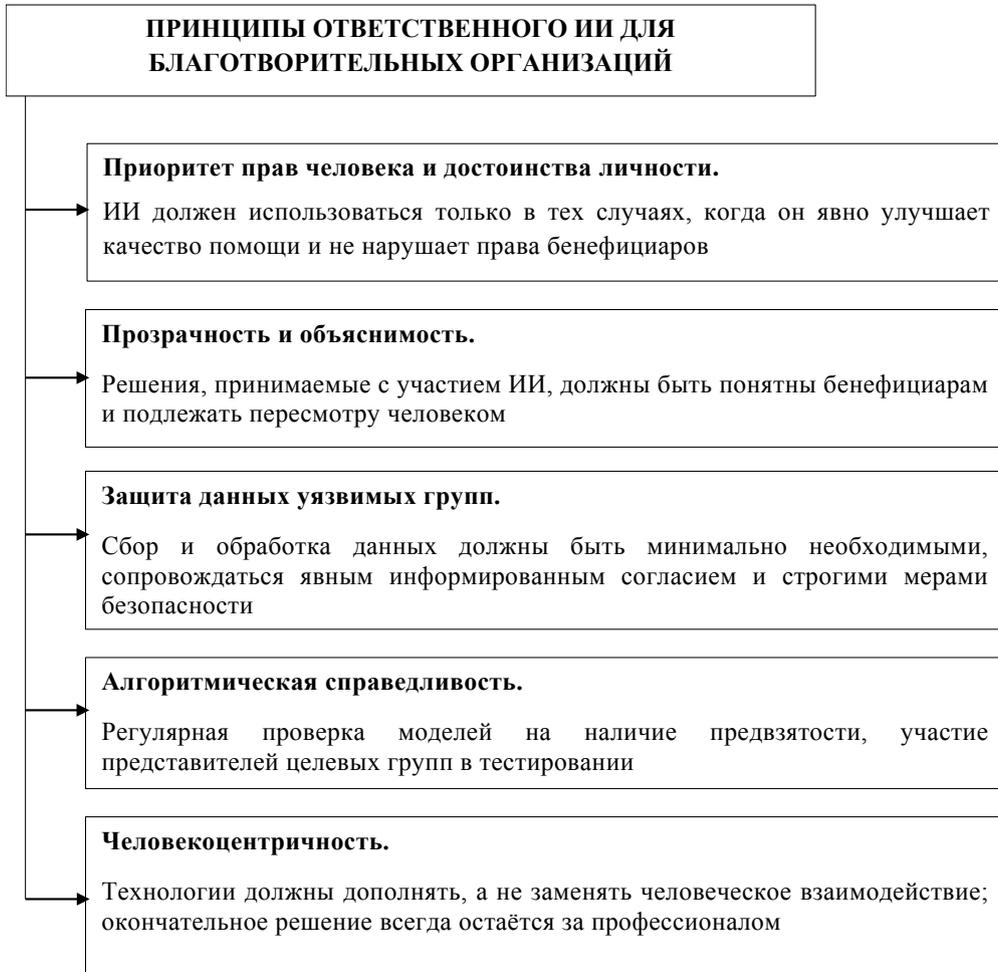

Рисунок 1. Принципы ответственного ИИ для благотворительных организаций.

Источник: составлено автором.

теллекта, тем самым выразив политическую поддержку международным этическим принципам. Однако это не означает автоматического внедрения этих норм в национальное законодательство.

В стране было разработано «Руководство по защите персональных данных»⁹, а также действует Закон «О персональных данных» (принят в 2023 г.), который регулирует обработку данных, но не содержит специ-

⁹ Руководство по защите персональных данных. – Душанбе: Бюро по правам человека и соблюдению законности, 2021.

альных положений для ИИ, автоматизированного принятия решений или алгоритмической прозрачности¹⁰.

Отдельные университеты (например, Таджикский национальный университет) начали вводить курсы по data science и основам ИИ, но этические аспекты пока не входят в учебные программы.

Вместе с тем, согласно Стратегии цифрового развития Таджикистана до 2030 года (проект, обсуждавшийся в 2024 г.), планируется изучение вопросов регулирования ИИ, включая этические аспекты, но конкретные сроки и документы не утверждены. Вероятно, разработка этического кодекса начнётся не ранее 2027–2028 гг., после укрепления базовой цифровой инфраструктуры и кадрового потенциала.

Таким образом, на сегодняшний день Таджикистан не имеет собственного этического кодекса использования искусственного интеллекта. Страна поддерживает международные инициативы (в частности, ЮНЕСКО), но национального регулирования в этой сфере пока не существует. Это соответствует общему тренду среди стран с формирующейся цифровой экономикой, где приоритет отдаётся базовым технологиям, а не этическому регулированию передовых ИИ-систем.

Применение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в благотворительной деятельности некоммерческих организаций (НКО) открывает перед сектором гражданского общества беспрецедентные возможности. Автоматизация сбора пожертвований, персонализация взаимодействия с донорами, прогнозирование потребностей уязвимых групп, оптимизация логистики помощи, повышение прозрачности распределения ресурсов – всё это позволяет НКО работать более эффективно, масштабировать и целенаправленно. В условиях роста социальных вызовов, ограниченности ресурсов и повышенных требований к подотчётности ИИ может стать мощным инструментом усиления социального воздействия и устойчивости некоммерческого сектора.

Однако эти преимущества не являются автоматическими и безусловными. Наоборот, внедрение ИИ в контексте благотворительности сопряжено с особыми этическими рисками, обусловленными спецификой целевой аудитории – уязвимыми группами населения: детьми, пожилыми, больными, мигрантами, людьми в кризисных ситуациях. Именно эти категории чаще всего становятся бенефициарами благотворительных программ, и именно они наиболее подвержены последствиям ошибок,

¹⁰ Закон РТ от 3 августа 2018 года №1537 «О защите персональных данных». // URL: <https://pokiza.tj/upload/TJK-2018-L-109580.pdf> (Дата обращения: 12.12.2025)

предвзятости или злоупотреблений в работе алгоритмов.

Во-первых, защита персональных данных приобретает критическое значение. Сбор, обработка и анализ чувствительной информации (диагнозы, доходы, семейное положение, геолокация) в целях «точной помощи» неизбежно влечёт за собой риски нарушения конфиденциальности, деанонимизации и даже вторичной травматизации. Особенно остро эта проблема стоит в странах с недостаточно развитой правовой базой по защите данных, где отсутствуют механизмы согласия, отзыва разрешений и контроля над использованием информации.

Во-вторых, существует угроза алгоритмической дискриминации. Если обучающие данные ИИ-систем отражают исторические неравенства (например, недофинансирование помощи в сельских районах или игнорирование потребностей этнических меньшинств), алгоритмы будут воспроизводить и усиливать эти дисбалансы. В результате помощь может быть направлена не туда, где она наиболее необходима, а туда, где проще собрать данные или где уже есть инфраструктура, что усугубляет социальное неравенство.

В-третьих, чрезмерная автоматизация и цифровизация могут привести к подмене гуманистической сущности благотворительности. Благотворительность традиционно строится на личном контакте, эмпатии, доверии и уважении к человеческому достоинству. Когда взаимодействие сводится к алгоритмическим рекомендациям, чат-ботам и цифровым анкетам, возникает риск превращения бенефициара в «объект анализа», а не в субъекта заботы. Это подрывает саму основу благотворительности – её способность восстанавливать социальные связи и подтверждать ценность каждого человека.

В-четвёртых, отсутствие прозрачности и объяснимости ИИ-решений создаёт барьеры для подотчётности. Если бенефициар не понимает, почему ему отказали в помощи, или донор не может проследить, как именно были использованы его средства, это разрушает доверие – главный нематериальный актив НКО. В отличие от коммерческого сектора, где ИИ часто служит максимизации прибыли, в благотворительности он должен быть подчинён принципам справедливости, открытости и участия.

Поэтому без ответственного подхода внедрение ИИ в НКО не только не принесёт ожидаемой пользы, но и может нанести серьёзный ущерб репутации сектора, усилить уязвимость бенефициаров и подорвать общественное доверие. Ответственность здесь означает не просто техниче-

скую безопасность, а глубокую этическую экспертизу на всех этапах – от проектирования до оценки воздействия.

Это требует:

- разработки специализированных этических рамок для применения ИИ в социальной сфере, учитывающих уязвимость целевых групп;
- создания механизмов информированного согласия, доступных даже малограмотным или пожилым людям;
- обеспечения права на человеческое вмешательство – когда решение алгоритма может быть пересмотрено человеком;
- вовлечения представителей бенефициаров в разработку и тестирование ИИ-систем;
- развития цифровой грамотности как среди сотрудников НКО, так и среди получателей помощи;
- формирования нормативных рамок на уровне государства и профессиональных ассоциаций, регулирующих использование ИИ в некоммерческом секторе.

Только такой комплексный, междисциплинарный и гуманистически ориентированный подход позволит превратить искусственный интеллект из потенциального источника рисков в надёжный инструмент социальной справедливости. Цель не в том, чтобы заменить человека технологией, а в том, чтобы усилить человеческое участие – сделать помощь более точной, своевременной, уважительной и эффективной. Только тогда ИИ действительно будет служить людям, а не станет инструментом новой цифровой несправедливости, скрытой под маской «инновационной благотворительности».

Список литературы:

1. Закон РТ от 3 августа 2018 года №1537 «О защите персональных данных». // URL: <https://pokiza.tj/upload/TJK-2018-L-109580.pdf> (Дата обращения: 12.12.2025)
2. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. // URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/Кодекс_этики_20_10_1.pdf (Дата обращения: 12.12.2025)
3. Руководство по защите персональных данных. – Душанбе: Бюро по правам человека и соблюдению законности, 2021.
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных». // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (Дата обращения: 12.12.2025)
5. AI Now Institute. (2019). Discriminating Systems: Gender, Race, and Power in AI. // URL: <https://ainowinstitute.org/discriminatingystems.pdf> (Дата обращения: 12.12.2025)
6. Floridi L., Cows J., Beltrametti M., Chatila R., Chazerand P., Dignum V., Luetge C., Madelin R., Pagallo U., Rossi F, Schafer B., Valcke P., Vayena E. AI4People- An Ethical Framework for a Good AI Society: Opportunities, Risks, Principles, and Recommendations. *Minds and Machines*. 2018. № 28 (4). P. 689-707.
7. Metcalf J., Crawford K. Where are human subjects in Big Data research? *The emerging ethics divide*. *Big Data & Society*. 2016. № 3 (1).
8. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. // URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137?spm=a2ty_o01.29997173.0.0.6a115171A1d6nV (Дата обращения: 12.12.2025)

9. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). // URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj?spm=a2ty_o01.29997173.0.0.6a115171A1d6nV (Дата обращения: 12.12.2025)
10. Together we give more. // URL: https://www.cafonline.org/?spm=a2ty_o01.29997173.0.0.6a115171A1d6nV (Дата обращения: 12.12.2025)
11. Гольцов А.Н., Дедиу Е.И. Экономико-политический симбиоз: британский империализм и идеология свободной торговли как элементы единого национального проекта (вторая половина XIX века – первая треть XX века) // Альманах «Крым». 2025. № 50. С. 21-33.
12. Дегтярева А.А. Динамика культурного взаимодействия РФ и КНР в конце XX – начале XXI вв. (на примере Амурской области) // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 121-130.

Bibliography

1. Law of the Republic of Tajikistan of August 3, 2018, No. 1537 “On the Protection of Personal Data”. // URL: <https://pokiza.tj/upload/TJK-2018-L-109580.pdf> (12.12.2025)
2. Code of Ethics in the Field of Artificial Intelligence. // URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/КОдекс_этики_20_10_1.pdf (12.12.2025)
3. Guidelines for the Protection of Personal Data. - Dushanbe: Bureau for Human Rights and Rule of Law, 2021.
4. Federal Law of July 27, 2006, No. 152-FZ “On Personal Data”. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (12.12.2025)
5. AI Now Institute. (2019). Discriminating Systems: Gender, Race, and Power in AI. // URL: <https://ainowinstitute.org/discriminatingystems.pdf> (12.12.2025)
6. Floridi L., Cows J., Beltrametti M., Chatila R., Chazerand P., Dignum V., Luetge C., Madelin R., Pagallo U., Rossi F., Schafer B., Valcke P., Vayena E. AI4People-An Ethical Framework for a Good AI Society: Opportunities, Risks, Principles, and Recommendations. *Minds and Machines*. 2018. № 28 (4). P. 689-707.
7. Metcalf J., Crawford K. Where are human subjects in Big Data research? The emerging ethics divide. *Big Data & Society*. 2016. № 3 (1).
8. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. // URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137?spm=a2ty_o01.29997173.0.0.6a115171A1d6nV (12.12.2025)
9. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). // URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj?spm=a2ty_o01.29997173.0.0.6a115171A1d6nV (12.12.2025)
10. Together we give more. // URL: https://www.cafonline.org/?spm=a2ty_o01.29997173.0.0.6a115171A1d6nV (12.12.2025)
11. Goltsov A.N., Dediу E.I. Economic-political symbiosis: British imperialism and the ideology of free trade as elements of a unified national project (second half of the XIX century – first third of the XX century) // Almanac “Crimea”. 2025. № 50. P. 21-33.
12. Degtyareva A.A. Dynamics of cultural interaction between the Russian Federation and the People’s Republic of China in the late 20th – early 21st centuries (the case of the Amur region) // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 121-130.

Rojas S.M.

Аспирант.

Московский государственный институт международных отношений.
ORCID: 0000-0002-1212-8146 / Author ID: 1209741 / SPIN-код: 6483-8768

От мимикрии к востребованию: Хоми Бхабха и реаффирмация идентичности коренных народов в культурной продукции Мексики и Колумбии

Rojas S.M.

PhD Student. Moscow State Institute of International Relations.
ORCID: 0000-0002-1212-8146 / Author ID: 1209741 / SPIN-code: 6483-8768.

From mimicry to reclamation: Homi Bhabha and the reaffirmation of indigenous identities in cultural production of Mexico and Colombia

Introduction

The urgency of this research is determined by the acute necessity to re-evaluate the dynamics of cultural identity within the context of Latin American post-colonialism. Despite achieving political independence more than two centuries ago, the countries of the region continue to operate within the epistemological and cultural structures established by colonial domination (the so-called “coloniality of power” and “coloniality of knowledge”). For many years, the dominant national narratives of Mexico and Colombia were built around the ideologically charged concept of *Mestizaje* (racial-cultural mixing). This concept, officially promoted by the state in the 20th century as the foundation of national unity, often functioned as a masking mechanism designed to justify the structural exclusion, cultural assimilation, and political marginalization of Indigenous peoples¹. Within the ideology of *Mestizaje*, the distinct identities of Indigenous peoples are dissolved into a homogenous “national” image, which effectively preserves European cultural standards as the central axis. The leg-

1 Navarrete F. *Alfabeto del racismo mexicano*. Ciudad de México: Malpaso Ediciones; 2020.

acy of colonial rule continues to manifest in contemporary cultural practices, where Western aesthetic and literary forms serve as the universal standard, while Indigenous practices are either idealized² to the level of exotic³, timeless folklore, or are relegated to a secondary, regional level⁴

However, since the beginning of the 21st century, and particularly in the 2010–2025 period, a powerful decolonial shift, initiated by Indigenous creators themselves, has been observed. Contemporary cultural production actively rejects the role of a passive object of assimilation. This article aims to analyze how these creators in Mexico and Colombia utilize the colonial mechanisms and aesthetic forms originally intended for their subordination, in order to subvert them, transforming passive assimilation into an active reclamation of their cultural and political identity.

Theoretical Framework and Research Question

The research relies on the theoretical apparatus of Homi K. Bhabha, especially his concepts of mimicry, hybridity, and the third space. These concepts allow us to move away from the binary “oppressor/oppressed” analysis and focus on dynamic, negotiated spaces. Mimicry (imitation of the colonial model) is perceived not as a defect, but as a tactical tool. Hybridity is understood not as a simple mixture, but as an active process of cultural production.

A key theoretical problem that our study addresses is the critique often directed at Bhabha, asserting that his theory de-politicizes hybridity by focusing on linguistic aesthetics rather than the real struggle for power⁵. Our analysis is designed to challenge this claim by providing concrete empirical evidence from contemporary cultural corpora that demonstrates how hybrid forms and the Third Space function as integral acts of political subjectivity and reaffirmation within the Latin American context.

The goal of the article is to identify and analyze specific examples in contemporary literature, performance, and visual arts in Mexico and Colombia where a strategic transition occurs from mimicry (tactical imitation) to reaffirmation (strategic emancipation and assertion of sovereign identity).

The research hypothesis is that contemporary cultural production in both countries strategically uses the mechanisms of mimicry and hybridity not for assimilation, but for the dismantling of colonial power over representation and

2 *Palermo WMZ. Arte y estética en la encrucijada decolonial. Ediciones del Signo; 2009.*

3 *Baretta Jiménez A. Aetnósferas, actualización de atmósferas étnicas en las prácticas artísticas contemporáneas endo exo. 2010.*

4 *Mignolo W.D, Gómez Moreno PP. Reconstitución estética decolonial. Universidad Distrital Francisco José de Caldas; 2021.*

5 *Escobar A. Worlds and Knowledges Otherwise: The Latin American Modernity/Coloniality Research Program. Cult Stud. 2007;21(2-3):179–219.*

the construction of Indigenous identity with full and active subjectivity that resists essentialist or folkloric categorization.

2. Literature Review

2.1. The Postcolonial Turn and Bhabha's Triad

The theory of Homi Bhabha, articulated in his foundational work *The Location of Culture*⁶, offers a unique framework for analyzing colonial discourse, one that focuses on its ambivalence and internal contradictions⁷. Bhabha shifts the emphasis from the binary opposition of Dominant/Subordinate (often highlighted in the works of Edward Said) to the space *between* these poles.

The central concept of mimicry is defined as the colonial subject's attempt to reproduce the colonizer, thereby creating a menacing difference: "almost the same, but not quite"⁸. Mimicry is not merely a failed assimilation but a strategy that destabilizes colonial power, since the ideal colonized subject (the copy) can never be achieved, and it is in this very failure that its subversive potential lies⁹.

This failure in colonial representation leads to the emergence of hybridity. Unlike mere cultural mixing (*Mestizaje*), hybridity for Bhabha is not a peaceful synthesis but a site of conflict¹⁰ where two opposing discourses intersect and transform each other. Hybridization is a strategic act that disavows the monolithic nature of colonial power.

Crucially, hybridity is articulated in the Third Space a location where binary oppositions (Colonizer/Colonized, Tradition/Modern) are subverted, and where the possibility for new, sovereign cultural meaning emerges. This "Third Space" is a "place of intervention" that allows cultural production to escape the trap of reactive resistance and instead assert active self-determination.

2.2. Cultural Studies in Latin America: From *Mestizaje* to the Decolonial Turn

Latin American thought has a long tradition of contemplating cultural mixing, represented by concepts like transculturation¹¹ (Fernando Ortiz) and, later, *Mestizaje*¹². However, these concepts have often been criticized for

6 Bhabha H.K. *The Location of Culture*. London: Routledge; 1994. 285 p.

7 Chacón H, editor. *Online Activism in Latin America*. New York: Routledge; 2018. 328 p. // URL:<https://doi.org/10.4324/9781315202303> (13.09.2025).

8 Bhabha H.K. *Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse*. October. 1984;28:125–33.

9 *ibid*

10 Grosfoguel R. *Decolonizing Post-Colonial Studies and Paradigms of Political Economy: Transmodernity, Decolonial Thinking, and Global Coloniality*. *Transmodernity J Peripher Cult Prod Luso-Hisp World*. 2011;1(1).

11 Ortiz F. *Del fenómeno social de la transculturación y de su importancia en Cuba*. *Rev Bimestre Cubana*. 1940;46(2):1-6.

12 Machuca J.A. *Raza, nación e ideología del mestizaje en México*. *Antropol Rev Interdiscip INAH*. 2023;(45):42-51.

having been used to create a homogenous national narrative that effectively concealed structural inequality and the ongoing marginalization of Indigenous peoples¹³.

In this context, the works of Walter D. Mignolo¹⁴ and Néstor García Canclini¹⁵ gain particular relevance. Mignolo critiques the Eurocentrism of theory and calls for a decolonial turn that centers knowledge and experience originating from the “colonial difference”¹⁶. He focuses on “epistemic disobedience” as a path to uncoupling from imposed Western modernity. Bhabha’s approach, which focuses on the ambivalence of colonial discourse, complements Mignolo by showing how the very tools of oppression (e.g., Western genres) can be used for this “disobedience” from within.

Canclini describes cultural hybridity in the context of modernity and post-modernity, where mixing arises not only from the colonial past but also from globalization and new technologies¹⁷. However, his concept can sometimes be overly descriptive. Bhabha’s concept of conflictual hybridity avoids the idealization of mixing and, instead, views cultural production as a field of active, politically charged collision of discourses¹⁸. Comparative analysis suggests that the cultural production of Mexico and Colombia uses mimicry (Bhabha) as a strategic act (Mignolo) to achieve the politically active hybridity (distinguishing it from Canclini) necessary for constructing a sovereign Indigenous identity¹⁹.

2.3. Indigenous Identity in Cultural Production and the Phenomenon of Reclamation

The literature on Indigenous identity in Mexico and Colombia shows that contemporary creators consciously use Western publishing and aesthetic formats (e.g., publishing poetry in Spanish and a local language, using academic photography or performance art) to disseminate content that radically counters the Western worldview²⁰.

13 Wade P. Rethinking Mestizaje: Ideology and Discourses of Racial Mixture in Latin America. *J Lat Am Stud.* 2005;37(3):409–27.

14 Mignolo W. Epistemic disobedience and the decolonial option: A manifesto. *Transmodernity J Peripher Cult Prod Luso-Hisp World.* 2011;1(2).

15 García Canclini N. *Culturas híbridas: estrategias para entrar y salir de la modernidad.* México, D.F.: Grijalbo; 1990. 363 p.

16 Mignolo W. Epistemic disobedience and the decolonial option: A manifesto. *Transmodernity J Peripher Cult Prod Luso-Hisp World.* 2011;1(2).

17 Wade P. Rethinking Mestizaje: Ideology and Discourses of Racial Mixture in Latin America. *J Lat Am Stud.* 2005;37(3):409–27.

18 Pantin B. *Mestizaje, Transculturación, Hibridación: perspectivas de historia conceptual, análisis del discurso y metaforología para los estudios y las teorías culturales en América Latina.* [Doctoral dissertation]. [S.l.]: [s.n.]; 2008.

19 Mignolo W.D. *The de-colonial option and the meaning of identity in politics.* 2007.

20 Pizarro A. *América Latina palabra y cultura.* Ediciones Universidad Alberto Hurtado; 2013.

A key shift is the transition from resistance (as a simple reaction to external pressure) to reclamation an active and conscious process in which Indigenous peoples do not just defend their identity but redefine it, integrating, assimilating, and transforming external elements according to their own internal logics. Cultural works thus function as artifacts of reclamation, using mimicry as a Trojan horse: they adopt an external form in order to occupy public space, and then destabilize it through internal, Indigenous content. This process is the critical field of study, where reclamation asserts a new political subjectivity²¹ for Indigenous peoples.

3. Materials and Methods

The methodology employed in this study is qualitative-interpretive²² in nature, strategically combining two distinct analytical techniques: Critical Discourse Analysis (CDA)²³ and Iconographic Analysis²⁴. The application of CDA is directed toward the literary works within the corpus, serving to reveal the underlying colonial and decolonial strategies embedded in the language, narrative structures, and rhetorical choices of the Indigenous authors. Concurrently, Iconographic Analysis is utilized for the visual art and performance pieces, allowing for the systematic deciphering of the layered meanings, symbols, and the transformation of traditional visual language in contemporary contexts.

This dual-method approach ensures a comprehensive interpretive lens across both textual and visual cultural production. The research is grounded in a carefully selected and specific corpus of contemporary cultural works from Mexico and Colombia, spanning the period of 2010–2025²⁵. This precise time-frame was chosen because it represents the most recent and active period of the decolonial shift in Latin America following the 2010s, allowing the study to analyze the most current manifestations and consequences of this pivotal cultural and political movement. The corpus is composed of 15 representative case studies, selected through rigorous criteria to ensure relevance to the research question.

Specifically, the study includes Literary Texts (a) created directly by Indigenous authors who intentionally employ bilingual structures (such as the use of Maya/Spanish in the works of Sol Ceh Moo and Isaac Carrillo Can) or those

21 *Duque F.* Arte público y espacio político. Vol. 61. Ediciones Akal; 2001.

22 *Chilisa B.* Indigenous Research Methodologies. Los Angeles: Sage Publications; 2012. 320 p.

23 *Kress G.* Critical discourse analysis. *Annu Rev Appl Linguist.* 1990;11:84-99.

24 *Бабков А.В.* Иконография как метод геополитического анализа. *Власть.* 2010;(9):30-33.

25 *Rivera Cusicanqui S.* Un mundo ch'ixi es posible Ensayos desde un presente en crisis. 2018.

who operate with an openly decolonial approach (like poets from the Sierra Tarahumara region in Mexico or representatives of the Misak people in Colombia, such as Fredy Chikangana)²⁶.

Additionally, the corpus encompasses Visual Art and Performance (b) that consciously use and transform traditional symbolism²⁷ and ancestral rituals, translating them into contemporary, often urban, contexts²⁸, as exemplified by the installations of Betsabeé Romero or the performances of María José Arjona. Throughout this analysis, the theoretical concepts of Homi K. Bhabha namely mimicry, ambivalence, and the Third Space²⁹ serve as the central analytical lens. This framework is used to precisely identify moments of ambivalence³⁰ where the dominant colonial discourse encounters effective cultural subversion³¹, and to analyze the emergence of the “Third Space” as the crucial location for genuine cultural articulation and sovereign self-determination³². This application of Bhabha’s triad allows the research to assess the strategic transition artists are making from mere *tactical imitation* to profound strategic reclamation.

3.1. Corpus Formation Criteria and Composition (Extended Text)

The formation of the research corpus is based on a purposive sampling method, meticulously encompassing cultural productions from two pivotal Latin American regions: Mexico and Colombia. These countries were deliberately chosen because they serve as highly representative examples of complex post-colonial contexts, characterized not only by their high degree of ethnocultural diversity but also by the persistent intensity of conflicts linked to issues of territory, memory, political autonomy, and cultural representation.

The criteria for including works in the corpus are stringent: all pieces must meet the criterion of actuality, having been created or first publicly presented in the period of 2010–2025 (though the analysis allows for retrospective examination of landmark works that decisively shape the contemporary decolonial

26 *Betancur Arias V.* Lo político de lo espiritual y lo espiritual de lo político en el Resguardo Misak-Guambiano La María, Piendamó, Cauca, Colombia. Reflexiones en torno a la memoria, la espiritualidad y el Buen Vivir [Master’s thesis]. Quito: Universidad Andina Simón Bolívar, Sede Ecuador; 2017.

27 *Zapata Gil DJ.* La pintura facial y corporal del pueblo indígena Emberá Dóbida y el establecimiento del performance como vehículo comunicativo [tesis doctoral]. La Plata: Universidad Nacional de La Plata; 2025

28 *Rodríguez I.M.*, Benavides ACP. El arte indígena contemporáneo: La acción político-cultural de las propuestas visuales de los pueblos indígenas del sur de Colombia, 2010–2020.

29 *Pardo C.R.* Reseña crítica sobre el concepto de tercer espacio de Homi Bhabha: del local de la cultura hasta nuevas minorías, nuevos derechos—notas sobre cosmopolitismo vernáculos. *Rev Interinstitucional Artes Educar.* 2017;3(3):377-85.

30 *Grosfoguel R.* Decolonizing the Knowledge Production in the Academy and the Movement of the Global South. *Hum Archit J Sociol Self-Knowl.* 2015;13(1):15–26.

31 *Parry B.* Problems in current theories of colonial discourse. In: *Postcolonism.* Routledge; 2023. P. 714-47.

32 *García Canclini N.* Culturas híbridas: estrategias para entrar y salir de la modernidad. México, D.F.: Grijalbo; 1990. 363 p.

discourse, such as key pieces by Darío Ortiz or Beatriz González). Furthermore, each work must possess a clear decolonial thematic focus, directly or indirectly challenging the structures of colonial and neocolonial heritage³³, which includes critiquing state policies, globalization, and Eurocentric cultural narratives. Finally, the works must demonstrably utilize hybrid forms, evidenced by the mixing of languages, genres, or media. In total, the corpus includes 15 key works comprising both textual and visual case studies.

In the Mexico section³⁴, the literary analysis concentrates on Indigenous-authored works that deliberately combine Spanish and local languages (primarily Maya), where this bilingualism functions not merely as a communication tool but as a significant political and aesthetic act of resistance against the official concept of *Indigenismo*.

Key examples include the works of Sol Ceh Moo ("*Chen tumeen x ch'úupen = Solamente por ser mujer*," 2014), which analyzes the discrimination faced by Indigenous women in both traditional and modern societies, and the poetry of Isaac Carrillo Can ("*U yóok' otilo'ob áak'ab / Danzas de la noche*," 2010), which celebrates the stars and territory in the Maya language. Mexican visual art is represented by artists who use pre-Hispanic motifs while consciously imitating the styles of historical or tourist representation to criticize cultural tourism and globalization. This includes series by Betsabeé Romero ("*La espiral sin fin*," exhibited 2024), where engraved tires and road signs symbolize migration, borders, and the impossibility of forgetting, as well as the murals of Curiot Tlapayotl, which intricately weave ancient motifs with geometry and vibrant urban folklore.

In the Colombia section, the corpus spans literature and memory, represented by Indigenous authors from the Cauca and Amazonian regions, who focus on the crucial role of traditional knowledge in restoring social structure and collective memory concerning the conflict. Examples include the poetry of Fredy Chikangana ("*Kentipay llattantutamanta / El colibrí de la noche desnuda*," 2021), which reflects his involvement in the *Minga de Resistencia* (Indigenous resistance movement), and the works of Hugo Jamioy Juagibioy ("*Danzantes del viento*," 2010), which delve into the knowledge of the *taitas* (traditional healers) and the Amazonian/Andean universe. Colombian installations and performance art, such as Clemencia Echeverri's video-installations ("*FIEBRE*," 2024 and "*Infantes al volver*," 2025) which focus on the Cauca Riv-

33 Quijano A. Colonialidad del poder, eurocentrismo y América Latina. In: La colonialidad del saber: eurocentrismo y ciencias sociales. Perspectivas latinoamericanas. Buenos Aires: CLACSO; 2000.

34 UNESCO. quadrennial periodic report mexico 2024 general information (2020-2023). // URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000388463> (accessed 12.08.2025).

er as a site of violence and oblivion, and the climatic crisis in the *páramos* (high-altitude wetlands) and the performances of María José Arjona (“*Walk Slowly*”), create a tense field for analyzing the dialogue between traditional ritual elements, organic materials, and modern gallery spaces.

The section also includes the critical art of Beatriz González (“*Máteme a mí que yo ya viví lo suficiente*”), which reflects the dual path of memory regarding the Colombian conflict.

3.2. Method of Analysis: Critical Discourse Analysis (CDA)

The primary research tool employed is Qualitative Critical Discourse Analysis (CDA)³⁵, which fundamentally treats the selected cultural works not merely as static artifacts but as dynamic social practices that actively participate in the processes of forming, maintaining, and contesting power relations. The application of CDA in this investigation is rigorously structured into three consecutive and mutually reinforcing stages. The first, Descriptive Analysis, involves a meticulous and detailed description of the linguistic, formal, and genre-specific features of each cultural piece³⁶. This stage covers a wide range of elements, from analyzing the syntax, intertextual references, and color palettes used in visual art to examining the strategic deployment of traditional versus contemporary media in video installations and performances. During this phase, for example, the study precisely documents the bilingualism (Maya-Spanish) present in the texts of Isaac Carrillo Can (“*U yóok’ otilo’ob áak’ab / Danzas de la noche*”) or Sol Ceh Moo (“*Chen tumeen x ch’úupen*”), records the deconstructive, diagrammatic form found in works by Darío Ortiz (“*Pico y Elote*”), and notes the hybrid use of migration symbols in Betsabeé Romero’s installation (“*La espiral sin fin*,” 2024).

The second stage, Interpretive Analysis³⁷, is focused on uncovering the hidden or latent meanings and ideological messages intricately linked to colonial heritage, decolonial critique, and the complexities of Indigenous identity. Here, the research seeks to articulate *how* the symbolic “duel” in Beatriz González’s work (“*Máteme a mí que yo ya viví*”) reflects the national memory or forgetting of violence; *how* Fredy Chikangana’s poetry (“*Kentipay llattantutamanta / El colibrí de la noche desnuda*,” 2021) strategically uses Ambivalence as a resistance strategy to re-establish the crucial connection between the Misak language and the struggle for land; and *how* María José Arjona, through

³⁵ Mogashoa T. Understanding critical discourse analysis in qualitative research. *Int J Humanit Soc Sci Educ.* 2014;1(7):104-13.

³⁶ Yemelianova O.V. Methodological instructions for the practical classes on the discipline “Theory of Language Discourse with the Content Module: Composition of Texts of Different Genres”. 2025.

³⁷ Douglas E.P. Beyond the interpretive: Finding meaning in qualitative data. In 2017 ASEE Annual Conference & Exposition 2017 Jun 24.

her performance “*Walk Slowly*,” effectively politicizes the body as a territory of resistance against contemporary speed and historical oblivion.

Finally, the third stage, Explanatory Analysis, serves to establish the critical link between the analyzed cultural work and its broader social and political context, thereby explaining *how* the specific piece contributes to the production, reinforcement, or, most critically for this research, the active contestation of the prevailing discourse of power. This involves an analysis of *how*, for instance, the declarations on Autonomy and territorial control issued by the CRIC (Regional Indigenous Council of Cauca) (as seen in the 2021 documentary) function as political texts that strategically leverage colonial terms to assert their own rights, rather than merely literary ones. It also explains *how* Clemencia Echeverri’s installations (“*FIEBRE*,” 2024) successfully translate the ecological discourse from the typically academic sphere into the domain of collective memory regarding conflict and historical violence.

3.3. Postcolonial Hermeneutics and Operationalization of Bhabha’s Concepts

Critical Discourse Analysis (CDA) is decisively complemented by the methodology of postcolonial hermeneutics, which is founded upon the key theoretical apparatus of Homi K. Bhabha, whose core concepts serve as operational categories for the profound interpretation of the collected data. The concept of Mimicry will be identified primarily through the formal imitation of Western genres, artistic styles, or dominant discursive models. The analysis will concentrate on the moment of “almost, but not quite” that precise point where the act of imitation becomes incomplete and thereby undercuts the authority of the original (colonial) exemplar, effectively transforming it into a threat, as is visible, for example, in the strategic use of Pop Art aesthetics in the works of Beatriz González to critique political violence. Ambivalence will be detected at the critical juncture where this imitation breaks down, devolves into parody, or where the colonial discourse exhibits an unexpected “silencing” or failure, thus capturing the inherent duality of a power structure that simultaneously requires the “Other” for its own definition yet harbors a deep fear of it. This will manifest in the analysis of CRIC Testimonies on autonomy, which appropriate colonial political terms (*Autonomy*) and imbue them with an irreducible communal/spiritual meaning, as well as in the dual symbolism of tires and migration signs in Betsabé Romero’s installations (“*La espiral sin fin*,” 2024). Finally, the Third Space (of Enunciation) will be analyzed as the crucial locus for the emergence of a new,

hybrid meaning understood not as a simple synthesis, but as a dynamic zone of negotiation that belongs neither to the original colonial culture nor to an idealized “pure” Indigenous culture.

The research will demonstrate exactly how new cultural and linguistic forms are forged in this space, exemplified by the potent bilingualism of Maya writers (Sol Ceh Moo, Isaac Carrillo Can) or the botanical drawings of Abel Rodríguez (Mogaje Guihu), who translate traditional Amazonian knowledge into the specific language of Western painting.

To demonstrate the complementary application of CDA and Bhabha’s Hermeneutics, two case examples are provided: The analysis of the visual case “*Pico y Elote*” by Darío Ortiz (Exhibition 2024) shows: the Descriptive Analysis (CDA) details the explosive, deconstructed appearance of the objects; Mimicry (Bhabha) emerges in the imitation of a scientific/engineering discourse; Ambivalence (Bhabha) appears due to the contradiction between an icon of Mexican identity (*elote*/corn) and the symbol of foreign, industrial production (*pico*/pick-up truck); and the Third Space is born from the collision of industrial form and Latin American surrealism, yielding a critical discourse on consumption and cultural hybridism.

In the case of Clemencia Echeverri’s “*FIEBRE*” (2024) the CDA describes the use of a digital archive to document the *páramos*; Mimicry is the imitation of the format of a scientific documentary film; Ambivalence is the tension between capturing elusive memory and the ephemeral nature of the environment within a rigid digital format; and the Third Space is born from the collision of technology and unfixable, organic memory, ultimately politicizing ecology as an integral part of Colombia’s violent history.

To demonstrate the complementary application of Critical Discourse Analysis (CDA) and Bhabha’s Hermeneutics, here is an example analysis of two visual case studies.

3.4. Ethical and Methodological Considerations

All cultural works included in the corpus are publicly accessible, ensuring the transparency and verifiability of the research. Particular attention is paid to ethical and methodological considerations when working with materials created by Indigenous peoples. The interpretation of these materials is conducted with the utmost caution to avoid further extractivist or instrumental categorization, which often characterizes Western anthropological and art historical approaches.

The analysis focuses exclusively on the critique of the discourse and the socio-cultural consequences of the works, rather than on the psychological eval-

uation of individual authorial intentions. For instance, when examining the poetry of Fredy Chikangana (“*El colibrí de la noche desnuda*,” 2021) or the CRIC texts on autonomy (2021), the attention is directed toward the discursive shift these works introduce into the national narrative, not the biography of the author or the political organization itself.

Table 1. Application of CDA and Bhabha’s Hermeneutics (Case Analysis).

Case	Descriptive Analysis (CDA)	Application of Bhabha’s Concepts	Conclusion (Third Space)
Darío Ortiz, “Pico y Elote” (Exhibition 2024)	Describes the use of a diagrammatic form and the explosive deconstruction of objects (a disassembled VW Beetle and corn/maize).	Mimicry: Imitation of a scientific/engineering discourse (the exploded diagram). Ambivalence: The contradiction between the symbol of Mexican identity (VW Beetle/maize) and the icon of global/foreign production (the car itself, treated as an engineering object).	Emerges from the collision of industrial form and Latin American surrealism, creating a critical discourse on consumption, globalism, and cultural hybridism.
Clemencia Echeverri, “FIEBRE” (2024)	Describes the use of a video installation (3 projections) and digital archives to capture the páramos (high-altitude wetlands) and the ecological catastrophe.	Mimicry: Imitation of the format of a historical/scientific documentary film. Ambivalence: The attempt to fix elusive memory and the ephemeral nature of the environment within a rigid, deterministic digital format.	Is born from the clash of technology and unfixable, organic memory, thereby politicizing ecology as an integral part of Colombia’s violent history and forced forgetting.

While recognizing the complexities of representation, especially in works dealing with violence and memory (such as the video installations of Clemencia Echeverri e.g., “*FIEBRE*” 2024 or “*Infantes al volver*” 2025 and the paintings of Beatriz González), the study strives to create a decolonial framework that respects the autonomy and interpretive rights of the communities. Simultaneously, it maintains the critical distance necessary for academic analysis, neither idealizing nor marginalizing the studied case examples.

Table 2. Corpus of Contemporary Decolonial Cultural Production (2010–2025).

MEXICO

№	Type	Proposed Title (Year)	Author/Artist	Central Idea for Analysis (Bhabha/CDA Perspective)
1	Literature (Maya Poetry/ Prose)	Dances of the Night (2010) / Things Never Heard (2007)	Isaac Carrillo Can	Third Space: Uses bilingualism (Maya-Spanish) not as translation, but as a coexistence of narratives. Maya is asserted as a language-subject that confronts and expands the boundaries of Spanish literature.
2	Literature (Maya Prose)	Only Because She is a Woman (2014)	Sol Ceh Moo	Ambivalence: A novella that utilizes the genre forms of Western prose to denounce ethnic and gender discrimination. The injection of a critical Maya vision shatters the Eurocentric universalism of justice.
3	Visual Art (Installation)	Beetle Trilogy (Period) / Pico y Elote (Exhibition up to 2024)	Darío Ortega	Mimicry: The disassembly and reassembly of industrial and everyday objects (VW Beetle, corn/maize) imitates the analytical methods of Western science but is redirected to critique globalization and post-industrial chaos.
4	Visual Art (Performance,	Intimacies... Or Not (Text 2021)	Mónica Mayer	Ambivalence/Institutional Critique: Text that imitates a personal confession/questionnaire to subvert and critique the demands and exhaustion imposed by the market and institutional structure of the Western art world.
5	Literature (Rarámuri Poetry)	Rarámuri Traces (2022)	Rarámuri Poets (e.g., María N. Gardea Cruz)	Third Space: Demonstrates how contemporary Indigenous poetry (e.g., Rarámuri) moves beyond traditionalist clichés, embracing personal identity and modern concerns, asserting linguistic sovereignty.
6	Visual Art (Installation/ Sculpture)	The Endless Spiral (Exhibition 2024)	Betsabeé Romero	Mimicry/Hybridization: The use of symbols of mass mobility (tires, road signs) and folklore (papel picado) to critique global themes (migration, borders), hybridizing high and low culture.
7	Visual Art (Mural)	Mythical Creatures and Geometry (Period)	Curiot Tlapayotl	Third Space: The fusion of pre-Hispanic mythology and geometric abstraction, creating a new urban language that affirms cultural survival and identity in the modern megalopolis.

COLOMBIA

№	Type	Proposed Title (Year)	Author/ Artist	Central Idea for Analysis (Bhabha/CDA Perspective)
8	Literature (Misak Poetry)	The Hummingbird of the Naked Night (2021)	Fredy Chikangana	Ambivalence: Poetry that breaks the linear temporality and structure of Western language, using the Colonial Language (Spanish) as a Trojan horse to introduce the Misak worldview.
9	Visual Art (Performance)	Walk Slowly (Period) / Life Line (2019)	María José Arjona	Third Space: The transfer of ritualistic practices of body and memory into institutional/urban spaces (MAMM, ArtBA), politicizing the body as a territory of resistance against speed and forgetting.
10	Visual Art (Painting/ Graphic)	The Sisgas' Killers (Period) / War and Peace (Exhibition 2023-2025)	Beatriz González	Mimicry: Use of Pop Art style and mass media clichés to critique political violence in Colombia. Imitation of a popular aesthetic language to subvert it and transform it into an archive of pain.
11	Literature (Kamentsá Poetry)	Dancers of the Wind (2010)	Hugo Jamióy Juagibióy	Epistemic Sovereignty: Assertion of the Kamentsá language and its cosmology as an equal, if not superior, linguistic system. Poetry functions as a repository of traditional knowledge.
12	Visual Art (Drawing)	Tree of Life and Abundance (2019)	Abel Rodríguez (Mogaje Guihu)	Third Space: Art that functions simultaneously as an ethnobotanical map and a knowledge repository. Challenges museological categorization (art vs. science/anthropology).
13	Visual Art (Photo-Performance, Video)	Eye of the Crazy Woman (2020) / Miss Photo Japan (Period)	Juan Pablo Echeverri	Mimicry: Self-performance that imitates pop culture, selfies, and social media to critique gender binaries and norms, subverting them from within.
14	Political Texts/ Video (CDA)	Documentary "Autonomy" (2021)	CRIC (Regional Council of Cauca)	Political Ambivalence: Strategic use of Western political terms ("autonomy," "territory") to assert their own law and law of origin, allowing for negotiation while simultaneously maintaining sovereignty.
15	Visual Art (Video Installation)	Fever (2024) / Infants Upon Return (2025)	Clemencia Echeverri	Third Space: Use of digital media and installation to archive unfixable memory (rivers, victims, páramo), creating a hybrid space where memory coexists with ecological disaster (2024/2025).

4.1. Analysis I: Mimicry as Decolonial Performance (Colombia Cases)

In the Colombian section of the corpus, works focused on the memory of the internal armed conflict and cultural sovereignty demonstrate a clear mimicry of Western genres, such as documentary prose, testimonial accounts, or museum video installations. However, the strategic introduction of untranslated words, mythological structures, or the unique temporal systems of Indigenous peoples, such as the Kamentsá or Misak, interrupts the expected Western narrative trajectory. This generates a profound Ambivalence: the text or work is “Western enough” to be published, exhibited in galleries, and received by a global audience, but its “insufficiency” or conscious failures subvert it from within, compelling the global reader and viewer to engage with an alternative, Indigenous epistemology.

In-depth Analysis of Epistemic Ambivalence (Cases 12 and 14 – Abel Rodríguez and CRIC) In the literary-botanical genre, the works of Abel Rodríguez (Mogaje Guihu), such as “*El árbol de la vida y la abundancia*” (Case 12, 2019), utilize the traditional form of scientific illustration or Western artistic drawing (Mimicry). However, their content a comprehensive narrative on Amazonian pharmacopeia, forest seasonality, and traditional names functions not as mere artistic fiction or a botanical reference book, but as a repository of traditional knowledge translated into visual form. The Ambivalence arises in the classification of the text/image: Is it art or science/ethnobotany? By occupying this liminal space, the author challenges the authority of the Western scientific canon, which historically delegitimized Indigenous knowledge as “superstition” or “folklore.” Thus, the work asserts itself as a Third Space of articulation, where the form (drawing) negotiates with the content (Indigenous epistemology).

In the political sphere, the “Documentary film on Autonomy” (Case 14, 2021), an anthology of political texts by the CRIC (*Consejo Regional Indígena del Cauca*), uses Critical Discourse Analysis (CDA) to expose the Mimicry of state language. Indigenous leaders employ colonial terms such as “sovereignty,” “autonomy,” and “territory” to negotiate with the government. However, the interpretive analysis (CDA) reveals that these terms are infused with a deeply communal and spiritual meaning, creating political Ambivalence. The discourse is formally acceptable to the bureaucracy, but internally, it subverts the Western individualistic concept of property and power, demanding cultural sovereignty based on a collective worldview.

In-depth Analysis of Ritual and Technological Intervention (Cases 9, 13, and 15 – Arjona, Echeverri, and Clemencia Echeverri) The analysis of

María José Arjona's performance ("Walk Slowly," Case 9) is complemented by an analysis of digital installations, such as "FIEBRE" and "Infantes al volver" (Clemencia Echeverri, Case 15, 2024–2025). Arjona's performance uses the Mimicry of Western conceptual art (duration, minimalism), but its power stems from its ritual and bodily focus, creating Ambivalence between the gallery object and a meditative practice. Clemencia Echeverri's works, conversely, use the Mimicry of historical archives and video documentary, capturing images of the Cauca River and its ecosystem, but subject them to digital manipulation and soundscapes to counter fixed, "official" memory. The result is a Third Space where official history (fixed on film) is deconstructed by living and ephemeral memory (digital projection), creating a dialogue-negotiation that excludes any single truth about the conflict. Finally, Juan Pablo Echeverri's visual series ("Miss Foto Japón," "Ojo de Loca," Case 13, 2020), a multi-year self-performance, uses the Mimicry of mass photography and pop culture (photo booths) to generate Ambivalence and a critique of gender identity within the Latin American context.

4.2. Analysis II: The Third Space and Reaffirmation in Visual Art (Mexico Cases)

Mexican artists are actively utilizing photography, video art, muralism, and installation as media for decolonial intervention. Specifically, they frequently engage with symbols of Mexican nationalist mythology (e.g., the figure of La Malinche, archaeological ruins like Teotihuacan, or icons of industrialization)³⁸. This choice is not accidental: it represents a subtle act of Mimicry of historical representation, allowing artists to occupy the central public space and leverage official cultural capital to deliver their own critical message. This is evident in the work of Darío Ortega ("The Beetle Trilogy" / Exhibition "Pico y Elote," Case 3), where the "Beetle" an icon of industrialization is deconstructed into an academic diagram, using the Mimicry of an engineering blueprint to critique dependency.

In-depth Analysis of Mimicry and the Critique of Commercialization (Cases 6 and 7 – Romero and Curriot) The strategy of Mimicry is well-illustrated by Betsabeé Romero's series "La espiral sin fin" (Case 6, exhibition 2024), which imitates state folklorism and tourist art by engraving ritual and symbolic motifs onto car tires. The use of tires icons of globalization, consumption, and migration—creates Ambivalence: the work is simultaneously a symbol of ancient art (the engraving) and a critique of global commercialization and oil dependency. This Third Space utilizes Western industrial material to dissem-

38 Candelaria C. La Malinche, feminist prototype. *Front J Women Stud.* 1980:1-6.

inate a message of cultural sovereignty and memory that escapes institutional control, settling instead in urban spaces.

In the murals of Curiot Tlapayotl (Case 7, “*Zyenactl*,” “*Quetzen-tul*”), Mimicry manifests in the use of Aztec and Mayan motifs and forms. The Third Space arises from the juxtaposition of these symbols of antiquity with the visual language of contemporary graffiti and urban design. The Explanatory Analysis (CDA) demonstrates that the artist is not merely celebrating the past but affirming that pre-Hispanic heritage is an active and political layer of the urban present, rejecting the marginalization of these cultures to rural zones or museum halls.

In-depth Analysis of Narrative Ambivalence (Cases 1 and 2 – Carrillo Can and Ceh Moo) In bilingual prose, beyond poetry, Ambivalence is also deployed as a weapon. In Sol Ceh Moo’s novel “*Chen tumeen x ch’úupen = Solamente por ser mujer*” (Case 2, 2014, Maya/Spanish) and the poetry of Isaac Carrillo Can (“*U yóok’ otilo’ob áak’ab / Danzas de la noche*,” Case 1, 2010), the structure conforms to traditional Western genres (poetic collection, social novel)– this is the Mimicry. However, Descriptive Analysis (CDA) shows that the temporality, causality, and structure of family relationships described in the novel are governed by Mayan cosmology and social logic, and in the poetry, by an Indigenous understanding of territory. This creates a narrative Ambivalence that disorients and defamiliarizes the Spanish-speaking reader, forcing them to accept a narrative logic distinct from their own and to confront the critique of patriarchy (in Ceh Moo’s case) and colonial oppression (in both authors) through an Indigenous prism.

Thus, the Mexican works function as a Third Space of articulation. In this space, there is neither a complete acceptance of the homogenizing national myth (which denies the multiplicity of identities) nor its outright rejection. Instead, a platform for sovereign articulation is created that redefines the very concept of the nation, incorporating multiple, active, and self-determining Indigenous identities³⁹. This process decentralizes power over the narrative, shifting it from the central state to peripheral communities.

Comparative Analysis: Mexico vs. Colombia Decolonial Strategies

A comparative analysis of cultural production in Mexico and Colombia reveals fundamental differences in their dominant decolonial strategies, which are conditioned by their sharply distinct historical and political contexts. If the

³⁹ Daigle M. Awawaneitakik: The spatial politics of recognition and relational geographies of Indigenous self-determination. *Can Geogr/Le Géogr Can.* 2016;60(2):259-69.

dominant strategy for Mexico (especially in the central and southern regions) is historical and archaeological mimicry, the focus for Colombia (Cauca and Amazonian regions) is immediate political subjectivity and territorial defense, deeply rooted in ongoing conflict.

In Mexico, the strategy of reclamation often turns to historical and archaeological mimicry, as demonstrated by Darío Ortega (Case 3), who uses an icon of capitalism to critique national dependency, and Betsabeé Romero (Case 6, 2024), who recodes industrial materials with pre-Hispanic motifs. The use of pre-Hispanic symbols and their inclusion in contemporary art serves to assert antiquity and cultural continuity, acting as a powerful response to state attempts to marginalize Indigenous identity as relics of the past. The goal of the Mexican cases is to prove that pre-Hispanic culture is not “dead” but alive, and has a full right to presence in the contemporary cultural field, with bilingualism (Cases 1, 2) being a key aesthetic and political method.

In Colombia, conversely, where cultural production is deeply intertwined with armed conflict, forced displacement, and territorial defense, the reclamation strategy is more closely tied to immediate political subjectivity and the right to land; hybridity is utilized here as a tool for resistance and survival. Art often takes the form of performance or installation that literally transplants traditional rituals and knowledge from the rural community into the urban gallery, thereby declaring the living presence and political will of Indigenous peoples who oppose both state and non-state violence. A key method here is the incorporation of ritual elements into urban art (Case 9, María José Arjona) and the creation of narratives about memory and the body as territory (Case 15, Clemencia Echeverri; *FIEBRE*, 2024). Ambivalence in Colombian cases, such as the CRIC Declarations (Case 14, 2021), is frequently linked to the threat of violence and the necessity of asserting living memory and the preservation of living territory, while in the Mexican cases, it is typically linked to the critique of commodity culture, forgery, and the manipulation of national identity. This contrast confirms the thesis that decolonial strategies are not universal but are conditioned by specific historical trauma and the degree of political autonomy of the communities.

4.3. Comparative Conclusions (Mexico vs. Colombia)

A comparative analysis of the cultural production in Mexico and Colombia reveals significant differences in their decolonial strategies, which are fundamentally conditioned by their distinct historical and political contexts.

Table 3. Comparative Analysis: Discourses of Cultural Reclamation in Mexico (Central/Southern Regions) and Colombia (Cauca/Amazonia).

Aspect	Mexico(Central/Southern Regions)	Colombia (Cauca/Amazonia)
D o m i n a n t Strategy	Historical and archaeological Mimicry. Uses colonial/national forms with Indigenous content to critique the market and consumerism.	Political Subjectivity and Territorial Defense. Uses hybrid media to assert a living presence amidst ongoing conflict.
Key Authors/Cases	Darío Ortega (C3): <i>The Beetle Trilogy / Pico y Elote</i> . Betsabé Romero (C6): <i>La espiral sin fin</i> (2024). Sol Ceh Moo (C2): <i>Solamente por ser mujer</i> (2014).	CRIC (C14): Documentary “Autonomy” (2021). Clemencia Echeverri (C15): <i>FIEBRE</i> (2024). Abel Rodríguez (C12): <i>El árbol de la vida y la abundancia</i> (2019).
Form of Reclamation	To assert antiquity, cultural continuity, and legitimacy within the urban and global environment.	Resistance to current conflict, documenting violence, and preserving living memory and territory.
Form of Ambivalence	Related to the critique of commodity fetishism and the falsification of national identity (nationalism vs. globalization).	Related to the threat of violence, the necessity to assert living memory, and the impossibility of being a mere object (assertion of subjectivity).
Key Method	Recoding nationalistic symbols (Ortega); bilingualism as an aesthetic (Carrillo Can, Ceh Moo); critique of museumification (Mayer).	Incorporation of ritual elements into urban art (Arjona); narratives about memory and the body as territory (Clemencia Echeverri); bilingualism as an act of survival (Chikangana, Jamioy).
Resulting Third Space	A zone where the national myth is redefined as multiple, actively integrating the past into the present cultural field.	A zone where traditional knowledge negotiates with the state (territoriality) and fixes an alternative history of the conflict.

5. Discussion and Conclusion

Analysis of the cultural production in Mexico and Colombia (2010–2025) reveals that cultural mimicry, understood by Bhabha as the repetition of the colonial norm that is “almost the same, but not quite”⁴⁰, is strategically transformed into a strategy of subversion. In the corpus studied, hybridity is not

40 Bhabha H.K. Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse. October. 1984;28:125–33.

a passive mixture but a battlefield where Indigenous elements (languages, myths, worldviews) are grafted onto Western formal structures to actively destabilize them. Crucially, we identify a “Third Space of Sovereignty”, where Indigenous identity is reaffirmed with full subjectivity and without lapsing into essentialism, articulating a new form of cultural belonging that is both local and global⁴¹. The findings strongly confirm that Homi K. Bhabha’s conceptual apparatus particularly the concepts of mimicry, ambivalence, and the Third Space remains a powerful and relevant tool for analyzing postcolonial cultural dynamics in Latin America.

Reaffirming Bhabha in the Political Context

Contrary to widespread critique that Bhabha allegedly depoliticizes hybridity, our analysis demonstrates that, in the cultural production of Mexico and Colombia, hybridity and the Third Space function as indispensable acts of political subjectivity and reaffirmation⁴².

The Politicization of Ambivalence (Colombia Cases): The analysis shows that Ambivalence is a point of direct political tension. In Colombian cases, such as the CRIC Documentary “*Autonomy*” (Case 14, 2021) and the works of Abel Rodríguez (“*El árbol de la vida y la abundancia*,” Case 12, 2019), the formal language of power (legal terminology or the scientific genre) is used as a Trojan horse, concealing demands rooted in traditional communal knowledge. Ambivalence here is not a linguistic “failure,” but a strategic contradiction that undermines the authority of Western epistemology while simultaneously demanding recognition within its framework. The cultural forms emerging in the Third Space are not an apolitical fusion but a strategic response to power structures, where the intervening artists consciously recode colonial discourses to create conditions for their own emancipation.

Strategic Emancipation: The Sequence of Cultural Subversion

The body of work analyzed demonstrates a clear and strategic sequence that actively translates hybridity from a passive condition into an active process of emancipation: the initial Mimicry serves as the Initial Tactical Stage, allowing artists to occupy the public sphere by utilizing familiar colonial or nationalistic forms, a strategy visible in Mexico through the archaeological mimicry of Darío Ortega (“*Pico y Elote*,” Case 3) or the folkloric mimicry of Betsabé Romero (“*La espiral sin fin*,” Case 6, 2024), where symbols recognized by the

⁴¹ Wade P. Rethinking Mestizaje: Ideology and Discourses of Racial Mixture in Latin America. *J Lat Am Stud.* 2005;37(3):409–27.

⁴² Escobar A. Worlds and Knowledges Otherwise: The Latin American Modernity/Coloniality Research Program. *Cult Stud.* 2007;21(2-3):179–219.

state or the market are employed but their form is critically distorted; this tactic then leads to Ambivalence, which constitutes the crucial Point of Failure the moment of tension where the mismatch between the expected colonial form and the Indigenous content becomes glaringly apparent, a failure most notable in the Colombian context through the disruption of temporality (e.g., the poetry of Fredy Chikangana, Case 8) or the distortion of the archive (e.g., Clemencia Echeverri, “*FIEBRE*” / “*Infantes al volver*,” Case 15, 2024–2025), where a living, unauthorized memory intrudes upon the official, fixed narrative; ultimately, this tension resolves into the Third Space, the Site of Strategic Emancipation, where Indigenous identity moves beyond mere survival or reaction to oppression, actively asserting itself by producing new, sovereign meanings and forms of knowledge, finding its clearest expression in the bilingual poetry of Mexico (e.g., Isaac Carrillo Can, “*Danzas de la noche*,” Case 1, 2010), where the deliberate use of Maya/Nahuatl syntax “colonizes” the Spanish language, thereby creating a linguistic sovereignty independent of the *Mestizaje* concept.

Список литературы:

1. Arjona M.J. Walk Slowly. Performance, 2003.
2. Arjona M.J. Exposición Hay que saberse infinito. MAMM [Museo de Arte Moderno de Medellín], 2019.
3. Baretta Jiménez, A. Aetnósferas, actualización de atmósferas étnicas en las prácticas artísticas contemporáneas endo exo: дис. ... 2010.
4. Bhabha H.K. The Location of Culture. London: Routledge, 1994. 285 p.
5. Bhabha H.K. Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse // October. 1984. Vol. 28. P. 125-133.
6. Betancur Arias V. Lo político de lo espiritual y lo espiritual de lo político en el Resguardo Misak-Guambiano La María, Piendamó, Cauca, Colombia. Reflexiones en torno a la memoria, la espiritualidad y el Buen Vivir: магист. дис. 2017.
7. Carrillo Can I. Ba'alo'ob mix juntéen u'uya'ak = Cosas nunca antes oídas (Cuento bilingüe). 2007.
8. Carrillo Can I. U yóok' otilo'ob áak'ab / Danzas de la noche. [Новелла, билингва]. 2010.
9. Ceh Moo S. Chen tumeen x ch'úupen = Solamente por ser mujer. [Новелла]. 2014.
10. Chacón H. (ed.) Online Activism in Latin America. – New York: Routledge, 2018. 328 p.
11. Chicangana F. Kentipay llattantutamanta / El colibrí de la noche desnuda. [Поэзия, билингва]. 2021.
12. Chilisa B. Indigenous Research Methodologies. Los Angeles: Sage Publications, 2012. 320 p.
13. CRIC. Documental 50 Años CRIC – Capítulo 4 «Autonomía». Consejo Regional Indígena del Cauca, 2021.
14. Duque F. Arte público y espacio político. Vol. 61. Ediciones Akal, 2001.
15. Echeverri C. FIEBRE. Видеоинсталляция, 2024.
16. Echeverri C. Infantes al volver. Instalación inmersiva. 2025.
17. Echeverri C. Río por asalto. Видеоинсталляция, 2001.
18. Echeverri C. Treno. Видеоинсталляция, 2007.
19. Echeverri J.P. Proyecto Miss Foto Jarón. Iniciado en 1998. [Фото-перформанс].
20. Escobar A. Worlds and Knowledges Otherwise: The Latin American Modernity / Coloniality Research Program // Cultural Studies. 2007. Vol. 21. № 2-3. P. 179-219.
21. García Canclini, N. Culturas híbridas: estrategias para entrar y salir de la modernidad. México, D.F.: Grijalbo, 1990. 363 p.
22. Gardea Cruz M.N. Huellas del rarámuri (Poemario). 2022.
23. González B. Los suicidas del Sisga (Pintura). 1965.
24. González B. Exposición Guerra y paz: una poética del gesto. MUAC, 2023-2025.
25. González B. Serie Máteme a mí que yo ya viví. [Графика].
26. Grosfoguel R. Decolonizing Post-Colonial Studies and Paradigms of Political Economy: Transmodernity, Decolonial Thinking, and Global Coloniality // Transmodernity: Journal of Peripheral Cultural Production of the Luso-Hispanic World. 2011. Vol. 1. № 1.

27. Grosfoguel, R. Decolonizing the Knowledge Production in the Academy and the Movement of the Global South // *Human Architecture: Journal of the Sociology of Self-Knowledge*. 2015. Vol. 13. № 1. P. 15-26.
28. Jamioy Juagibioy, H. Danzantes del viento = Bínÿbe oboyejuayeng. [Поэзия, билингва]. 2010.
29. Kress, G. Critical discourse analysis // *Annual review of applied linguistics*. 1990. Vol. 11. P. 84-99.
30. Machuca J.A. Raza, nación e ideología del mestizaje en México // *Antropología. Revista interdisciplinaria del INAH*. 2023. № 45. P. 42-51.
31. Makawi M. Traducción de El Principito al rarámuri (Táa Mo' Koólame). [Книга].
32. Mayer, M. Mónica Mayer: intimidades... o no: arte, vida....y....feminismo. 2021.
33. Mignolo W.D., Gómez Moreno P.P. Reconstitución estética decolonial. Universidad Distrital Francisco José de Caldas, 2021.
34. Mignolo W. Epistemic disobedience and the decolonial option: A manifesto // *Transmodernity: Journal of peripheral cultural production of the Luso-Hispanic World*. 2011. Vol. 1. № 2.
35. Mignolo W. The de-colonial option and the meaning of identity in politics. 2007.
36. Navarrete F. Alfabeto del racismo mexicano. Ciudad de México: Malpaso Ediciones, 2020.
37. Ortega D. Cosmic Thing. [Инсталляция]. 1996.
38. Ortega D. Exposición Damián Ortega: Pico y Elote. MARCO, Monterrey, до 2024.
39. Ortiz, F. Del fenómeno social de la transculturación y de su importancia en Cuba // *Revista Bimestre Cubana*. 1940. Vol. 46. № 2. P. 1-6.
40. Palermo W.M.Z. Arte y estética en la encrucijada descolonial. Ediciones del Signo, 2009.
41. Pantin B. Mestizaje, Transculturación, Hibridación: perspectivas de historia conceptual, análisis del discurso y metaforología para los estudios y las teorías culturales en América Latina: дис. ... докт. 2008.
42. Pardo C.R. Reseña crítica sobre el concepto de tercer espacio de Homi Bhabha: del local de la cultura hasta nuevas minorías, nuevos derechos—notas sobre cosmopolitismo vernáculos // *Revista Interinstitucional Artes de Educar*. 2017. Vol. 3. № 3. P. 377-385.
43. Pizarro A. América Latina palabra y cultura. Ediciones Universidad Alberto Hurtado, 2013.
44. Rivera Cusicanqui S. Un mundo ch'ixi es posible Ensayos desde un presente en crisis. 2018.
45. Rodríguez A. El árbol de la vida y la abundancia (Иллюстрация). 2000s.
46. Rodríguez I.M., Benavides A C.P. El arte indígena contemporáneo: La acción político-cultural de las propuestas visuales de los pueblos indígenas del sur de Colombia, 2010-2020.
47. Romero B. Exposición La espiral sin fin. [Инсталляция]. Bienal de Venecia, 2024.
48. Tlapayotl C. Murales Zyenaactl y Quetzen-tul. [Мурализм].
49. Wade P. Rethinking Mestizaje: Ideology and Discourses of Racial Mixture in Latin America // *Journal of Latin American Studies*. 2005. Vol. 37. № 3. P. 409-427.
50. Zapata Gil D.J. La pintura facial y corporal del pueblo indígena Emberá Dóbida y el establecimiento del performance como vehículo comunicativo: докт. дис. 2025.
51. Бабков А.В. Иконография как метод геополитического анализа // *Власть*. 2010. № 9. P. 30-33.
52. Байханов И.Б. Корпоративное образование: смыслы и отличия от общего или дополнительного образования // *Альманах Казачество*. 2025. № 85 (4). С. 298-306.

Bibliography

1. Arjona M.J. Walk Slowly. Performance, 2003.
2. Arjona M.J. Exposición Hay que saberse infinito. MAMM [Museo de Arte Moderno de Medellín], 2019.
3. Baretta Jiménez, A. Aetnósferas, actualización de atmósferas étnicas en las prácticas artísticas contemporáneas endo exo: dis. ... 2010.
4. Bhabha H.K. The Location of Culture. London: Routledge, 1994. 285 p.
5. Bhabha H.K. Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse // *October*. 1984. Vol. 28. P. 125-133.
6. Betancur Arias V. Lo político de lo espiritual y lo espiritual de lo político en el Resguardo Misak-Guambiano La María, Piendamó, Cauca, Colombia. Reflexiones en torno a la memoria, la espiritualidad y el Buen Vivir: master. dis. 2017.
7. Carrillo Can I. Ba'aloób mix juntéen u'uya'ak = Cosas nunca antes oídas (Cuento bilingüe). 2007.
8. Carrillo Can I. U yóok' otiloób áak'ab / Danzas de la noche. [Novella, bilingual]. 2010.
9. Ceh Moo S. Chen tumeen x ch'úupen = Solamente por ser mujer. [Novella]. 2014.
10. Chacón H. (ed.) Online Activism in Latin America. – New York: Routledge, 2018. 328 p.
11. Chicangana F. Kentipay llantantutamanta / El colibrí de la noche desnuda. [Poetry, bilingual]. 2021.
12. Chilisa B. Indigenous Research Methodologies. Los Angeles: Sage Publications, 2012. 320 p.
13. CRIC. Documental 50 Años CRIC – Capítulo 4 “Autonomía”. Consejo Regional Indígena del Cauca, 2021.
14. Duque F. Arte publico y espacio politico. Vol. 61. Ediciones Akal, 2001.
15. Echeverri C. FIEBRE. Video installation, 2024.

16. Echeverri C. Infantes al volver. Instalación inmersiva. 2025.
17. Echeverri C. Rio por asalto. Video installation, 2001.
18. Echeverri C. Treno. Video installation, 2007.
19. Echeverri J.P. Proyecto Miss Foto Japón. Iniciado en 1998. [Photo performance].
20. Escobar A. Worlds and Knowledges Otherwise: The Latin American Modernity / Coloniality Research Program // *Cultural Studies*. 2007. Vol. 21. № 2-3. P. 179-219.
21. García Canclini, N. *Culturas híbridas: estrategias para entrar y salir de la modernidad*. México, D.F.: Grijalbo, 1990. 363 p.
22. Gardea Cruz M.N. *Huellas del rarámuri (Poemario)*. 2022.
23. González B. *Los suicidas del Sisga (Pintura)*. 1965.
24. González B. *Exposición Guerra y paz: una poética del gesto*. MUAC, 2023-2025.
25. González B. *Serie Máteme a mí que yo ya viví*. [Graphics].
26. Grosfoguel R. Decolonizing Post-Colonial Studies and Paradigms of Political Economy: Transmodernity, Decolonial Thinking, and Global Coloniality // *Transmodernity: Journal of Peripheral Cultural Production of the Luso-Hispanic World*. 2011. Vol. 1. № 1.
27. Grosfoguel, R. Decolonizing the Knowledge Production in the Academy and the Movement of the Global South // *Human Architecture: Journal of the Sociology of Self-Knowledge*. 2015. Vol. 13. № 1. P. 15-26.
28. Jamiy Juagibioy, H. *Danzantes del viento = Bínÿbe oboyejuayeng*. [Poetry, bilingual]. 2010.
29. Kress, G. *Critical discourse analysis // Annual review of applied linguistics*. 1990. Vol. 11. P. 84-99.
30. Machuca J.A. *Raza, nación e ideología del mestizaje en México // Anthropología. Revista interdisciplinaria del INAH*. 2023. № 45. P. 42-51.
31. Makawi M. *Traducción de El Principito al rarámuri (Táa Mo 'Koólame)*. [Book].
32. Mayer, M. *Mónica Mayer: intimidades... o no: arte, vida.....y.....feminismo*. 2021.
33. Mignolo W.D., Gómez Moreno P.P. *Reconstitución estética decolonial*. Universidad Distrital Francisco José de Caldas, 2021.
34. Mignolo W. *Epistemic disobedience and the decolonial option: A manifesto // Transmodernity: Journal of peripheral cultural production of the Luso-Hispanic World*. 2011. Vol. 1. № 2.
35. Mignolo W. *The de-colonial option and the meaning of identity in politics*. 2007.
36. Navarrete F. *Alfabeto del racismo mexicano*. Ciudad de Mexico: Malpaso Ediciones, 2020.
37. Ortega D. *Cosmic Thing*. [Installation]. 1996.
38. Ortega D. *Exposición Damian Ortega: Pico y Elote*. MARCO, Monterrey, until 2024.
39. Ortiz, F. *Del fenómeno social de la transculturación y de su importancia en Cuba // Revista Bimestre Cubana*. 1940. Vol. 46. № 2. P. 1-6.
40. Palermo W.M.Z. *Arte y estética en la encrucijada des colonial*. Ediciones del Signo, 2009.
41. Pantin B. *Mestizaje, Transculturación, Hibridación: perspectivas de historia conceptual, análisis del discurso y metaforología para los estudios y las teorías culturales en América Latina: dis. ... doc*. 2008.
42. Pardo C.R. *Reseña crítica sobre el concepto de tercer espacio de Homi Bhabha: del local de la cultura hasta nuevas minorías, nuevos derechos-notas sobre cosmopolitismo vernáculos // Revista Interinstitucional Artes de Educar*. 2017. Vol. 3. № 3. P. 377-385.
43. Pizarro A. *América Latina palabra y cultura*. Ediciones Universidad Alberto Hurtado, 2013.
44. Rivera Cusicanqui S. *Un mundo ch'ixi es posible Ensayos desde un presente en crisis*. 2018.
45. Rodríguez A. *El árbol de la vida y la abundancia (Illustration)*. 2000s.
46. Rodríguez I.M., Benavides A.C.P. *El arte indígena contemporáneo: La acción político-cultural de las propuestas visuales de los pueblos indígenas del sur de Colombia, 2010-2020*.
47. Romero B. *Exposición La espiral sin fin*. [Installation]. Bienal de Venecia, 2024.
48. Tlapayotl C. *Murales Zyenaclt y Quetzen-tul*. [Muralism].
49. Wade P. *Rethinking Mestizaje: Ideology and Discourses of Racial Mixture in Latin America // Journal of Latin American Studies*. 2005. Vol. 37. № 3. P. 409-427.
50. Zapata Gil D.J. *The facial and corporal image of the indigenous people of Emberá Dóbida and the establecimiento del performance como vehículo comunicativo: Doctoral diss*. 2025.
51. Babkov A.V. *Iconography as a method of geopolitical analysis // Vlast*. 2010. № 9. P. 30-33.
52. Bayhanov I.B. *Corporate education: meanings and differences from general or additional education // Almanac Cossacks*. 2016. № 85 (4). P. 298-306.

Си Хань

*Управление политических исследований,
Сычуаньский провинциальный комитет КПК, Чэнду, Китай.*

**Прорыв и расширение китайской
сельскохозяйственной отрасли машиностроения:
глобальное позиционирование в условиях
технических барьеров в торговле**

Xi Han

Policy Research Office, the CPC Sichuan Provincial Committee, Chengdu China.

**Breakthrough and expansion of Chinese
agricultural machinery industry: global positioning
under technical barriers to trade**

1 Introduction

1.1 Research Background

Global agricultural modernization process has accelerated over the years as agricultural mechanization becoming key to enhancing production efficiency and sustainable development. Global agricultural machinery market size reached \$184 billion in 2021 and is projected to increase to \$374 billion by 2030, with a compound annual growth rate of approximately 8.2% from 2021 to 2030¹. This growth stems from the urgent need in various countries to improve agricultural production efficiency and ensure food supply chain security.

Despite challenges such as trade protectionism and global economic uncertainties, free trade agreements like RCEP have created more favorable conditions for the cross-border trade of agricultural machinery. Likewise, economic growth in emerging markets provides broad space for this market.

China, as a major producer and consumer of agricultural machinery, this industry has developed rapidly with policy support. In 2020, the export value

1 Data Source: Liding Industry Research Network, August 24, 2023

of these products reached \$8.747 billion, a year-on-year increase of over 10%². Products such as transplanters and tractors are popular in international markets, particularly in Southeast Asia and Africa, due to their cost-effectiveness. Domestic companies are enhancing their influence and proficiency through innovation and cooperation, narrowing the gap with their international counterparts. However, stringent environmental and technical standards in high-end markets like Europe and America remain challenges that they need to overcome. Further research on Technical Barriers to Trade (TBT) in major export markets will be crucial for addressing international challenges.

Based on the TBT environment in domestic main agricultural machinery exporters, this study will conduct comprehensive investigation in Shuangfeng County, Hunan Province which is renowned as the “Hometown of Chinese Agricultural Machinery”. It will examine how the local enterprises achieve successful competition through innovation-driven strategies, expanding into ASEAN and African markets.

1.2 Research Objectives and Questions

This study aims to analyze TBT faced by Chinese agricultural machinery in key export markets such as North America, the European Union, Russia and Southeast Asia. It seeks to assess the impact of these barriers on export volume, value and market share. By surveying the international successful practices, it will try to provide a set of coping strategies. These strategies will cover aspects such as technological research and development, quality improvement, process optimization and international negotiations. Eventually, it can play a positive role in the adverse effects of TBT, the international competitiveness of products and the sustainable development of the industry.

This research primarily addresses the following three questions. First, what are the mechanisms and impact of TBT on the export of Chinese agricultural machinery products? Second, what strategies and measures should be adopted at the governmental, industrial and corporate levels to effectively address these barriers? Third, in the context of evolving global trade, how should Chinese agricultural machinery industry position itself for sustainable international development in the future?

2 Methodology

2.1 Research Methods

To identify and analyze TBT for Chinese agricultural machinery and their impact on exports, and to propose effective coping strategies, this study pri-

2 Data Source: International Business Daily, March 16, 2021

marily employs the following three methods.

First, this research clarifies the definition, classification, trends and impact on international trade of TBT, with particular attention to its specific effects on agricultural machinery exports. The review is made from multiple sources, including database (e.g., Web of Science, Scopus, CNKI), policy documents and industry reports.

Second, some countries or regions are selected as case studies to conduct an in-depth analysis of the actual impact of TBT measures on Chinese agricultural machinery exports.

Third, this study utilizes qualitative analysis methods, such as interviews and group discussions, to gather primary data. This data is then analyzed alongside secondary data, ultimately leading to case summaries.

By integrating the above methods, this study strives to identify and analyze the TBT in key export markets for Chinese agricultural machinery, assess their impact on China's exports and propose coping strategies. The complementary nature of these methods allows for a multi-dimensional exploration of the issues, which ensures the scientific accuracy and practical utility of the research findings.

2.2 Research Procedures

First, this study conducts a thorough review and preliminary analysis to define the research objectives, subsequently formulating the research plan for empirical research at the industry frontier.

Multiple agricultural machinery manufacturing enterprises are selected during the field research phase. Through interviews, questionnaire and on-site inspections of production facilities, first-hand information is gathered regarding the enterprises' efforts in technological innovation, quality control and market expansion. Simultaneously, exchanges are made with local government functional departments to discuss policy support and future planning.

Based on the data collected, quantitative and qualitative methods for systematic induction and analysis are employed. It not only summarizes the practical experiences and shortcomings in coping with TBT but also proposes feasible strategic recommendations based on international market trends. The aim is to provide guidance for Chinese agricultural machinery manufacturing enterprises to enhance their international competitiveness.

3 Review on Chinese Agricultural Machinery Industry

3.1 Industry Status

China, as the world's largest producer and consumer of agricultural ma-

chinery, has established a complete industrial chain with an annual output value reaching trillions of RMB. Recent policies like *Action Plan for Promoting Large-Scale Equipment Renewal and Consumer Goods Trade-Ins* launched by the State Council, aim to stimulate market vitality through trade-in programs and guide the industry towards high-efficiency, energy-saving and environmentally friendly transformation (Zhang Lingling & Li Yuting, 2024).

Agricultural mechanization is vital for agricultural development modes, rural productivity, and the Rural Revitalization Strategy (State Council, 2019). Currently, the industry is in a critical period of transition from traditional manufacturing to smart manufacturing. Meanwhile, internationalization has become an inevitable choice driven by both internal needs and external pressures. As noted by economist Lin Yifu, facing a slow global economic recovery, Chinese enterprises moving into the international market is an inevitable trend. For the agricultural machinery industry, global positioning enables better utilization of resource allocation advantages, accelerating innovation and upgrading, thereby improving competitiveness and promoting high-quality development.

Technological innovation is the core driver of industrial upgrading. With strong government support, enterprise R&D investment has increased significantly. The application of computer science, chip sensors, information processing and control technologies has given rise to a batch of advanced and intelligent equipment, such as laser land levelers, tractor assisted steering systems and variable-rate sprayers (Luo Xiwen et al., 2016). Furthermore, cutting-edge information technologies like the Internet of Things (IoT) and AI are being deeply integrated with agricultural machinery, making agricultural production more precise and controllable. However, gaps remain compared to international standard in core technologies and high-end product development.

Regarding policy support and industry promotion, Chinese government plays a decisive role through measures such as financial subsidies, tax incentives and research funding. *The Agricultural Mechanization Promotion Law of PRC* provides legal assurance for agricultural mechanization development (NPC Standing Committee, 2018). Continuous Purchase Subsidy policies during the 14th Five-Year Plan period have reduced farmers' costs (MARA, 2022). The national initiative *Made in China 2025* lists agricultural machinery equipment as one of the ten sectors. It emphasizes the acceleration of equipment upgrades and integration of agricultural mechanization and informatization (State Council, 2015). These measures not only stimulate enterprise innovation but provide a favorable environment for the industry's development,

laying a solid foundation for long-term growth.

3.2 Product Types and Characteristics

Chinese agricultural machinery product system is comprehensive. It can be divided into small, large and specialized machinery, each catering to different market demands and application scenarios.

Small agricultural machinery, characterized by its portability and efficiency, covers equipment like small tractors, seeders and sprayers, particularly suitable for hilly areas, plots and farms. Early policy directly stimulated the market through purchase subsidies but has now shifted towards supporting service system and technical training, which guided the industry towards green and intelligent development. The market for it grew from RMB 28.6 billion to RMB 36.1 billion, showing a stable upward trend³. The market features a mix of brands, such as Kunming Yunwei and John Deere. Future trends indicate a greater focus on function, operation and energy.

Large agricultural equipment primarily serves large-scale farms in plain regions, which is crucial for agricultural production efficiency. By 2025, the market share of domestic agricultural machinery products should stabilize above 95%, with high-end products like tractors over 200 horsepower reaching a 60% market share (MIIT Equipment Industry Department, 2016). Structural adjustment accelerated in the first half of 2021, with a noticeable trend towards larger equipment. According to China Agricultural Mechanization Association (CAMA), sales of tractor models nationwide in H1 2021 reached 211,300 units, a year-on-year increase of 4.71%⁴. Weichai Lovol Heavy Industry finds that tractors of 200 horsepower and above grew rapidly from over 10,000 units in 2018 to 37,000 units in 2020⁵. Technologically, breakthroughs in key technologies like CVT, coupled with the rise of domestic brands such as Boshirun and CRCHI, are reshaping the high-end market previously dominated by international giants (CAMA, 2022).

Specialized agricultural machinery is defined by its precision and specialization, designed for specific crops (e.g., rice, cotton). Its main distinctions from general-purpose machinery lie in its operational precision and intelligence. These machines integrate information technologies like GPS and remote sensing for precision operations. In recent years, driven by strategies like *Made in China 2025*, this machinery has diversified, and technological levels have improved (State Council, 2015). Government measures, including financial subsidies and tax incentives, have promoted development in this sector. However,

3 Data Source: China Research Network, November 2023

4 Data Source: CCTV.com, August 2021

5 Data Source: Economic Daily, August 2021, Edition 06

domestic enterprises still need to enhance technological innovation and brand influence, as the high-end market remains led by foreign brands. The future development of it will continue towards greater specialization, intelligence and environmental sustainability.

3.3 Market Demand

The momentum of Chinese agricultural machinery market remains robust, underpinned by the deepening domestic agricultural modernization process and broad global market opportunities, which together provide a solid foundation for industrial development.

Regarding domestic market demand, policy support remains the core driver. Government initiatives, such as the *Agricultural Machinery Purchase Subsidy*, reduce farmers' costs and stimulate market vitality. Concurrently, Smart Agriculture provides substantial support for the R&D and promotion of intelligent agricultural machinery.

Urbanization and the transfer of rural labor have led to the increase in demand for efficient and convenient agricultural machinery. According to *2021 National Agricultural Mechanization Development Statistical Bulletin*, China's total agricultural machinery power reached 1.078 billion kilowatts in 2021, a year-on-year increase of 2.1%; the mechanization rate for crop cultivation, planting and harvesting exceeded 72.03%, an increase of 0.78% from the previous year (Department of Agricultural Mechanization, 2022). These indicators demonstrate the development potential still inherent in this market.

In terms of international market demand, continuous technological innovation has enhanced the global competitiveness of Chinese agricultural machinery sector. The product portfolio has expanded from traditional tractors and combine harvesters to high-end intelligent equipment such as unmanned tractors and intelligent seeding devices. These innovative products hold particular appeal in developed markets with high labor costs.

The Belt and Road Initiative provides a strategic platform for deepening agricultural cooperation with participating countries. By establishing overseas production bases and service networks, Chinese enterprises can respond more rapidly to localized needs and provide customized solutions. By the end of 2023, the 24 agricultural technology demonstration centers established by China in Africa had helped increase average crop yields in relevant regions by 30% to 60%⁶.

Diverse forms of international cooperation, such as the *Pakistan Luban Workshop Agricultural Machinery Training Project*, directly serve internation-

6 Data Source: People's Daily, August 26, 2024, Page 03

al agricultural production cooperation by promoting international vocational education (Li Kun et al., 2024). While consolidating traditional markets like the U.S., Germany and India, enterprises are exploring emerging markets in Africa and South America. Furthermore, the growing global emphasis on environmental protection is driving demand for low-carbon and energy-saving agricultural machinery. R&D investments by Chinese manufacturers in this area help cultivate a brand image of responsibility.

Regarding export performance, these products demonstrate strong momentum in the international market, with continuous growth in export volume and trade surplus. According to *China Agricultural Mechanization Development White Paper 2021*, the import value was \$703 million in 2021, a decrease of 14.4%, while the export value reached \$6.429 billion, a year-on-year increase of 28.2% (CAMA, 2022). This contrast indicates the enhanced global competitiveness of the industry.

Market performance shows continuity. Yu Dongke, an officer of the China Chamber of Commerce for Import and Export of Mechanical and Electrical Products (CCCME), projected that growth of 2024 in the import and export of agricultural machinery would be moderate. By the first three quarters of 2024, the export value had already reached \$6.07 billion, a year-on-year increase of 1.8% (Liu Yelin, 2024).

The structure of exported products is also undergoing significant change. The trend towards larger equipment and specialized operations has become a key path to enhancing international competitiveness. These cost-effective products can meet the needs of developing countries to improve agricultural output efficiency and reduce labor intensity. As technological capability and product quality improve, Chinese agricultural machinery enterprises are seizing the opportunities, contributing to global agricultural modernization through increased R&D investment and active exploration of international markets.

4 Overview of Key Export Markets

4.1 Target Markets

In 2022, Chinese agricultural machinery export markets demonstrated a high degree of concentration. Among the top ten export countries, the U.S. ranked first with a value of RMB 9.98 billion, accounting for 20.29% of total exports, and EU countries collectively accounted for 9.88%, Russia for 4.86%, and Southeast Asian nations for 9.12%⁷.

The North American market, represented by the U.S. and Canada, features

7 Data Source: General Administration of Customs of China

large-scale and highly modernized agriculture. As a global agricultural powerhouse, the U.S. exhibits strong demand for high-tech and eco-friendly machinery. Long-standing agricultural subsidy policies, such as the 2018 *Farm Bill*, create favorable conditions for agricultural machinery investment. Likewise, Canada boasts a well-established agricultural policy system committed to enhancing agricultural sustainability and environmental friendliness through technological innovation. Its vast plains provide an ideal foundation for large-scale mechanized farming.

In the EU market, members have developed economies where agriculture holds significance. *The Common Agricultural Policy* ensures stable agricultural development through subsidies and market interventions. EU countries widely adopt advanced agricultural technologies, with smart farming applications being extensive, and the internal market for agricultural products is highly integrated. Furthermore, its diverse geographical conditions demand strong environmental adaptability from agricultural machinery.

The Russian market possesses vast arable land resources and significant potential for agricultural development. With economic recovery, the government has increased support for agriculture, leading to a gradual improvement in agricultural mechanization, though gaps remain compared to developed countries in Europe and America. Its agricultural regions are widely distributed, from the European part to the Far East in Asia, with variations in production conditions, which places higher demands on the adaptability and flexibility of agricultural machinery.

Southeast Asian countries exhibit varying levels of economic development, but agriculture remains an economic pillar in most. The region has a hot and humid climate so that it is rich in economic crops such as rice and rubber. It has a large population, but agricultural productivity needs improvement, and the level of agricultural mechanization is uneven, primarily relying on small and medium-sized machinery. The complex and diverse topography, including plains suitable for large-scale operations (e.g., Thailand, Vietnam) and mountainous areas requiring flexible small machinery (e.g., Philippines, Indonesia), demands high applicability and versatility from agricultural machinery.

4.2 Characteristics of the Markets

4.2.1 Economic Foundation and Market Potential

The economic development of different regions shapes the foundation and potential of their agricultural machinery markets. North America, with its highly developed economy, features agriculture as a vital sector. Farmers and agribusinesses here possess strong purchasing power and acceptance of

modern agricultural technologies. Notably, a survey by AEM indicates that approximately 95% of agricultural machinery manufacturers perceive strong domestic demand coupled with insufficient local supply, which creates market opportunities for competitive external suppliers.

Generally, EU countries have developed economies. Through subsidies and support measures, they ensure stable income for farmers and promote the advancement of agricultural mechanization. The internal, integrated agricultural industry chain, which from production to deep processing and sales, forms a high value-added system, thereby generating sustained demand for advanced agricultural equipment.

With its economy recovering, the Russian market is seeing increased government investment in agriculture. The economy is transitioning from a traditional oil and gas model towards an integrated agro-industrial development model (Zhang Hongxia, 2020). Although uneven regional development leads to disparities in mechanization levels, the growing capacity for agricultural exports and the rising importance of agriculture within the economy are expected to spur a wave of machinery replacement and upgrading in economically better-off, resource-rich regions.

The Southeast Asian market has different situations. A few countries, like Singapore, are economically developed but have a small agricultural sector. In contrast, nations such as Thailand and Vietnam rely on agriculture as an economic pillar. Although the overall agricultural modernization in these countries is relatively low, challenges like inadequate infrastructure and technical proficiency, growing economies and heightened focus on food security are prompting governments to introduce policies encouraging the adoption of advanced agricultural machinery. This suggests significant potential for long-term expansion of the regional market capacity.

4.2.2 Differences in Production Modes and Equipment Requirements

The agricultural production modes in global markets profoundly influence their technical demands for agricultural machinery.

Agriculture in North America is characterized by its large-scale, intensive and highly specialized nature. In the U.S. Midwest, vast farms necessitate specialized machinery for each production stage. For instance, large intelligent tractors equipped with navigation systems enable precise route planning. Besides, combine harvesters integrate efficient harvesting with accurate separation. And specialized large-scale equipment for specific crops, like cotton pickers, effectively reduces labor costs and improves operational precision.

The EU's production mode demonstrates apparent diversity. On one hand,

large-scale modern farms widely adopt intelligent technologies, such as precision seeding equipment based on soil fertility data and smart irrigation systems. On the other hand, numerous small and medium-sized family farms prefer flexible, multi-purpose machinery. Concurrently, EU places high importance on ecological protection. With the rapid development of organic farming, demands for the environmental performance of agricultural machinery have increased. It makes low-energy consumption, low-emission electric drive machinery and pesticide application systems increasingly popular.

Agricultural mechanization in Russia needs exhibit diversity. The primary demand groups are divided into collective farms, private farms and agribusinesses (China-Russia Information Network, 2024). Influenced by historical factors, some collective farms suffer from low production efficiency and lack technology and funds. Their machinery is no longer suitable for large-scale mechanized production, which leads to an urgent need for renewal and adoption of large agricultural machinery.

Southeast Asia is dominated by small-scale family farms and plantations. This production mode determines that the demand for agricultural machinery focuses on small and flexible modes. Particularly in mountainous areas with complex terrain where large machinery is difficult to deploy, small walk-behind machinery shows advantages due to its maneuverability. Furthermore, given the hot climate and short crop growth cycles, machinery is required to have high operational timeliness, reliability and maintenance.

4.2.3 Market Preferences

Influenced by environment, economy and culture, different regions possess distinct characteristics in their demand for agricultural machinery.

The North American market places extremely high demands on robustness, durability, high operational efficiency and reliability of agricultural machinery. Equipment must operate stably for extended periods in terrain and harsh environments, typically manufactured using high-strength, corrosion-resistant materials. In terms of performance, the market pursues high-efficiency operations. For example, seeders must be capable of precisely sowing several hectares per hour. Intelligentization is another core requirement, with autonomous tractors and precision fertilization and seeding equipment already becoming mainstream. Additionally, a comfortable driving environment, such as air conditioning and shock-absorbing seats, is also an important consideration.

The EU market sets stringent standards for quality, safety, environmental protection and intelligentization. Machinery must comply with EU standards,

with a quality inspection system throughout the process ensuring quality products. The strategic report *Agricultural Technology 2030* is driving Europe to the forefront of digital precision agriculture (Chinese Academy of Sciences, 2019). Regarding safety, machinery must be equipped with multiple safety protection devices. Environmentally, advanced energy-saving technologies are required to reduce energy consumption and emissions.

The Russian market imposes special requirements for the cold resistance and reliability of agricultural machinery. Equipment must operate continuously under extreme low-temperature conditions. It necessitates specific optimizations by manufacturers in engine lubricants and preheating devices as well as hydraulic and electrical systems. Meanwhile, the market is relatively price-sensitive, where Chinese agricultural machinery holds competitiveness due to its favorable cost-performance ratio. Establishing a comprehensive after-sales service network to provide timely maintenance and spare parts supply is key to gaining the trust of local users.

The Southeast Asian market shows high price sensitivity, generally preferring user-friendly and easy-to-maintain machinery. The terrains and crops require machinery to have adaptability and flexibility. Furthermore, considering the humid climate, mechanical equipment must also possess anti-corrosion and moisture-proof performance, such as the use of corrosion-resistant materials and sealed electrical circuits to ensure operation in high-humidity environments. Chinese agricultural machinery enterprises provide cost-effective products that meet these demands through large-scale production and supply chain optimization.

5 Comprehensive Analysis around TBT

5.1 Impact on Chinese Agricultural Machinery Exports

TBT, a crucial set of rules within the WTO framework, aims to regulate technical regulations and conformity assessment procedures for imported and exported products. According to the *World Trade Report*, TBT is considered one of the most significant non-tariff measures affecting export trade (Li Yi, 2023), exerting multi-dimensional and profound impacts on Chinese agricultural machinery exports.

Regarding direct economic impact, TBT measures present complexity of both challenges and opportunities. It triggers a resource reallocation effect for export value. When a country implements technical barriers, it prompts the exporting country to diversify its product range to circumvent restrictions. This process stimulates technological advancement and product up-

grading, thereby positively driving export value. These countries may also enhance production efficiency through technological innovation for achieving small profits but quick turnover to partially offset the pressure from increased compliance costs.

When looking at the market share, the impact of TBT is similarly dual-faceted. On one hand, raised market entry thresholds may, in the short term, force out enterprises lacking technical capability, affecting the market share of Chinese products in certain markets. On the other hand, for enterprises capable of adapting to higher standards, TBT can instead become a driver for technological progress, which can help to consolidate or even increase their market share. The withdrawal of some marginal exporters reduces the number of suppliers, while the demand in the notifying countries typically does not change immediately. This temporary imbalance in supply and demand provides an opportunity for remaining exporters to expand their market share (Lin Xi & Zheng Chuanxuan, 2024).

In terms of indirect effects, TBT measures trigger subtle changes in supply chains and adjustments in corporate innovation. For enterprises, it is a double-edged sword. Stringent TBT requirements can increase technical costs, restrict export activities or weaken the learning-by-exporting effect gained through participation in international trade, and may lead enterprises to reduce or postpone innovation.

However, if enterprises anticipate that technological innovation can bring sustained benefits sufficient to cover upfront investments, they are more inclined to break through TBT barriers and obtain innovation compensation (Chen Wen, 2023). Besides, facing the barriers that cannot be overcome will cause enterprises to lose market share, threatening their survival. Therefore, under the dual influence of innovation compensation and export crisis, TBT measures exert a forcing effect on the trade competitiveness of Chinese agricultural machinery enterprises, stimulating them to improve production technology and promote product upgrades.

When focusing on this industry, TBT measures largely raise the technical threshold for the entire industry and drive technological progress and quality improvement. This compels agricultural machinery enterprises to adjust their supply chains by selecting suppliers that meet higher standards and pushing partners to undertake technological transformation and quality management system upgrades. This technology diffusion and synergistic effect promotes technical cooperation and management experience exchange among enterprises. Concurrently, TBT also affects enterprises' cooperative relationships

with trade partners so that they can reassess and build more efficient supply chain networks.

In terms of branding and positioning, TBT measures have a profound impact on shaping international image. The raised technical thresholds objectively accelerate technological innovation and quality improvement across the industry (Liang Junwei, 2024). To meet the technical standards of major markets like the EU, enterprises need to invest resources in technological transformation and R&D. While this increases cost pressure in the short term, it helps enhance the product quality of the industry in the long run.

TBT measures also foster a consensus within the industry that only through technological innovation and quality improvement can competitiveness be maintained in the international market. This promotes self-regulation and standard elevation within the industry, facilitating a transition towards high-end manufacturing. The industry has begun to emphasize international standards such as ISO and CE certifications. Thus the international product recognition can be improved through standardized production processes and quality control systems. This, in turn, enhances the competitiveness of enterprises and strengthens their brand image.

Meanwhile, TBT reinforces the coordinating and supportive role of industry associations. Taking CCCME as an example, according to Article 56 of the *Foreign Trade Law of PRC* (Amended in 2022), Chambers of Commerce provide services related to foreign trade, such as production, marketing, information and training, playing a role in coordination and self-regulation. In the area of agricultural machinery import and export, CCCME supports machinery enterprises in adapting to the international market and technical standards by providing information services and professional training. Their international competitiveness can be enhanced by promoting industry standardization and trade promotion activities.

5.2 Overview on TBT in Different Markets

TBT in market of North America primarily manifests as high standards and stringent certification. Relevant measures imposed by U.S. on Chinese machinery exports focus on restricting the use of specific substances, which mark requirements, product quality and certification requirements (Wang Xia, 2021). Specifically, the U.S. Environmental Protection Agency imposes requirements on product energy efficiency and emissions through programs like *Energy Star* or *Clean Air Act*. Although certification from Underwriters Laboratories is not mandatory, its de facto market recognition makes it a crucial step for entering the U.S. market. Furthermore, FCC certification covers a wide range of

electronic products, with different procedures and standards established for various products (Li Siqi & He Haiyan, 2011). These regulations indeed raise the technical threshold for products and increase corporate compliance costs.

The TBT system in the EU market is notable for its complexity and comprehensiveness. EU technical legislation is divided into Regulations, Directives and Decisions, with Directives dominating technical legislation. CE certification serves as the fundamental requirement for market access in the EU, involving over 100,000 technical standards, and individual countries can implement their own standards on top of these. Its most distinctive feature is the green technical barrier system, which includes the *Non-Road Mobile Machinery Emission Directive* with its clear stipulations on emission standards for agricultural machinery, and the *Noise Emission Directive*, which sets upper limits for noise emissions from machinery and equipment (Han Kewei, 2006). These regulations apply not only to agricultural machinery but to industrial equipment, construction machinery and other sectors, placing high demands on the environmental performance of products.

TBT in other markets also varies from region to region. In the Middle East, Saudi Arabia requires that imported mechanical and electrical products must pass SASO certification and pre-shipment inspection. Members of ASEAN each have stringent certification requirements, such as Thailand's TISI certification, Malaysia's SIRIM certification and Indonesia's SNI certification. Central Asian countries like Kazakhstan, as a member of EAEU, require imported products to comply with EAEU TR technical requirements. African nations impose requirements including South Africa's SABS certification, Kenya's PVOC program and Nigeria's SONCAP certification. India, through its Bureau of Indian Standards, implements a Compulsory Registration Scheme and an Energy Labeling program. These local regulations, while increasing corporate compliance costs, drive improvements in product quality and safety. They compels enterprises to adopt compliance strategies tailored to different markets.

5.3 Case Analysis: Setback vs. Breakthrough

5.3.1 Export Difficulties Caused by TBT Measures

TBT implemented by U.S. have had a salient negative impact on Chinese agricultural machinery exports. These measures can affect the export performance of enterprises while influence export by altering market structures. Specifically, following TBT measures, the number of new market entrants, new product introductions and firms exiting the target market decreased significantly, which indicates a notable reduction in market vitality (Chen Wen et

al., 2021). For individual enterprises, the measures increase the probability of market exit while reducing the likelihood of new entries and product introductions by existing firms.

When look into the industry itself, CAMA has pointed out that the deteriorating global trade policy environment and the occurrence of technical barriers to trade pose challenges for Chinese agricultural machinery exports. TBT measures not only increase the technical costs and compliance difficulties associated with exports but, coupled with factors such as foreign exchange shortages in importers and currency depreciation in emerging markets, further exacerbate export difficulties and the risk of capital losses (CAMA, 2024).

Data corroborates the aforementioned impacts. In 2023, the total import and export value of Chinese agricultural machinery and components was \$15.28 billion, a year-on-year decrease of 4.3%. Within this, the export value was \$13.28 billion, a year-on-year decrease of 7%. Based on this trend, Yu Dongke projected that pressure on the growth of these exports would remain substantial in 2024⁸. These figures demonstrate the substantial obstacles TBT measures have created for Chinese agricultural machinery exports.

5.3.2 Lovol Heavy Industry's Breakthrough

As a leading enterprise in domestic equipment manufacturing sector, Lovol Heavy Industry has overcome TBT through internationalization strategies. The company strengthened technological innovation and acquired independent intellectual property rights by collaborating with top-tier institutions at home and abroad to develop products meeting international standards. Pursuing patents has raised the technological threshold and market competitiveness of its products.

In quality certification and standards alignment, Lovol obtained international certifications such as CE, ensuring their compliance with international requirements for safety and environmental protection. Its products can meet or even exceed international standards in performance, reliability and durability by optimizing product quality. To address the specific needs of different markets, Lovol implemented customized product strategies. For instance, it made specialized improvements to tractor designs to better suit European environments and climate conditions.

Regarding market expansion and localization, Lovol conducted in-depth market research to understand target markets' regulations and customer needs, formulating localized business strategies. By establishing overseas branches, building relationships with local partners and participating in in-

8 Data Source: China Worker's Daily, February 2024

ternational exhibitions to showcase technical capabilities, Lovol enhanced its international brand recognition. Meanwhile, cooperation with international peers enabled knowledge and experience sharing, which benefits overall industry development.

In service and branding systems, Lovol pursues customer satisfaction and mutual trust by providing comprehensive service solutions covering pre-sales consultation to after-sales maintenance. It focuses on quality branding, earning a favorable reputation through superior products and services. It employs diverse marketing methods to expand its international influence. The Red Dot Design Award won by its Apollo tractors fully demonstrates its exceptional capabilities in product design and reflects its rising brand status in the international market.

5.4 Development Trends

According to the *2022 China Agricultural Mechanization Development White Paper*, the Chinese government is committed to advancing agricultural modernization through policy measures, aiming to build an efficient, intelligent, eco-friendly and sustainable modern agricultural system. This study will therefore delve into the future trends of Chinese agricultural machinery industry and the trade measure trends in key exporters.

5.4.1 About Chinese Agricultural Machinery Industry

The upgrading of mechanization will continue to drive comprehensive improvements in agricultural production efficiency and quality. The *2022 China Agricultural Mechanization Development White Paper* indicates a steady upward trend in China's agricultural mechanization rate, with key grain production processes already achieving a high level of mechanization (CAMA, 2024). However, facing challenges such as the accelerated aging of the rural population and labor shortages, future development must focus on promoting small, versatile agricultural machinery suitable for small-scale and fragmented land operations to mitigate the impact of labor shortages on agricultural production (Li Wenhui & Zhou Changchun, 2024).

Intelligent development is becoming the core driver of industrial transformation and upgrading. With the mature application of cutting-edge technologies like the Internet of Things, big data and artificial intelligence, agricultural machinery is evolving towards remote monitoring, autonomous decision-making and precision operations. By deploying sensor networks and cloud computing platforms, the machinery can analyze real-time data such as soil moisture and crop growth, automatically adjusting operational parameters like irrigation and fertilization to optimize resource allocation. This intelligent

management not only enhances agricultural production efficiency but also reduces resource waste, providing technical support for sustainable agricultural development (Duan Xiangmin & Dai Rong, 2013).

Environmental protection and sustainable development have become crucial missions for the industry. Under the global consensus on green agriculture, the Chinese government is promoting the transition of agricultural machinery towards low-carbon development. Replacing traditional internal combustion engines with electric drive systems is seen as a key pathway. It offers advantages in reducing emissions and noise. Besides, the application of renewable fuels like biodiesel is expanding. Chinese provincial agricultural green total factor productivity and scale operation are generally on an upward trend, with agricultural mechanization playing an important role (Song Yanping et al., 2024). Among these, electric systems, due to their high energy conversion efficiency, are also more energy-efficient than traditional internal combustion engines, thereby reducing total energy consumption and greenhouse gas emissions (Li Gang, 2011). These initiatives collectively contribute to building a more eco-friendly agricultural ecosystem, laying the foundation for achieving agricultural modernization.

Product diversification and innovation are inevitable choices for adapting to global market demands. To follow the different geographical environments and crop types, manufacturers are committed to developing customized solutions. Modern information technology provides support for this, particularly the application of cloud computing platforms, which enables innovations in remote diagnostics and maintenance services for agricultural machinery. By collecting real-time operational data through equipment sensors, the system can provide users with personalized maintenance suggestions, effectively preventing failures (Wang Delu & Lin Yizi, 2024). This service model not only extends equipment lifespan but also helps manufacturers respond quickly to market demands, promoting the healthy development of the industry.

5.4.2 About Trade Measures in Key Exporters for Agricultural Machinery

Driven by globalization, trade barriers between countries have diminished to some extent. They create more favorable conditions for the cross-border flow of agricultural machinery. To facilitate international trade, an increasing number of countries are adopting internationally recognized standard systems, such as ISO, to overcome obstacles arising from differing technical specifications. Specifically, international standards like ISO 12100: 2010, *Safety of machinery: General Principles for Design*, establish a unified framework for

international interoperability. Furthermore, through bilateral or multilateral agreements, countries are exploring mechanisms for mutual recognition of standards. They try to streamline import and export procedures and accelerate the circulation of goods.

Meanwhile, regional economic cooperatives, such as RCEP, signifies a deepening of regional economic integration. These free trade areas indeed enhance market integration among members and establish unified TBT measures for the agricultural machinery industry within the region. In addition, this effectively reduces transaction costs, improves market operation and provides broader market opportunities for agricultural machinery manufacturers.

With the advent of the Industry 4.0 and Agriculture 4.0, digital transformation has become an inevitable trend in the agricultural machinery sector. Modern intelligent agricultural equipment, for adapting to the needs of precision agriculture, must meet traditional functional requirements and possess capabilities for connectivity, data analysis and even autonomous learning. For instance, GPS and remote sensing technologies enables precise control over planting and fertilization processes. Additionally, IoT makes remote monitoring and automated operations a reality.

As these technologies are widely applied in agricultural machinery, TBT is correspondingly undergoing adjustments and reforms. Governments are updating standard systems to ensure they align with the latest digital technology requirements. Meanwhile, to prevent the formation of information silos, the international community is committed to developing unified data exchange platforms and protocols, such as the *Open Data Rights Language*, to promote cross-system interoperability, thereby further advancing the industry's digital transformation.

In response to the challenges posed by global climate change, sustainable development is permeating all the agricultural machinery industry. In formulating TBT policies, countries are emphasizing environmental protection. They advocate for low-carbon, energy-saving and emission-reduction technologies. Taking EU as an example, its *Ecodesign Directive (2024)* sets stringent energy efficiency standards for machinery entering its market. It aims to reduce greenhouse gas emissions and promote green technologies by improving energy efficiency.

Moreover, the circular economy model is gaining prominence. This model requires manufacturers to consider the entire product lifecycle, which is from raw material sourcing, manufacturing and use to final recycling and reuse. It

strives to minimize environmental impact at every stage. This approach drives the transformation of the entire industrial chain towards greater sustainability by extending product lifespans but maximizing waste reduction.

6 Challenges and Suggestions

6.1 Challenges for Chinese Agricultural Machinery Enterprises

Lacking of core technologies has become a critical bottleneck constraining the high-end development of Chinese agricultural machinery industry. In high-value-added product areas such as precision agriculture equipment and large intelligent combine harvesters, Chinese enterprises generally face insufficient R&D capabilities for core technologies like power shift transmissions, high-end hydraulic components and intelligent control systems. This gap keeps production costs high and places domestic enterprises in a passive position in international competition. The lack of independent intellectual property rights often forces enterprises to rely on external support for product upgrades and innovation, further limiting their core competitiveness.

The shortage of R&D talents is particularly acute, with a scarcity of high-end technical personnel, especially in areas like hydraulic and electronic control. The agricultural machinery industry works seasonally, with short annual continuous periods. New entrants require years of accumulation to launch mature products, making the attraction of high-end talents a critical factor constraining innovation. Compared to global leading enterprises, domestic ones allocate a lower proportion of investment to R&D. Although the government has emphasized “focus on key areas such as agricultural machinery equipment and leverage the advantages of the new national system to integrate superior scientific research resources” (Xi Jinping, 2024), substantial gaps between basic and applied research often make it difficult for enterprises to efficiently translate limited R&D resources into market-competitive products.

Furthermore, the imperfect industry-academia-research collaboration mechanism hampers technological innovation efficiency. Although institutions have achieved research results in agricultural mechanization, challenges such as poor information communication channels, unreasonable benefit distribution mechanisms and inadequate technology assessment systems prevent many excellent research outcomes from being transformed into marketable new products or services. The focus for urgent development endeavors like agricultural machinery lies in establishing effective industry-academia-research cooperation to advance the R&D and manufacturing of agricultural equipment (Xue Zhou & Gao Qiang, 2023).

Compliance cost pressures represent another challenge for the enterprises expanding overseas. In North America, emission standards from the U.S. Environmental Protection Agency constitute the primary barrier, with certification costs for a single tractor potentially reaching tens of thousands of USD, alongside requirements to meet safety certifications from bodies like the Canadian Standards Association. To meet the market demands for operational performance and intelligent features, Chinese enterprises need to undertake technical upgrades, with transformation costs per tractor increasing by thousands to tens of thousands of USD.

The technical thresholds in the EU market are even more stringent. According to the European Stage V emission standards for non-road mobile machinery, new agricultural machinery must be equipped with efficient exhaust gas purification systems. For instance, in the process of obtaining China's first EU Stage V tractor whole-machine EC certificate, substantial investments were required for engine technology optimization and exhaust treatment system R&D, increasing environmental upgrade costs per tractor by €5,000 to €10,000 (*Farmer's Daily*, 2023). Additionally, regulations like the *Machinery Directive* (2006/42/EC) and the *Low Voltage Directive* (2014/35/EU) require products to incorporate more safety features, with the CE certification process being both time-consuming and resource-intensive.

Although current environmental standards in the Russian market are relatively lenient, future alignment with European and American levels is anticipated, implying similar technical transformation costs. Meanwhile, the Russian government imposes import tariffs of 10%-15% on agricultural machinery. For example, a large combine harvester valued at \$100,000 would face additional tariff expenses of \$10,000 to \$15,000.

Southeast Asian markets, constrained by underdeveloped infrastructure including incomplete logistics distribution systems, unstable power supply and insufficient communication network coverage, require enterprises to invest resources in establishing logistics networks and service systems, substantially raising market entry and operational costs.

European and American countries have erected market defenses through high tariffs and trade remedy measures. For instance, after imposing high tariffs, the import cost of a large combine harvester could increase from \$100,000 to over \$150,000, undermining the price advantage of Chinese products. Anti-dumping and countervailing investigations further exacerbate the situation for Chinese enterprises. If found engaging in unfair competition practices, punitive tariffs may be imposed.

Brand perception disparities represent another hurdle Chinese enterprises must overcome. International brands like John Deere and CNH Industrial have established an image of technological leadership and reliable quality. In contrast, Chinese agricultural machinery enterprises started branding relatively late in these markets, with limited investment resulting in low brand recognition. Many European and American consumers still hold the stereotype of Chinese products being low-priced but of questionable quality. Besides, language barriers and geographical distance impact the timeliness of after-sales service, which makes it difficult for Chinese brands to gain consumer trust.

Fluctuations in the political and economic environments of some emerging markets also pose risks. Government transitions can lead to sudden changes in agricultural import policies, while sharp currency exchange rate fluctuations and severe inflation introduce uncertainties for business operations. For example, in March-April 2020, the Brazilian Real depreciated by up to 31% against the USD (SAFE, 2022). Had enterprises not hedged their exposure in advance, they would have faced nearly 100 million Yuan in exchange rate losses. Furthermore, although environmental standards in Southeast Asia are lower than those in Europe and America, they are showing a tightening trend. Countries like Thailand and Malaysia have implemented stricter emission standards. They require enterprises to make technical adjustments for different markets to increase R&D and manufacturing costs.

6.2 *Suggestions from Three Levels*

6.2.1 For the Government

First, Chinese government should fully utilize *Free Trade Agreement* (FTA) to pursue mutual recognition or harmonization of standards with other countries. Concurrently, it should negotiate with trading partners to establish mechanisms for the mutual recognition of standards, particularly in technical fields. By signing bilateral or multilateral agreements, duplicate testing can be avoided, costs for businesses reduced and export efficiency enhanced (Zhang Bin & Wang Zinan, 2019). Furthermore, the government should promote standard systems aligned with international norms both domestically and abroad. This will improve product quality and strengthen international competitiveness.

Second, the government should promote collaboration on technical standards and testing methods with nations along the Belt and Road Initiative and other trading partners. This encompasses the signing of official agreements and substantive project cooperation, such as joint R&D, technology transfer and

collaborative standard development. These measures can enhance the technical compatibility of Chinese agricultural machinery products and reduce trade barriers arising from technical disparities. Additionally, it should encourage and support personnel exchanges and technical training programs between domestic enterprises, institutions and overseas counterparts. Technical personnel go abroad to learn advanced technologies and management expertise, as well as inviting foreign experts for domestic guidance, can elevate the technical proficiency and innovative capacity of the industry.

Third, the government should foster technical exchanges and collaboration with other trading partners. Primarily, it should stabilize trade relations with countries where agricultural machinery export efficiency is high, mitigate risks of market saturation and ensure the stability of trade relationships through long-term cooperation agreements. Secondly, enterprises should be encouraged to strengthen trade ties with countries where agricultural machinery export efficiency is lower. Moreover, the government should explore the market potential in regions such as West Asia and the Middle East. Leveraging these countries' high demand for these products and lower technical requirements can support market entry for enterprises, thereby boosting export volume and diversifying market risks (Zhao Ming & Yang Mengzhuo, 2019).

6.2.2 For the Industry

First, associations between government and industry can provide specialized knowledge on international trade laws and regulations, technical standards and certification requirements through workshops and training programs. Furthermore, a comprehensive information-sharing mechanism should be established within the agricultural machinery industry association to publish analysis reports on international demand. This guides enterprises in adjusting their production and business strategies accordingly. Through timely information dissemination and support services, companies can better position themselves within the complex international trade environment, adapt to evolving international market rules, and thereby enhance their global competitiveness.

Second, to address the uncertainties posed by TBT, the industry must establish a responsive early warning mechanism to ensure enterprises receive timely updates on technical trade measures. This mechanism should encompass data collection, information processing risk assessment and information dissemination. Initially, the associations need to extensively gather information on technical regulations, standards and certification requirements from different markets. Subsequently, data analysis should identify key ele-

ments affecting export and assess their potential impact. Based on this, early warning notifications should be provided to relevant enterprises. Besides, its operational effectiveness should be evaluated and improved to ensure its efficacy and practicality (Ding Yang et, al., 2016).

Third, to better adapt to changes in international markets, the industry needs to establish a sound market monitoring mechanism. This mechanism should reflect domestic supply and demand dynamics while capturing international market trends. It should include functions such as regular data collection, market research and trend analysis. Domestic market monitoring can help enterprises adjust production plans promptly and avoid resource waste from overcapacity. International market monitoring helps to grasp changes in global demand and plan their market positioning. Through such a mechanism, enterprises can respond more flexibly to market fluctuations and ensure sustainable business development. This enhances the degree of product standardization, fosters synergistic development across the upstream and downstream industrial chain, reduces trade obstacles caused by inconsistent standards and facilitates smoother entry of agricultural machinery products into the international market.

6.2.3 For the Enterprise

First, as TBT measures raise the export threshold for agricultural machinery, enterprises should increase R&D investment, enhance the technological content and quality of products through innovation. Companies need to monitor the latest technological trends and standard changes in the global market and pursue product certification through third-party agencies to improve recognition. In the manufacturing process, advanced production techniques and equipment should be adopted, with technological innovation to boost product performance and reliability. Meanwhile, enterprises can collaborate with domestic and international institutions to jointly develop new technologies and materials. Furthermore, they should fully leverage relevant provisions in FTAs, thoroughly understanding the technical regulations and standard requirements of target exporters before shipment. Particular emphasis should be placed on enhanced compliance checks when exporting to high-standard markets like U.S. and EU.

Second, to ensure export products can navigate various TBT, agricultural machinery enterprises must strengthen quality control and management systems. This requires them to implement national and industry standards and benchmark against international standards. Specifically, they can introduce international quality management system certifications such as ISO 9001.

Through quality control processes, they can ensure product quality meets high standards at every stage. Simultaneously, quality monitoring should be reinforced across all links to implement a full-process traceability system. This ensures prompt response and corrective actions if issues are identified. Moreover, internal audits and external assessments should be conducted to optimize the system.

Third, enterprises should identify promising emerging markets through research and adapt product lines and service models to local specific needs. This diversifies risk and reduces dependence on any single market. They can showcase their products and technical capabilities by participating in international agricultural machinery exhibitions, industry forums and other professional events. Furthermore, enterprises must prioritize the development of after-sales service and technical support systems. Overseas offices or service centers enables the provision of timely technical support and after-sales service, addressing problems encountered by customers during product use. Through market expansions, brand promotion, quality after-sales service and technical support, enterprises can address challenges posed by TBT, enhance international competitiveness and achieve sustainable development.

Conclusion

This study, through in-depth investigation of Shuangfeng County, Hunan Province, reveals the challenges and breakthroughs encountered by Chinese agricultural machinery industry in addressing TBT. It demonstrates that through innovation and competition, the international competitiveness of Chinese agricultural machinery products has been enhanced. However, TBT remains a key constraining factor for exports in high-standard markets such as North America and EU.

To address these challenges, a collaborative support system involving multiple stakeholders is essential. At the governmental level, export policies should be optimized and international cooperation strengthened to create a fair competitive environment for enterprises. Industry associations need to establish information-sharing platforms and promote standards alignment and collaborative innovation. Enterprises themselves must strengthen technology research and development, improve product quality and services and build international market trust through branding.

Future research is recommended to further refine the analysis of the impact mechanisms of TBT across different regions, while also focusing on new opportunities for the agricultural machinery industry in the context of the digital

economy. Through collective efforts from multiple parties, Chinese agricultural machinery industry will achieve higher-quality development and positive contributions to building a strong trading nation.

Список литературы / Bibliography

1. Chen W., Fan Y., Lin B. Technical Barriers to Trade and Innovation of Chinese Export Enterprises. *International Economics and Trade Research*, 2023. № 39 (5). P. 52-67.
2. Chen W., Fan Y., Zhang Y. U.S. Technical Barriers to Trade and the Export Behavior of Chinese Enterprises. *Journal of International Trade*, 2021. № 10. P. 34-53.
3. China Agricultural Mechanization Association. 2022 China Agricultural Mechanization Development White Paper (Part IV). Beijing: China Agricultural Mechanization Association. 2022.
4. China Agricultural Mechanization Association. (2023, March 18). 2022 China Agricultural Mechanization Development White Paper. Retrieved October 13, 2024. // URL: from <http://www.camda.cn>
5. China-Russia Information Network & China Rural Research Network. (2011, November 18). Diverse Demand in the Russian Agricultural Machinery Market with Strong Government Support. // URL: <http://www.chinaru.info>
6. Chinese Academy of Sciences. Europe Releases Strategic Report on the Agricultural Machinery Industry for the Next Decade. 2019, October 18.
7. Department of Agricultural Mechanization. 2021 National Agricultural Mechanization Development Statistical Bulletin. Ministry of Agriculture and Rural Affairs. 2022.
8. Ding Y., Jin Y., Wang Y. The Impact of Foreign Technical Barriers to Trade on Exports of Chinese Enterprises. *Science and Technology Management Research*, 2016. № 36 (9). P. 46-50.
9. Duan X., Dai R. Development Trend of Chinese Agricultural Machinery under the Background of Precision Agriculture. *Journal of Agricultural Mechanization Research*, 2013. № 35 (12). P. 229-232.
10. Equipment Industry Department, Ministry of Industry and Information Technology. (2016, May 12). Interpretation of Made in China 2025: Agricultural Machinery Equipment Field. Central People's Government of PRC. // URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-05/12/content_5071830.htm
11. European Parliament. Ecodesign for Sustainable Products Regulation. Retrieved October 13, 2024 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1781>
12. Farmers' Daily. Here, "Chinese Agricultural Machinery" Sees the World and Itself: A Visit to the German Hanover International Agricultural Machinery Exhibition. 2023, November 21. // URL: https://nyncw.cq.gov.cn/zwx_161/ywx/202311/t20231121_12587411_wap.html
13. Han K. Main Measures of EU Technical Barriers to Trade and Their Implications. *Jiangsu Commercial Forum*, 2006. № 5. P. 109-111.
14. Li G. Developing Low-carbon Agricultural Machinery through the Path of Green Agriculture. *Chinese Agricultural Mechanization*, 2011. № 6. P. 26-28.
15. Li K., Zhang Y., Wang H. Luban Workshops Cultivate Young Skilled Talents for Belt and Road Partner Countries. *China Daily*, 2024, September 17. // URL: <https://china.chinadaily.com.cn/a/202309/17/WS6506c-9b1a310936092f2224e.html>
16. Li S., He H. The Impact of U.S. Technical Barriers on China's Mechanical and Electrical Products Export. *Commercial Research*, 2011. № 10. P. 202-207.
17. Li W., Zhou C. Research on the Impact of Agricultural Mechanization on Regional Agricultural Economic Development. *Journal of Chinese Agricultural Mechanization*, 2024. № 45 (4). P. 294-301.
18. Li Y. The Impact of Technical Barriers to Trade on Chinese Export Trade in the Context of Digital Trade. *Prices Monthly*, 2023. № 11. P. 87-94.
19. Liang J., Wu H., Tian Y. Technical Barriers to Trade and the Quality of Chinese Firms' Export Products. *Journal of International Business Studies*, 2024. № 45 (1). P. 16-28.
20. Lin X., Zheng C. Technical Barriers to Trade and Export Margin Expansion: A Perspective Based on Triple Margins. *Nankai Economic Studies*, 2024. № 7. P. 124-144.
21. Liu Y. Agricultural Machinery Import and Export Moving Forward under Pressure. *International Business Daily*, 2024, July 15. p. 003.
22. Luo X., Liao J., Zou X. Information Technology Enhances the Level of Agricultural Mechanization. *Transactions of the Chinese Society of Agricultural Engineering*, 2016. № 32 (20). P. 1-14.
23. Ministry of Agriculture and Rural Affairs. (2022, February 7). 14th Five-year Plan for National Agricultural Mechanization Development.
24. National People's Congress Standing Committee. (2018, November 5). Agricultural Mechanization Promotion Law of the PRC. // URL: <http://www.npc.gov.cn>

25. Song Y., Fan X., Geng P. Scale Operation and Agricultural Green Development – Observation Based on Agricultural Green Total Factor Productivity. *Journal of Huazhong Agricultural University (Social Sciences Edition)*, 2024. № 4. P. 57-70.
26. State Administration of Foreign Exchange. Enterprise Exchange Rate Risk Management: The “One Principle, Three Don’ts” for Exchange Rate Hedging in Large Multinational Groups. 2022, September 22. // URL: <http://www.safe.gov.cn>
27. State Council. (2015, May 19). Notice of the State Council on Issuing Made in China 2025 (State Council Document No. 28, 2015).
28. State Council. Guiding Opinions of the State Council on Accelerating the Upgrading of Agricultural Mechanization and the Agricultural Machinery Equipment Industry (State Council Document No. 42, 2018). 2019.
29. Wang D., Lin Y. Opportunities and Development Paths for Customized Agriculture in the Context of Urban-Rural Integration. *Agricultural Economy*, 2024. № 7. P. 25-27.
30. Wang X. Identification of Restrictive TBT Measures Implemented by the U.S. on Chinese Manufactured Exports. *World Economy Studies*, 2021. № 6. P. 46-61.
31. Xi J. On Building a Tiered, Collaborative, and Moderately Competitive Agricultural Science and Technology Innovation System. Xinhua Publishing House. 2024.
32. Xue Z., Gao Q. Addressing Shortcomings in Japan’s Agricultural Machinery Equipment: Policy Evolution, Key Measures and Lessons. *Modern Japanese Economy*, 2023. № 42 (6). P. 67-79.
33. Zhang B., Wang Z. How U.S. Technical Barriers to Trade Affect Chinese Enterprise Exports. *Economic Theory and Business Management*, 2019. № 4. P. 4-19.
34. Zhang H. China-Russia Agricultural Cooperation under the Background of China-U.S. Trade Friction. *Russian, East European & Central Asian Studies*, 2020. № 2. P. 38-49.
35. Zhang L., Li Y. The Time is Right for Agricultural Machinery Trade-ins. *Economic Daily*, 2024, April 24. 5 p.
36. Zhao M., Yang M. Research on Export Efficiency and Trade Potential of Chinese Agricultural Machinery Products to Countries Along the Belt and Road – An Empirical Analysis Based on Stochastic Frontier Gravity Model. *World Agriculture*, 2019. № 5. P. 45-52.
37. Zhongshang Industry Research Institute. 2023 China Agricultural Machinery Market Scale and Industry Barrier Forecast Analysis (Charts). Zhongshang Intelligence Network. 2023, June 1. // URL: <https://m.askci.com/news/chan-ye/20230601/163149268560830816138220.shtml>

Р

ЕЦЕНЗИЯ

*Институт философии
Национальной Академии наук
Кыргызской Республики*

Омуралиев Н.А.

*Институт философии Национальной Академии наук
Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан.*

Демографическое старение и активное долголетие: глобальные тренды социального развития

Согласно оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), к 2050 году численность населения в возрасте 60 лет и старше достигнет 2,1 млрд человек, что составит приблизительно 22 % населения планеты [1]. На фоне устойчивого роста продолжительности жизни и одновременного снижения рождаемости процессы старения перестают быть проблемой отдельных государств и приобретают характер глобального демографического мегатренда, требующего комплексных управленческих решений на международном, национальном и региональном уровнях.

Существующие модели социальной поддержки, ориентированные главным образом на медицинское обслуживание и пенсионное обеспечение, уже не отвечают в полной мере современным вызовам. Формируется потребность в переходе к более активной, межсекторальной и ориентированной на права человека политике, направленной не на пассивное содержание пожилых граждан, а на расширение их возможностей, повышение качества жизни и включённости в общественные процессы. Данный подход получил концептуальное оформление в рамках политики активного долголетия.

Параллельно в научной и экспертной среде активно развивается концепция «серебряной экономики» (silver economy), под которой понимается совокупность экономических процессов, товаров и услуг, ориентированных на удовлетворение потребностей старшего поколения и раскрытие его потенциала. Серебряная экономика рассматривается не как узкий рыночный сегмент, а как стратегический ресурс устойчивого развития, способный модернизировать традиционные отрасли и стимулировать формирование новых направлений занятости.

Рецензируемая монография представляет собой фундаментальное, системно выстроенное и междисциплинарное исследование одной из

ключевых проблем XXI века — демографического старения и стратегий реагирования на него через призму концепции активного долголетия. Работа выполнена в логике современной научной повестки, отличается высоким уровнем академической проработки и может быть рекомендована как научному сообществу (социологам, экономистам, геронтологам, политологам), так и практикам — специалистам в области государственного управления, социальной политики и здравоохранения.

Структура монографии отличается внутренней последовательностью: от раскрытия теоретико-методологических оснований — к анализу глобальных вызовов старения, сравнительному рассмотрению национальных моделей и далее к исследованию серебряной экономики как инструмента реализации политики активного долголетия. Такой композиционный принцип позволяет автору не только описать феномен, но и сформулировать институциональные и практические ориентиры его внедрения.

Актуальность темы подтверждается демографическими прогнозами ООН: при ожидаемой численности населения мира к 2050 году в 9 млрд 700 млн человек доля граждан старше 60 лет составит около 22 %, то есть более 2 млрд человек [2]. В Российской Федерации удельный вес населения старше 60 лет уже превышает 24 % [3]. Автор убедительно показывает, что старение следует рассматривать не как локальную социальную проблему, а как системный мегатренд, оказывающий влияние на экономическое развитие, рынок труда, пенсионные системы, процессы урбанизации, международную безопасность и геополитическую устойчивость.

Научная новизна исследования выражается в нескольких ключевых положениях:

- комплексном осмыслении концепции активного долголетия на основе междисциплинарного синтеза (экономика, социология, политология, геронтология, урбанистика);
- систематизации и критическом сопоставлении концепций успешного, продуктивного, здорового и активного старения;
- введении в научный дискурс понятий *age mainstreaming* (учёт возрастного фактора в государственной политике) и геронтократии, что расширяет аналитическую рамку исследования;
- трактовке серебряной экономики как стратегического инструмента устойчивого развития, а не ограниченного потребительского сегмента.

Монография опирается на солидную эмпирическую и нормативную

базу: документы ООН, ВОЗ, ОЭСР, Европейского союза, а также результаты крупных лонгитюдных исследований (MacArthur Study, LASA, ELSA). Значительное внимание уделено международным программным документам, включая Мадридский международный план действий по проблемам старения (2002), Стратегию ВОЗ по здоровому старению на 2020–2030 годы, инициативы ЕС и национальные стратегии.

Особую аналитическую ценность придаёт сравнительный анализ национальных моделей активного долголетия в странах Скандинавии, Германии, Франции, Японии и России. Сопоставление различных подходов позволяет выявить институциональные механизмы и лучшие практики, применимые в российском контексте.

Сильной стороной работы является её междисциплинарность. Автор последовательно демонстрирует, что политика активного долголетия не может ограничиваться рамками здравоохранения или социальной поддержки. Она требует координации усилий в ряде сфер:

- трудовые отношения (гибкие формы занятости, развитие серебряного предпринимательства);
- образование (университеты третьего возраста, цифровая грамотность);
- городская среда (концепция age-friendly городов);
- цифровая трансформация (телемедицина, технологии AAL);
- международная безопасность (вопросы демографической уязвимости регионов).

Особого внимания заслуживает анализ age mainstreaming как принципа государственного управления. Автор аргументированно показывает, что возраст должен учитываться в качестве сквозного фактора во всех направлениях политики — от бюджетного планирования до территориального развития.

Работа имеет выраженную практическую направленность: сформулированы рекомендации для российской повестки, включая необходимость разработки федерального закона об активном долголетии, совершенствование системы долговременного ухода, внедрение оценки возрастного воздействия при принятии нормативных актов, поддержку серебряного предпринимательства и добровольчества, интеграцию принципов age-friendly в национальные проекты.

Ценным представляется и анализ отечественных инициатив — федерального проекта «Старшее поколение» и программы «Московское долголетие» — в сопоставлении с зарубежными моделями.

Монография написана в выдержанном академическом стиле, аргументация логична, выводы опираются на эмпирические данные. Использование таблиц, схем и статистических показателей (в частности, уровня занятости лиц 55+ в Швеции — 77,4 %) усиливает доказательность представленного анализа.

При общей высокой оценке можно обозначить отдельные направления для дальнейшего развития исследования:

- более глубокий анализ региональных различий в России, особенно в контексте сельской депопуляции и инфраструктурной доступности услуг;

- расширенное рассмотрение гендерных аспектов старения, учитывая более высокую продолжительность жизни женщин и их социально-экономическую уязвимость;

- обсуждение этических вопросов технологизации ухода (роботизация, вопросы приватности в «умных» домах).

Отмеченные аспекты могут стать предметом последующих исследований и не снижают научной ценности работы.

В целом монография Ананченковой П.И. представляет собой значимый вклад в развитие отечественной и международной науки о старении. Она сочетает теоретическую глубину, эмпирическую обоснованность, междисциплинарный подход и практическую ориентированность. Автор последовательно доказывает, что демографическое старение следует рассматривать не как угрозу, а как вызов, открывающий возможности для формирования более инклюзивной и устойчивой социальной модели.

Политика активного долголетия и серебряная экономика выступают взаимодополняющими стратегиями реагирования на демографические изменения: первая формирует ценностно-нормативную основу, вторая — экономический и инновационный инструментариум реализации. Их интеграция позволяет переосмыслить старение как ресурс устойчивого развития.

Для Российской Федерации, где доля граждан старших возрастов уже достигает четверти населения, международный опыт может служить ориентиром при разработке комплексной национальной стратегии активного долголетия и системной поддержки серебряной экономики.

Монография Ананченковой Полины Игоревны «Политика активного долголетия и перспективы развития серебряной экономики» заслуживает высокой оценки и может быть рекомендована к изданию, а также к

использованию в качестве научно-методического основания для разработки государственной политики в сфере активного долголетия и демографического развития.

Список литературы:

1. ВОЗ: к 2050 г. число людей старше 60 лет удвоится; необходимы кардинальные социальные перемены. // URL: <https://www.who.int/ru/news/item/30-09-2015-who-number-of-people-over-60-years-set-to-double-by-2050-major-societal-changes-required> (Дата обращения: 11.12.2025).
2. К 2050 году пожилые составят 22% населения планеты. // URL: <https://24.kz/ru/news/in-the-world/694420-k-2050-godu-pozhilye-sostavyat-22-naseleniya-planety> (Дата обращения: 11.12.2025).
3. Доля россиян старше 60 лет к 2030 году превысит 25%. // URL: <https://www.rbc.ru/society/26/09/2025/68d6dfd9a79472452adde84> (Дата обращения: 11.12.2025).

Bibliography

1. WHO: The number of people over the age of 60 will double by 2050; drastic social changes are needed. // URL: <https://www.who.int/ru/news/item/30-09-2015-who-number-of-people-over-60-years-set-to-double-by-2050-major-societal-changes-required> (12.11.2025).
2. By 2050, the elderly will make up 22% of the world's population. // URL: <https://24.kz/ru/news/in-the-world/694420-k-2050-godu-pozhilye-sostavyat-22-naseleniya-planety> (11.12.2025).
3. The share of Russians over the age of 60 will exceed 25% by 2030. // URL: <https://www.rbc.ru/society/26/09/2025/68d6dfd9a79472452adde84> (11.12.2025).

Аннотации

Ардашев Р.Г.

Патриотические ценности студенческой молодежи

Развитие патриотизма и гражданственности выступает приоритетной задачей в образовательных учреждениях страны. Идеи патриотизма выступают в приоритете профессиональных навыков, так как получаемые знания и компетенции могут использоваться для развития интересов страны. Проведен онлайн опрос студентов Иркутска, Красноярска и Улан-Удэ. Результаты исследования указывают на особенности патриотизма студентов, роль преподавателя, его личности и харизмы, а также способов раскрытия информации о предмете, педагогических инструментах и современных технологиях, используемых в процессе обучения. Делаются выводы о механизмах использования виртуальных возможностей современного общества в процессе развития гражданственности и патриотизма среди студентов. Мнения студентов позволяют фиксировать существующие проблемные зоны и перспективные направления развития образовательных инструментов развития патриотизма в рамках образовательной деятельности. Формируется фокус внимания преподавателей на современные виртуальные технологии, помогающие развивать основы патриотизма современной молодежи. В ходе работы выявлены современные особенности развития патриотизма, обозначена роль внешней среды и способы адаптации студентов к происходящим процессам. Дана оценка эффективности формирования патриотизма на предмете «Основы российской государственности» и сформированы рекомендации по использованию виртуальных возможностей в развитии патриотизма студентов.

Ключевые слова: патриотизм, гражданское сознание, студенты, экономический университет, «Основы российской государственности».

Абазалиева М.М.

Эволюция взаимодействия государства и религиозных организаций в России

Одной из важнейших составляющих российской истории являются государственно - церковные (позже государственно-конфессиональные) отношения, предопределившие основные этапы развития не только российской государственности, но и правовой системы. В государственно-конфессиональных отношениях в России очень много традиционного, сознательно воспроизводимого, причем это отражается и в деятельности государственных органов, и в общественном сознании.

Религиозная многоконфессиональность народа является неоспоримым духовным и политическим богатством России. Складывавшаяся веками в России традиция взаимодействия государства и религиозных организаций не только сохраняется, но и развивается. Данные отношения регулируются различными правовыми нормами, которые устанавливают государственный режим Российской Федерации и правовой статус религиозных организаций.

Ключевые слова: религиозные организации, государство, государственно-конфессиональные отношения, Конституция Российской Федерации.

Семенко И.Е.

Формирование профессиональных компетенций в условиях цифровой экономики

Статья посвящена проблеме формирования профессиональных компетенций специалистов экономического профиля в условиях цифровой экономики. Обосновывается, что ускоренное развитие цифровых технологий, платформенных бизнес-моделей и аналитики больших данных радикально меняет требования к содержанию и результатам профессионального образования.

Показано, что традиционная модель подготовки, ориентированная преимущественно на усвоение теоретических знаний и регламентированных процедур, оказывается недостаточной для работы в цифровой среде. На основе анализа нормативных документов, научных публикаций и эмпирических данных, полученных в ходе анкетного опроса студентов и работодателей, раскрываются особенности структуры профессиональных компетенций, востребованных цифровой экономикой, и оценивается степень их сформированности.

Предложена типология компетенций, включающая содержательно-предметный, цифрово-инструментальный, аналитический и коммуникативно-кооперативный блоки. Выявлены расхождения между самооценкой студентов и оценками работодателей по уровню владения ключевыми компетенциями.

Сформулированы рекомендации по совершенствованию образовательного процесса и обновлению образовательных программ с учетом требований цифровой экономики.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, цифровая экономика, высшее образование, подготовка экономистов, цифровые навыки, аналитика данных, образовательные результаты.

Узденова Б.Х.
Дзамыхова А.З.
Шидаков И.А.
Кульчаев И.З.
Чочуев Э.Р.

Роль искусственного интеллекта в сфере образования

Роль искусственного интеллекта (ИИ) в образовании постепенно растет. В России внедрение использования ИИ в образование проходит на системном уровне, чтобы решать самые разные задачи обучения. Интеграция искусственного интеллекта (ИИ) в сферу образования открывает новые горизонты для обучения и преподавания. Внедрение ИИ способствует персонализации образовательного процесса, адаптируя учебные материалы и методы к индивидуальным потребностям каждого обучающегося.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальные системы, образовательный процесс, сфера образования, государственные стандарты.

Соломенцев Г.С.

Информационно-коммуникационная среда кадрового потенциала: сущность, структура и роль в промышленной среде

Одной из ключевых целей в сфере управления персоналом является адаптация к новым условиям цифровой эры, что предполагает стратегическое развитие человеческих ресурсов. В этом контексте особое значение приобретает создание единого цифрового пространства для всех работников через мобильные и другие приложения. Эти инструменты способствуют не только усиленной коммуникации и связности внутри компании, но и распространению общих ценностей и культурных основ, обеспечивают возможности для профессионального роста сотрудников и поддерживают необходимый уровень кибербезопасности.

В данной статье рассмотрены методы организации кадровой работы в контексте обновления технологической базы на промышленных предприятиях. Исследование показывает, как цифровые инновации способствуют объединению усилий различных отделов предприятия и позволяют вести централизованный контроль за деятельностью всех ассоциированных предприятий. Это включает в себя возможности для распределения ответственности между центрами и подготовку своевременных отчетов об эффективности ключевых и поддерживающих бизнес-процессов.

Ключевые слова: рынок труда, человеческий капитал, цифровизация, заработная плата, компьютеризация.

Семенко И.Е.

Цифровая трансформация профессиональной подготовки экономистов

Статья посвящена анализу цифровой трансформации профессиональной подготовки экономистов в Российской Федерации. Рассматриваются институциональные и содержательные изменения высшего экономического образования под влиянием развития цифровой экономики, распространения онлайн-форматов и внедрения образовательной аналитики.

Показано, что ключевым результатом цифровой трансформации становится переход от передачи законченной совокупности знаний к формированию цифровых и метапредметных компетенций, обеспечивающих гибкую адаптацию выпускников к быстро меняющейся среде.

Сформулированы предложения по повышению эффективности цифровой трансформации подготовки экономистов в РФ.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая трансформация, высшее образование, профессиональная подготовка экономистов, цифровые компетенции, онлайн-обучение, смешанное обучение, образовательная аналитика.

Таюкин А.Г.

Востриков К.В.

Основные элементы региональной системы профилактики и противодействия экстремизму и терроризму

Авторы проанализировали существующие подходы в научной литературе к определению системы противодействия экстремизму и терроризму, выявив различия и пробелы в трактовках разных ученых. На основании проведенного анализа сформулировано авторское понимание этих дефиниций применительно к концепции регионального уровня организации и управления антитеррористической безопасностью на примере Томской и Кемеровской областях.

Ключевые слова: общество, безопасность, угрозы, система, профилактика, противодействие, экстремизм, терроризм, центр, государство, политика.

Хоу Юньлун

Лян Юяо

Чжэн Ся

Шу Чживей

Цао Синьи

**Опера Иян: вокальное искусство,
историческая эволюция и современное наследие**

Являясь истоком системы высокотональной оперы Китая и признанным на национальном уровне нематериальным культурным наследием, опера Иян обладает как глубокой исторической ценностью, так и непреходящей современной значимостью. В данном исследовании систематически рассматриваются ее характерные вокальные особенности и современные пути сохранения. Прослеживается историческое становление оперы Иян, показывается, как она впитала в себя элементы южной оперы и северной музыки, одновременно укоренившись в местном диалекте и народной культуре – процесс, который раскрывает «адаптивность» как ее основную устойчивую черту. С художественной точки зрения, техника «ведущий певец с хором» (банцян) обогащает драматическую атмосферу и психологическую выразительность; стратегическое использование диалекта и тональная гибкость отражают ее народную инклюзивность; а инновационная форма «скользящей мелодии» (гуньдяо) разрушает традиционные музыкальные ограничения, усиливая повествовательный эффект. В ответ на текущие вызовы, такие как сокращение цепочек передачи и снижение общественного интереса, в данной статье предлагается трехчастная стратегия, основанная на живом наследии, цифровом сохранении и художественной инновации. В ней утверждается, что устойчивое будущее оперы Иян зависит от преобразования ее присущей адаптивности в сознательное современное творчество, что позволит этому древнему искусству обрести новую жизненную силу благодаря инновационному развитию.

Ключевые слова: опера Иян, вокальный стиль, бэк-вокал, скользящая мелодия, нематериальное культурное наследие, наследие оперы.

Бурмистров Г.В.

К вопросу о теоретико-методологических подходах к определению политических технологий

В данной статье рассматриваются теоретико-методологические подходы к определению «политических технологий». Систематизация на основании существенного признака предмета рассмотрения в онтологическом плане позволяет воспринять имманентную сущность политических технологий как феномена в политологии. Отмечается, что политические технологии широко применяются различными политическими акторами в условиях глобальной конкуренции. Поэтому анализ разнообразных теоретико-методологических подходов к рассматриваемому предмету является актуальным исследованием и имеет важное научное и практическое значение.

Ключевые слова: прогнозирование, политическая технология, поли-

тические науки, геополитика, геополитическая конкуренция.

Куровский С.В.

Мишин Д.А.

Морозов М.А.

**Эволюция роли ФРГ в военно-политической стратегии
НАТО в период холодной войны (1949-1991 гг.)**

В статье отражена историческая эволюция роли ФРГ в военно-политической стратегии НАТО в период холодной войны. Цель научного исследования – анализ факторов, этапов и результатов эволюции положения ФРГ в стратегии и практико-ориентированной политике НАТО в рамках биполярного противостояния. В статье приведены характеристики становления ФРГ как ключевого элемента оборонительной стратегии НАТО на Центрально-Европейском ТВД (конец 1940-х - 1960-е гг.), функционирования ФРГ в условиях стратегического паритета (1970-е - первая половина 1980-х гг.), а также аспекты существования ФРГ на завершающем этапе холодной войны (вторая половина 1980-х - 1991 гг.). Хронологические рамки исследования охватывают весь период холодной войны, от момента одновременного образования двух основополагающих структур на международной арене, НАТО и ФРГ, в 1949 году до формального завершения глобальной конфронтации в 1991 году.

Ключевые слова: эволюция роли ФРГ, военно-политическая стратегия НАТО, период холодной войны, стратегический паритет, международные отношения, биполярная структура, факторы.

Гаврилюк Н.П.

Дедиу Е.И.

**Восточные истоки и исламская рецепция: к вопросу о генезисе
и развитии техники сплошного окрашивания писчего материала**

Статья посвящена комплексному историко-культурологическому и технологическому исследованию генезиса и развития техники сплошного окрашивания писчего материала в исламском мире. Основное внимание уделяется анализу восточных (преимущественно китайских) истоков данной практики, механизмам ее адаптации и трансформации в мусульманской культуре, а также ее роли в искусстве исламской книги.

На основе междисциплинарного подхода, сочетающего анализ материальных источников (рукописей IX – XVIII вв.) и переводы персидских и арабских текстовых трактатов (XII – XIX вв.), автор прослеживает пути пе-

редачи технологии из Китая через Центральную Азию на Ближний Восток и далее в регионы Магриба и Аль-Андалуса. В работе рассматривается эволюция техник окрашивания (погружение, нанесение грунта, окрашивание в массу), реконструируется палитра натуральных красителей (хна, шафран, куркума, сафлор и др.) и протрав, описываются технологические рецепты.

Исследование демонстрирует, что сплошное окрашивание бумаги в исламской традиции было не просто декоративным приемом, а сложным социокультурным феноменом, выполнявшим три ключевые функции: утилитарную (защита зрения, предотвращение подделок, фунгистатические свойства), эстетическую (создание фона, соответствующего канонам исламского искусства) и символическую (цветовой код в дипломатической и официальной переписке, выражение социального статуса и религиозных смыслов). Делается вывод о том, что рецепция и развитие восточной технологии окрашивания стали важной составляющей формирования уникальной материальной культуры исламской рукописной книги, отражающей процессы культурного диалога и адаптации.

Ключевые слова: исламская рукописная книга, сплошное окрашивание бумаги, натуральные красители, технология окрашивания, персидские трактаты, кодикология, культурный трансфер, искусство книги, функции цвета.

Довгялло Я.П.

Этические вызовы применения искусственного интеллекта в деятельности благотворительных организаций

В статье анализируются ключевые этические вызовы, возникающие при внедрении технологий искусственного интеллекта (ИИ) в деятельность благотворительных организаций. На основе обзора международных и российских практик выявлены следующие этические риски: нарушение конфиденциальности персональных данных уязвимых групп, алгоритмическая дискриминация при распределении помощи, снижение человеческого участия в благотворительности, отсутствие прозрачности и подотчётности ИИ-систем. Показано, что применение ИИ в некоммерческом секторе требует особого этического регулирования, учитывающего уязвимость бенефициаров и ценность доверия как основного ресурса благотворительности. Предложены принципы ответственного ИИ для НКО, соответствующие рекомендациям ЮНЕСКО, ОЭСР и Европейской комиссии.

Ключевые слова: искусственный интеллект, благотворительность, некоммерческие организации, этика ИИ, защита данных, алгоритмическая

справедливость, цифровая трансформация.

Рохас С.М.

**От мимикрии к востребованию: Хоми Бхабха
и реаффирмация идентичности коренных народов в культурной
продукции Мексики и Колумбии**

Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления динамики культурной идентичности в условиях латиноамериканского постколониализма, где доминирующий нарратив местисахе (смешения) маскировал структурное исключение коренных народов. Колониальное наследие проявляется в навязывании западных эстетических стандартов как единственно легитимных форм, что низводит подлинные идентичности до уровня фольклора. Цель статьи – проанализировать, как современные творцы в Мексике и Колумбии (2010–2025 гг.) используют колониальные механизмы для их подрыва, преобразуя пассивную ассимиляцию в активное востребование своей идентичности.

Теория и Методы. Теоретической базой исследования выступили концепции мимикрии, гибридности и Третьего пространства Хоми К. Бхабха. Эмпирической основой послужил корпус современной культурной продукции (литература, перформанс, визуальное искусство) Мексики и Колумбии, созданный в период 2010–2025 гг. Посредством деколониального критического анализа выявляются и операционализируются стратегии субверсии и реаффирмации, доказывая, что культурное производство является ареной политической субъектности в постколониальной Латинской Америке.

Результаты исследования. Установлено, что гегемонистские нарративы породили феномен «мимикрии» как первоначальную форму подражания, которая, однако, не является дефектом, а трансформируется в тактический инструмент. Факторный анализ культурного производства прояснил структуру субверсии: тактическое использование колониальных форм (мимикрия) переходит в стратегическое производство неэссенциалистской идентичности (гибридность и Третье пространство).

Обсуждение и Заключение. Стратегическое использование гибридности и Третьего пространства творцами из числа коренных народов демонстрирует, что эти механизмы функционируют не просто как эстетика, но как акты политической субъектности. Подтверждается гипотеза о том, что культурная продукция стратегически использует механизмы Бхабха для демонтажа колониальной власти и утверждения суверенных идентичностей коренных народов в общенациональном и глобальном контексте.

Ключевые слова: Хоми Бхабха, мимикрия, гибридность, третье пространство, идентичности коренных народов, постколониализм, культурная продукция, Мексика, Колумбия.

Си Хань

Прорыв и расширение китайской сельскохозяйственной отрасли машиностроения: глобальное позиционирование в условиях технических барьеров в торговле

В данном исследовании в качестве объекта исследования рассматривается китайская сельскохозяйственная отрасль машиностроения, особое внимание уделяется проблемам, создаваемым техническими барьерами в торговле (ТБТ) на мировом рынке, и стратегиям интернационализации. На примере уезда Шуанфэн провинции Хунань систематически анализируются характеристики ТБТ на ключевых экспортных рынках. Кроме того, оценивается их прямое экономическое влияние, косвенное влияние на цепочку поставок и роль в формировании имиджа бренда. В исследовании установлено, что, хотя ТБТ приводит к издержкам на соблюдение требований и затрудняет доступ к рынку, оно вынуждает соответствующие предприятия стремиться к технологическим инновациям и модернизации производства. Столкнувшись с многочисленными проблемами, данное исследование предлагает ряд стратегий преодоления, охватывающих государственные, промышленные и корпоративные аспекты. Цель исследования – помочь этой отрасли преодолеть эти барьеры, добиться качественного глобального развития и укрепить свои позиции в глобальной цепочке создания стоимости посредством более эффективной модернизации, интеграции и выхода на международный рынок.

Ключевые слова: барьеры в торговле (ТБТ), китайская сельскохозяйственная промышленность, экспортные рынки, глобальное позиционирование, стратегии преодоления.

Омуралиев Н.А.

Демографическое старение и активное долголетие: глобальные тренды социального развития

В рецензии представлена авторская оценка исследования П.И. Ананченко «Политика активного долголетия и перспективы развития серебряной экономики» – М.: ИД АТиСО, 2025. – 216 с.

Ключевые слова: демография, старение населения, активное долголетие, серебряная экономика.

Abstracts

Ardashev R.G.

Patriotic values of student youth

Developing patriotism and civic consciousness is a priority in the country's educational institutions. Patriotic ideas are prioritized over professional skills, as the acquired knowledge and competencies can be used to advance the country's interests. An online survey of students at economics universities in Irkutsk, Krasnoyarsk, and Ulan-Ude was conducted. The study's results highlight the characteristics of students' patriotism, the role of teachers, their personality and charisma, as well as the methods of conveying information about the subject, pedagogical tools, and modern technologies used in the learning process. Conclusions are drawn about the mechanisms for using the virtual opportunities of modern society to develop civic consciousness and patriotism among students at economics universities. Students' opinions allow us to identify existing problem areas and promising areas for developing educational tools for fostering patriotism within the context of educational activities. This study focuses teachers' attention on modern virtual technologies that help develop the foundations of patriotism in today's youth. The study identified contemporary characteristics of patriotism development, outlined the role of the external environment, and identified ways for students to adapt to current processes. An assessment was made of the effectiveness of fostering patriotism in the course "Fundamentals of Russian Statehood," and recommendations were developed for using virtual opportunities to develop student patriotism.

Key words: patriotism, civic consciousness, students, economics university, "Fundamentals of Russian Statehood".

Abazalieva M.M.

Evolution of interaction between the state and religious organizations in Russia

One of the most important components of Russian history is the state-church (later state-confessional) relations, which predetermined the main stages of development not only of Russian statehood, but also of the legal system. There is a lot of traditional and consciously reproduced content in Russia's state-religion relations, which is reflected both in the activities of government agencies and in public consciousness. The religious diversity of the Russian people is an undeniable spiritual and political asset of Russia. The centuries-old tradition of cooperation between the state and religious organizations in Rus-

sia is not only preserved but also developed. This relationship is regulated by various legal norms that establish the state regime of the Russian Federation and the legal status of religious organizations.

Key words: religious organizations, state, state-religious relations, Constitution of the Russian Federation.

Semenko I.Y.

Formation of professional competencies in the digital economy

The article is devoted to the problem of the formation of professional competencies of economic specialists in the digital economy. It is proved that the accelerated development of digital technologies, platform business models and big data analytics is radically changing the requirements for the content and results of professional education.

It is shown that the traditional training model, focused mainly on the assimilation of theoretical knowledge and regulated procedures, is insufficient to work in a digital environment. Based on the analysis of regulatory documents, scientific publications and empirical data obtained during a questionnaire survey of students and employers, the features of the structure of professional competencies demanded by the digital economy are revealed and the degree of their formation is assessed.

A typology of competencies is proposed, including content-based, digital-instrumental, analytical, and communicative-cooperative blocks. Discrepancies between students' self-assessment and employers' assessments of the level of proficiency in key competencies were revealed.

Recommendations for improving the educational process and updating educational programs, taking into account the requirements of the digital economy, are formulated.

Key words: professional competencies, digital economy, higher education, training of economists, digital skills, data analytics, educational outcomes.

Uzdenova B.Kh.

Dzamikhova A.Z.

Shidakov I.A.

Kulchaev I.Z.

Chochuev E.R.

The role of artificial intelligence in the field of education

The role of artificial intelligence (AI) in education is gradually increasing. In Russia, the implementation of AI in education is taking place at a systemic

level to address a wide range of educational challenges. The integration of artificial intelligence (AI) into the field of education opens up new horizons for learning and teaching. The introduction of AI contributes to the personalization of the educational process by adapting educational materials and methods to the individual needs of each student.

Key words: artificial intelligence, intelligent systems, educational process, field of education, state standards.

Solomentsev G.S.

**Information and communication environment of human resources:
the essence, structure and role in the industrial environment**

One of the key goals in the field of personnel management is to adapt to the new conditions of the digital age, which implies the strategic development of human resources. In this context, the creation of a single digital space for all employees through mobile and other applications is of particular importance. These tools contribute not only to enhanced communication and connectivity within the company, but also to the dissemination of common values and cultural foundations, provide opportunities for professional growth of employees and maintain the necessary level of cybersecurity. This article discusses the methods of organizing personnel work in the context of updating the technological base at industrial enterprises. The study shows how digital innovations help to unite the efforts of various departments of the enterprise and allow for centralized control over the activities of all associated enterprises. This includes opportunities to distribute responsibilities between the centers and prepare timely reports on the effectiveness of key and supporting business processes.

Key words: labor market, human capital, digitalization, wages, computerization.

Semenko I.Y.

Digital transformation of professional training of economists

This article analyzes the digital transformation of professional training for economists in the Russian Federation. It examines institutional and substantive changes in higher economic education influenced by the development of the digital economy, the spread of online formats, and the introduction of educational analytics.

It demonstrates that the key outcome of digital transformation is the shift from the transfer of a complete body of knowledge to the development of digital and meta-subject competencies that enable graduates to adapt flexibly to a

rapidly changing environment.

Proposals for improving the effectiveness of digital transformation in economics training in the Russian Federation are formulated.

Key words: digital economy, digital transformation, higher education, professional training of economists, digital competencies, online learning, blended learning, educational analytics.

Tayukin A.G.

Vostrikov K.V.

Basic elements of the regional system for preventing and countering extremism and terrorism

The authors analyzed existing approaches in the scientific literature to defining a system for countering extremism and terrorism, identifying differences and gaps in interpretations across scholars. Based on this analysis, the authors formulated their understanding of these definitions as they apply to the concept of regional-level organization and management of counterterrorism security, using the Tomsk and Kemerovo regions as examples.

Key words: society, security, threats, system, prevention, counteraction, extremism, terrorism, center, state, politics.

Hou Yunlong

Liang Yuyao

Zheng Xia

Shu Zhiwei

Cao Xinyi

Yiyang opera: vocal artistry, historical evolution, and contemporary inheritance

As the origin of China's high-pitched opera system and a nationally recognized intangible cultural heritage, Yiyang Opera possesses both profound historical value and enduring contemporary relevance. This study systematically examines its distinctive vocal artistry and current preservation pathways. It traces the historical formation of Yiyang Opera, showing how it absorbed elements of Southern opera and Northern music while embedding itself in local dialect and folk culture— a process that reveals “adaptability” as its core sustaining feature. Artistically, the “lead singer with chorus” (bangqiang) technique enriches dramatic atmosphere and psychological expression; the strategic use of dialect and tonal flexibility reflects its folk inclusivity; and the innovative “rolling tune” (gundiao) form breaks conventional musical

constraints to intensify narrative impact. In response to current challenges such as shrinking transmission chains and declining public engagement, this paper proposes a tripartite strategy centered on living inheritance, digital preservation, and artistic innovation. It argues that the sustainable future of Yiyang Opera depends on transforming its inherent adaptability into conscious contemporary creativity—enabling this ancient art to achieve renewed vitality through innovative development.

Key words: Yiyang opera, singing style, supporting voice, rolling tone, intangible cultural heritage, opera inheritance.

Burmistrov G.V.

**On the issue of theoretical and methodological approaches
to the definition of political technology**

This article discusses theoretical and methodological approaches to the definition of “political technologies”. Systematization on the basis of an essential feature of the subject of consideration in the ontological plan allows us to perceive the immanent essence of political technologies as a phenomenon in political science. It is noted that political technologies are widely used by various political actors in the context of global competition. Therefore, the analysis of various theoretical and methodological approaches to the subject under consideration is a relevant research and has important scientific and practical significance.

Key words: forecasting, political technology, political science, geopolitics, geopolitical competition.

Kurovsky S.V.

Mishin D.A.

Morozov M.A.

**The evolution of the role of the FRG in the military-political strategy
of NATO during the cold war (1949-1991)**

The article reflects the historical evolution of the role of the FRG in NATO’s military-political strategy during the Cold War. The objective of the scientific study is to analyze the factors, stages, and results of the evolution of the FRG’s position in NATO’s strategy and practice-oriented policy within the framework of the bipolar confrontation. The article presents the characteristics of the formation of the FRG as a key element of NATO’s defensive strategy in the Central European theater of military operations (late 1940s - 1960s), the functioning of the FRG under conditions of strategic parity (1970s - first half of the 1980s), as well as aspects of the FRG’s existence at the final stage of

the Cold War (second half of the 1980s - 1991). The chronological framework of the study covers the entire period of the Cold War, from the simultaneous formation of two fundamental structures in the international arena, NATO and the FRG, in 1949 to the formal end of the global confrontation in 1991.

Key words: the evolution of the role of Germany, NATO's military-political strategy, the Cold War period, strategic parity, international relations, bipolar structure, factors.

Gavrilyuk N.P.

Dediu E.I.

Eastern origins and Islamic reception: on the genesis and development of the technique of solid coloring of writing materials

The article is devoted to a comprehensive historical, cultural and technological study of the genesis and development of the technique of solid coloring of writing materials in the Islamic world. The main focus is on the analysis of the Eastern (predominantly Chinese) origins of this practice, the mechanisms of its adaptation and transformation in Muslim culture, and its role in the art of the Islamic book.

Based on an interdisciplinary approach combining the analysis of material sources (manuscripts of the 9th – 18th centuries) and translations of Persian and Arabic textual treatises (12th – 19th centuries), the author traces the routes of technology transfer from China through Central Asia to the Middle East and further to the regions of the Maghreb and Al-Andalus. The work details the evolution of coloring techniques (immersion, ground application, mass coloring), reconstructs the palette of natural dyes (henna, saffron, turmeric, safflower, etc.) and mordants, and describes technological recipes.

The study demonstrates that solid paper coloring in the Islamic tradition was not merely a decorative device, but a complex socio-cultural phenomenon that performed three key functions: utilitarian (eye protection, forgery prevention, fungistatic properties), aesthetic (creating a background corresponding to the canons of Islamic art), and symbolic (color code in diplomatic and official correspondence, expression of social status and religious meanings). The conclusion is drawn that the reception and development of Eastern coloring technology became an important component in the formation of the unique material culture of the Islamic manuscript book, reflecting the processes of cultural dialogue and adaptation.

Key words: Islamic manuscript book, solid paper coloring, natural dyes, coloring technology, Persian treatises, codicology, cultural transfer, art of the book, functions of color.

Dovgyallo Y.P.

**Ethical challenges of using artificial intelligence
in the activities of charitable organizations**

The article analyzes the key ethical challenges that arise when introducing artificial intelligence (AI) technologies into the activities of charitable organizations. Based on a review of international and Russian practices, the following ethical risks have been identified: violation of the confidentiality of personal data of vulnerable groups, algorithmic discrimination in the distribution of aid, reduced human participation in charity, lack of transparency and accountability of AI systems. It is shown that the use of AI in the non-profit sector requires special ethical regulation, taking into account the vulnerability of beneficiaries and the value of trust as the main resource of charity. The principles of responsible AI for NGOs are proposed, corresponding to the recommendations of UNESCO, the OECD and the European Commission.

Key words: artificial intelligence, philanthropy, non-profit organizations, AI ethics, data protection, algorithmic fairness, digital transformation.

Rojas S.M.

**From mimicry to reclamation: Homi Bhabha and the reaffirmation
of indigenous identities in cultural production of Mexico and Colombia**

Introduction. The relevance of this study stems from the necessity to re-examine the dynamics of cultural identity within Latin American post-colonialism, where the dominant narrative of *mestizaje* (racial and cultural mixing) has masked the structural exclusion of Indigenous peoples. The colonial legacy is manifest in the imposition of Western aesthetic standards as the only legitimate forms, which reduces authentic Indigenous identities to the level of folklore. The aim of this article is to analyze how contemporary creators in Mexico and Colombia (2010–2025) utilize colonial mechanisms to subvert them, transforming passive assimilation into the active reclamation of their identity.

Theory and Methods. The theoretical framework for the research is provided by Homi K. Bhabha's concepts of mimicry, hybridity, and the Third Space. The empirical basis is drawn from a corpus of contemporary cultural production (literature, performance, visual art) from Mexico and Colombia, created between 2010 and 2025. Strategies of subversion and reaffirmation are identified and operationalized through decolonial critical analysis, confirming that cultural production is a crucial arena of political subjectivity in post-colonial Latin America.

Research Results. It is established that hegemonic narratives gave rise to the phenomenon of “mimicry” as an initial form of imitation, which, however, is

not a mere flaw but is transformed into a tactical instrument. A factor analysis of the cultural production clarifies the structure of subversion: the tactical deployment of colonial forms (mimicry) transitions into the strategic production of non-essentialist identity (hybridity and the Third Space).

Discussion and Conclusion. The strategic use of hybridity and the Third Space by Indigenous creators demonstrates that these mechanisms function not merely as aesthetics, but as acts of political subjectivity. The hypothesis is confirmed: cultural production strategically employs Bhabha's mechanisms to dismantle colonial power and assert sovereign Indigenous identities within national and global contexts.

Key words: Homi Bhabha, mimicry, hybridity, third space, indigenous identities, postcolonialism, cultural production, Mexico, Colombia.

Xi Han

Breakthrough and expansion of Chinese agricultural machinery industry: global positioning under technical barriers to trade

This study takes Chinese agricultural machinery industry as its research object, focusing on the challenges posed by Technical Barriers to Trade (TBT) in the global market and internationalization strategies. Centering on Shuangfeng County of Hunan Province, it systematically analyzes the characteristics of TBT in key export markets. It further assesses their direct economic impact, indirect supply chain effects and role in shaping brand image. The study finds that while TBT introduces compliance costs and market access obstacles, it compels related enterprises to pursue technological innovation and industrial upgrading. Confronted with multiple challenges, this research thereby proposes a set of coping strategies from governmental, industrial, and corporate perspectives. The aim is to help this industry break through these barriers, achieve quality global development and elevate its position in the global value chain through better upgrades, alignments and international market.

Key words: Technical Barriers to Trade (TBT), Chinese agricultural machinery industry, export markets, global positioning, coping strategies.

Omuraliev N.A.

Demographic aging and active ageing: global trends in social development

This review presents the author's assessment of P.I. Ananchenkova's study "Active Ageing Policy and Prospects for the Development of a Silver Economy" – Moscow: ID ATiSO, 2025. – 216 pages.

Key words: demography, population aging, active ageing, silver economy.

Авторы

Абазалиева М.М. - кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. Северо-Кавказская государственная академия.

Ардашев Р.Г. - доктор философских наук, кандидат юридических наук, начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России; профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета.

Бурмистров Г.В. - аспирант. Автономная некоммерческая организации высшего образования «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0001-9194-0337

Востриков К.В. - кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления. Институт Экономики и Управления Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева, г. Кемерово.

Гаврилюк Н.П. - кандидат исторических наук. Директор музея «Бузеон» ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура».

Дедиу Е.И. - старший преподаватель кафедры истории. Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Дзамыхова А.З. - обучающаяся 2 курса. Прикладная информатика направленность (профиль) Прикладная информатика в юриспруденции. Северо-Кавказская государственная академия.

Довгялло Я.П. - кандидат экономических наук, научный сотрудник. Институт экономики и демографии Национальной академии наук Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан. ORCID: 0000-0003-3085-3445

Кульчаев И.З. - обучающийся 2 курса. Северо-Кавказская государственная академия.

Куровский С.В. - руководитель научно-исследовательского подразделения ООО «Высшая Школа Образования».

Лян Юяо - аспирант, факультет музыки, Университет Цзянси Нормал.

Мишин Д.А. - руководитель редакционно-издательского отдела ООО «Высшая Школа Образования».

Морозов М.А. - студент факультета «Международные отношения и внешняя политика», Дипломатическая академия МИД России.

Омуралиев Н.А. - Институт философии Национальной Академии наук Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан.

Рохас С.М. - аспирант. Московский государственный институт между-

народных отношений. ORCID: 0000-0002-1212-8146 / Author ID: 1209741 / SPIN-код: 6483-8768

Семенко И.Е. - кандидат педагогических наук, доцент, Уральский государственный университет путей сообщения.

Си Хань - Управление политических исследований, Сычуаньский провинциальный комитет КПК, Чэнду, Китай.

Соломенцев Г.С. - аспирант 2го курса специальности государственное управление и отраслевые политики. Славяно-Греко-Латинская академия.

Таякин А.Г. - соискатель учёной степени кандидата наук без освоения программ подготовки научных и научно-педагогических кадров. Томский государственный университет, г. Томск.

Узденова Б.Х. - доцент кафедры общей информатики. Северо-Кавказская государственная академия.

Хоу Юньлун - профессор и научный руководитель магистров, Университет Цзянси.

Цао Синьи - аспирант, факультет музыки, Университет Цзянси Нормал.

Чжэн Ся - школа иностранных языков Фусин, город Наньчан, провинция Цзянси.

Чочуев Э.Р. - обучающийся 2 курса. Программная инженерия. Северо-Кавказская государственная академия.

Шидаков И.А. - обучающаяся 2 курса. Прикладная информатика направленность (профиль) Прикладная информатика в юриспруденции. Северо-Кавказская государственная академия.

Шу Чживей - третья средняя школа, город Шанрао, провинция Цзянси.

Authors

Abazalieva M.M., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities North Caucasus State Academy.

Ardashev R.G., Doctor of Philosophy, Candidate of Law, Head of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines at the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Professor of the Department of Public and Municipal Administration at the Institute of Social Sciences of Irkutsk State University.

Burmistrov G.V., Postgraduate Student. Autonomous Educational Institution of Higher Education “University of the Humanities”, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0001-9194-0337

Cao Xinyi, Graduate student at the School of Music, Jiangxi Normal University.

Chochuev E.R., 2nd year student of the Software Engineering program 09.03.04 specialization (profile) Software Engineering. North Caucasus State Academy.

Dediu E.I., Senior Lecturer, Department of History Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.

Dovgyallo Y.P., Candidate of Economic Sciences, Researcher of the Institute of Economics and Demography of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan. ORCID: 0000-0003-3085-3445

Dzamikhova A.Z., 2nd year student of the direction of training 09.03.03 Applied Informatics focus (profile) Applied Informatics in Law. North Caucasus State Academy.

Gavrilyuk N.P., Candidate of Historical Sciences. Director of the «Buzeon» museum LLC «Polotnyany Zavod Paper Manufacture».

Hou Yunlong, Jiangxi Normal University, professor, masters supervisor.

Kulchaev I.Z., 2nd year student of the Software Engineering program 09.03.04 specialization (profile) Software Engineering. North Caucasus State Academy.

Kurovsky S.V., Head of the Research Department LLC “Higher School of Education”.

Liang Yuyao, Graduate student at the School of Music, Jiangxi Normal University.

Mishin D.A., Head of the Editorial and Publishing Department of LLC “Higher School of Education”.

Morozov M.A., Student of the Faculty of International Relations and

Foreign Policy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Omuraliev N.A., Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan.

Rojas S.M., PhD Student. Moscow State Institute of International Relations. ORCID: 0000-0002-1212-8146 / Author ID: 1209741 / SPIN-code: 6483-8768.

Semenko I.Y., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Ural State University of Railway Transport.

Shidakov I.A., 2nd year student of the direction of training 09.03.03 Applied Informatics focus (profile) Applied Informatics in Law. North Caucasus State Academy.

Shu Zhiwei, No. 3 Middle School, Shangrao City, Jiangxi Province.

Solomentsev G.S., 2nd year postgraduate student at the Slavic-Greek-Latin Academy.

Tayukin A.G., Candidate for the degree of Candidate of Sciences (PhD) without completing the training programs for scientific and academic staff. Tomsk State University, Tomsk.

Vostrikov K.V., PhD in Political Science, Associate Professor, Department of Public and Municipal Administration, Institute of Economics and Management, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo.

Uzdenova B.Kh., Associate Professor of the Department of General Informatics. North Caucasus State Academy.

Xi Han, Policy Research Office, the CPC Sichuan Provincial Committee, Chengdu China.

Zheng Xia, Fuxing Foreign Languages School, Nanchang, Jiangxi Province.

**ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ**

ПО ТЕМЕ:

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА, ЦИФРОВАЯ
ЭКОНОМИКА И ЭТИКА**

С целью выявления идей, их обобщения, анализа и апробации журнал проводит конкурс на лучшую статью (тезисы, размышления) для совершенствования стратегического курса межнациональных отношений, экономики регионов, и конструктивного пути развития

Работы направлять по адресу:
ethnosocium@mail.ru
Факс +7 (495) 772-19-99
Справки по тел. +7 (495) 772-19-99

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭТНОСОЦИУМ»**

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объемом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также пристатейный библиографический список.
3. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.

**Все права защищены. При использовании
материала ссылка на журнал
«Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.**

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных
представителей Президента РФ
в федеральных округах;
- Государственная Дума;
Аппарат Правительства РФ;
- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные
службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 772-19-99,
факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог
ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи
через Объединенный каталог «Пресса России»
и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru
E-mail: etnosocium@mail.ru
Тел.: +7 (495) 772-19-99
Необходимую научную литературу
Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин
Редактор Н.Э. Архипова
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.
Формат 60x90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л. 13